

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
"Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова"

Научный журнал

Издаётся с 2001 года

(до 1 января 2012 года – "Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки")

Выходит 6 раз в год

ВЕСТНИК

СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47126
выдано 11 ноября 2011 года
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс журнала – 38555

Главный редактор **В.И. Голдин**

Редакционный совет:

И. Брок (Норвегия),
А.В. Головнёв,
Д.С. Дюррант (Канада),
А.Л. Кудрин,
В.А. Садовничий

Редакционная коллегия:

Л.В. Баева, Л.И. Богданова, С.В. Борисов,
В.Н. Гончаров, И.В. Дёмин,
Т.Ю. Загрязкина, Н.А. Илюхина,
Д. Кемпер (Германия),
А.В. Колмогорова, Н.И. Коновалова,
А.Г. Лошаков, А.А. Мёдова,
Й.П. Нильсен (Норвегия),
М.Ю. Опенков, А.В. Петров, Р.Г. Пихоя,
Ю.В. Попков, А.М. Прилуцкий,
А.В. Репневский, К.Я. Сигал,
Б.Г. Соколов,
Ф.Х. Соколова (зам. гл. редактора),
Н.М. Терехин,
Е.В. Угрюмова (отв. секретарь),
П.В. Фёдоров,
М. Фрейм (Великобритания),
Л. Хейнинен (Финляндия),
К. Хин (Норвегия),
О.С. Чеснокова, А.В. Чуудинов,
А.Е. Шапаров, Л.Ю. Щипицина

СЕРИЯ
"Гуманитарные и социальные науки"

Т. 23,
№ 1 / 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Ганин А.В.** «Носович и Ковалевский – люди политически ненадежные»: воспоминания С.С. Иоффе о работе высшей военной инспекции на Юге России в 1918 году..... 5
- Терещук А.А.** Рамон Кабрера на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в 1833–1840 годах..... 14
- Голдин В.И., Суслов А.Ю.** Новая книга об истории индивидуального политического террора в годы Гражданской войны в России..... 24
- Осипов С.В., Вязьмитинов М.Н.** Возрождение производства наградных знаков в послереволюционной России (1918–1930-е годы)..... 32
- Хатанзейский А.В.** Бронетехника ленд-лиза в операции «Багратион» (23 июня – 29 августа 1944 года)..... 43

ЛИНГВИСТИКА

- Бражникова И.Е.** Национальная идентичность и ее языковая репрезентация в мексиканском лингвокультурном пространстве.. 54
- Сапиева С.К.** Языковая номинация и проблема ее ономаσιологического исследования..... 62

ФИЛОСОФИЯ

- Яковлева Е.Л.** Разрушение ауры искусства в творчестве Энди Уорхола..... 69
- Махаматов Т.М.** Диалектика экзистенциальной сущности индивида 80

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор
М.Г. Аверина

Ведущий редактор
И.В. Кузнецова

Переводчик
С.В. Бирюкова

Документовед
Е.В. Орёл

Верстка
О.В. Деревцовой

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес издателя:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17
Тел.: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Адрес редакции:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17,
ауд. 1336
Тел.: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Выход в свет 28.02.2023.
Бумага писчая. Формат 84×108 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 12,39. Уч.-изд. л. 10,39.
Тираж 1000 экз. Заказ № 8205.

Адрес типографии:
Издательский дом имени В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, 56

Свободная цена

© САФУ имени М.В. Ломоносова, 2022

Олейник В.А. Проблема корреляции бытия и времени: онтологическая роль феномена бытия-виновным в концепции Dasein М. Хайдеггера..... 91

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Попова О.Д. Горничные, денщики, прачки и другая прислуга в мире российской повседневности рубежа XIX – XX веков..... 99

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Голдин В.И. Высшее педагогическое образование на Архангельском Севере: веки истории и современность..... 106

НЕКРОЛОГ

Ушла из жизни Татьяна Сергеевна Нифанова. Слова прощания 112

Наши рецензенты..... 113

К сведению авторов..... 115

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov"

Scientific journal

Published since 2001

(Until January 1, 2012 – Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences)

Issued bi-monthly

OF NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL
UNIVERSITY

Registration certificate
PI no. FS77-47126
issued on November 11, 2011
by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Communications
(Roskomnadzor)

Subscriptional index of the journal – 38555

Editor in Chief **V.I. Goldin**

Editorial Council:

I. Broch (Norway),
A.V. Golovnev,
J.S. Durrant (Canada),
A.L. Kudrin,
V.A. Sadovnichy

Editorial Board:

L.V. Baeva, L.I. Bogdanova, S.V. Borisov,
V.N. Goncharov, I.V. Demin,
T.Yu. Zagryazkina, N.A. Ilyukhina,
D. Kemper (Germany),
A.V. Kolmogorova, N.I. Konovalova,
A.G. Loshakov, A.A. Medova,
J.P. Nielsen (Norway),
M.Yu. Openkov, A.V. Petrov,
R.G. Pikhoya, Yu.V. Popkov,
A.M. Prilutsky, A.V. Repnevsky,
K.Ya. Sigal, B.G. Sokolov,
F.Kh. Sokolova (Deputy Editor in Chief),
N.M. Terebikhin,
E.V. Ugryumova (Executive Secretary),
P.V. Fedorov, M. Frame (UK),
L. Heininen (Finland),
K. Heen (Norway),
O.S. Chesnokova,
A.V. Chudinov, A.E. Shaparov,
L.Yu. Shchiptsina

SERIES
"Humanitarian and Social Sciences"

Vol. 23,
No. 1 / 2023

CONTENTS

HISTORY

Ganin A.V. "Nosovich and Kovalevsky Are Politically Unreliable People": S.S. Ioffe's Memoir About the Work of the Supreme Military Inspectorate in the South of Russia in 1918.....	5
Tereshchuk A.A. Ramón Cabrera on the Pages of the Newspaper <i>Sankt-Peterburgskie Vedomosti</i> in 1833–1840.....	14
Goldin V.I., Suslov A.Yu. A New Book on the History of Individual Political Terror During the Civil War in Russia.....	24
Osipov S.V., Vyaz'mitinov M.N. Revival of Award Production in Post-Revolutionary Russia (1918–1930s).....	32
Khatanzevskiy A.V. Lend-Lease Armoured Vehicles in Operation Bagration (June 23 – August 29, 1944).....	43

LINGUISTICS

Brazhnikova I.E. National Identity and Its Linguistic Representation in the Mexican Linguocultural Space.....	54
Sapieva S.K. Language Nomination and the Problem of Its Onomasiological Research.....	62

PHILOSOPHY

Yakovleva E.L. Destruction of the Aura of Art in Andy Warhol's Works.....	69
Makhamatov T.M. Dialectics of the Existential Essence of an Individual.....	80
Oleynik V.A. Correlation Between Being and Time: The Ontological Role of the Phenomenon of Being-Guilty in M. Heidegger's Concept of Dasein.....	91

CONTENTS

Editor

M.G. Averina

Managing Editor

I.V. Kuznetsova

Translator

S.V. Biryukova

Document Manager

E.V. Orel

Make-up by

O.V. Derevtsova

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the list of Russian reviewed scientific journals, in which major scientific results of theses for academic degrees of doctor and candidate of science have to be published

Publisher's address:

nab. Severnoy Dviny 17,
Arkhangelsk, 163002
Phone: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Editorial office address:

nab. Severnoy Dviny 17, room 1336,
Arkhangelsk, 163002
Phone: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Publication date 28.02.2023.

Writing paper. Format 84x108 1/16.

Conv. printer's sh. 12.39.

Acad. publ. sh. 10.39.

Circulation 1000 copies. Order no. 8205.

Printer's address:

NArFU Publishing House named after V.N. Bulatov
ul. Uritskogo 56, Arkhangelsk, 163060

Free price

© NArFU named after M.V. Lomonosov, 2022

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

Popova O.D. Maids, Batmen, Washerwomen and Other Servants in Russian Everyday Life at the Turn of the 20th Century..... 99

ACADEMIC LIFE

Goldin V.I. Higher Teacher Education in the Arkhangelsk North: Historical Milestones and the Present..... 106

OBITUARIES

Tat'yana S. Nifanova Has Passed Away. Commemorative Words... 112

Our Peer-Reviewers..... 113

Information for Authors..... 115

*ГАНИН Андрей Владиславович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения Российской академии наук (Москва). Автор более 650 научных публикаций**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8602-1990>

«НОСОВИЧ И КОВАЛЕВСКИЙ – ЛЮДИ ПОЛИТИЧЕСКИ НЕНАДЕЖНЫЕ»: ВОСПОМИНАНИЯ С.С. ИОФФЕ О РАБОТЕ ВЫСШЕЙ ВОЕННОЙ ИНСПЕКЦИИ НА ЮГЕ РОССИИ В 1918 году

Материал представляет первую публикацию воспоминаний большевика С.С. Иоффе (1895–1938) о работе Высшей военной инспекции в период Гражданской войны на Юге России в 1918 году. Он занимал пост заместителя председателя политической секции инспекции и был хорошо осведомлен о положении дел в красном Царицыне, который в то время обороняли от белых. Основное внимание мемуарист уделяет деятельности белой подпольной организации во главе с бывшим генералом А.Л. Носовичем в штабе Северо-Кавказского военного округа. Воспоминания Иоффе написаны в мае 1922 года. Их создание обусловлено тем, что Особый отдел Государственного политического управления в связи с подготовкой судебного процесса над эсерами в то время занялся расследованием дела о заговорах в Царицыне летом 1918 года. Между описываемыми событиями Гражданской войны и подготовкой воспоминаний прошло почти четыре года. Мемуарист, по собственному свидетельству, не имел под рукой каких-либо документов и писал по памяти. В силу этого некоторые факты и их последовательность он изложил неточно. Тем не менее публикуемые воспоминания представляются важным и интересным историческим источником, содержащим новые данные о событиях в Царицыне и вокруг него в период первой обороны города в 1918 году. Более того, достоверность свидетельств Иоффе в целом ряде случаев подтверждается опубликованными недавно воспоминаниями белого агента в Красной армии генерала А.Л. Носовича. Документ хранится в архиве управления Федеральной службы безопасности России по Волгоградской области и был рассекречен в 2022 году.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Южный фронт, белое подполье, Высшая военная инспекция, А.Л. Носович, С.С. Иоффе, воспоминания.

*Адрес: 119991, Москва, просп. Ленинский, д. 32А; e-mail: andrey_ganin@mail.ru

Для цитирования: Ганин А.В. «Носович и Ковалевский – люди политически ненадежные»: воспоминания С.С. Иоффе о работе высшей военной инспекции на Юге России в 1918 году // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 1. С. 5–13. DOI: 10.37482/2687-1505-V235

В 2021–2022 годах после серии статей и документальных публикаций увидели свет подготовленные нами книги о белом агенте в Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА), начальнике штаба Северо-Кавказского военного округа, бывшем генерале А.Л. Носовиче [1; 2]. В основе этих изданий были материалы личного архива Носовича, обнаруженные во Франции, а также ряда других архивов России, Латвии, США и Финляндии. Однако процесс поиска и осмысления новых источников по данной теме не прекратился. Так, по нашему запросу в 2022 году управление Федеральной службы безопасности по Волгоградской области рассекретило новые документы из дела о так называемом алексеевском заговоре в Царицыне летом 1918 года (дело организации инженера Н.П. Алексева). Среди них оказались ранее неизвестные свидетельства о деятельности Носовича в Царицыне.

Пожалуй, наиболее значимым документом о Носовиче из тех, что стали доступны, являются публикуемые ниже впервые воспоминания большевика С.С. Иоффе о работе Высшей военной инспекции (ВВИ) в 1918 году на Юге России.

Семен Самойлович Иоффе (Симон-Залман Шмуylович Иофе) (1895–20.06.1938) руководил летом 1918 года работой комиссии вышеупомянутой инспекции в Царицыне. Военным руководителем комиссии являлся бывший подполковник Г.Д. Базилевич – член Российской коммунистической партии (большевиков) (РКП(б)), как и Иоффе. Сотрудникам ВВИ было поручено заниматься переформированием воинских частей в Царицыне по утвержденным штатам. Иоффе занимал пост заместителя председателя политической секции инспекции.

Иоффе родился в деревне Мосары Виленской губернии в еврейской семье, окончил Смоленскую классическую гимназию с золотой медалью (1916), в годы Первой мировой войны участвовал в работе подпольных революционных кружков. Обучался на медицинском факультете Московского университета, но не завершил обучение в связи с революцией. В октябре–ноябре 1917 года занимал должность командующего войсками Смоленского

района, принимал активное участие в установлении советской власти в Смоленской губернии. В 1918–1919 годах Иоффе служил в ВВИ. В 1921 году стал военным атташе, на следующий год окончил Военную академию РККА. Был секретарем народного комиссара по военным и морским делам Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Затем находился на партийной работе. В 1930-е годы некоторое время занимал должности председателя Комитета по делам печати при Совете народных комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (СНК РСФСР), заместителя начальника Главного управления Северного морского пути при СНК СССР, заместителя начальника Аэрофлота. Судьба Иоффе сложилась трагически, как и у многих представителей того поколения партийцев в СССР, – он был расстрелян. Останки захоронены на расстрельном полигоне в Коммунарке. Впоследствии он был реабилитирован.

Воспоминания написаны в мае 1922 года. Их создание обусловлено тем, что Особый отдел Государственного политического управления (ГПУ) вернулся к изучению дела о заговорах в Царицыне летом 1918 года. Скорее всего, возобновление расследования ставших историческими событий было связано с подготовкой судебного процесса над эсерами – в деле об алексеевской организации фигурировал представитель этой партии – И.И. Котов. Кроме того, в 1922 году закордонная часть Иностранного отдела ГПУ обнаружила и направила заместителю начальника Особого отдела ГПУ А.Х. Артузову копию доклада Носовича белому командованию [3, л. 189]. Чекистами для видного работника ГПУ С.М. Шпигельгласа был составлен список всех персоналий, указанных в документе в качестве белых подпольщиков или французских представителей [3, л. 186].

Среди материалов переписки 1922 года имеется свидетельство, косвенно подтверждающее наше предположение о возобновлении расследования в преддверии процесса против эсеров. Речь идет о телеграмме заместителя начальника Особого отдела А.Х. Артузова в царицынский

губернский отдел ГПУ от 27 марта 1922 года: «Срочно сообщите, проходил ли по спискам арестованных весной [19]18 года полковник Сухотин Николай Ильич. Если да – немедленно выяснить его судьбу и местопребывание. Вместе с этим вышлите дело, по которому были расстреляны офицеры – главари организации, стоявшей на платформе Учредит[ельного] собрания в [19]18 году во время [пребыва]ния в Царицыне ген. Носовича» [3, л. 222].

Между указанными событиями и написанием воспоминаний прошло почти четыре года. Мемуарист, по собственному свидетельству, не имел под рукой каких-либо документов и писал по памяти. В силу этого некоторые факты и их последовательность он изложил неточно. Например, он указал, что раскрытие алексеевского заговора произошло до отъезда Носовича и инспекции из Царицына, однако это не соответствует действительности. Тем не менее свидетельство Иоффе представляется важным и интересным, содержит новые данные о происходившем в Царицыне и вокруг него в период первой обороны города. Более того, в целом ряде случаев оно стыкуется с воспоминаниями самого Носовича, в т. ч. и в отношении кадрового состава инспекционной комиссии, в которой оказались белые агенты В.А. Миллер и Д.Е. Калисский.

Речь шла о заместителе председателя военной секции инспекции, бывшем полковнике 1-й гвардейской артиллерийской бригады В.А. Миллере и капитане (по другим данным, штабс-капитане) Д.Е. Калисском (Калисском). Первый известен как член военной организации «Национального центра», расстрелянный в 1919 году большевиками в Москве [4, с. 409–411, 443–468, 502–514; 5, с. 442]. Калисский значился заместителем инспектора артиллерии военной секции ВВИ и расследовал дело Носовича [6, л. 42; 7, л. 29]. Он был командирован 17 августа из г. Камышина в г. Балашов вместе с З.Б. Шостаком (о нем речь пойдет далее) для личного доклада Н.И. Подвойскому [6, л. 54, 55]. Позднее бежал к белым, служил в Вооружен-

ных силах на Юге России, но попал в плен и на 1921 год состоял на особом учете бывших белых офицеров в Московском военном округе.

В документе упоминается и еще один предполагаемый белый агент – начальник разведывательного отдела штаба Южного фронта З.Б. Шостак, расстрелянный в конце 1918 года. Свидетельство Иоффе косвенно подтверждает его антибольшевистскую работу. Шостак был реэмигрантом из США и коммунистом. В 1918 году являлся членом штаба революционных войск Северного Кавказа, а в начале августа того же года в составе группы сотрудников ВВИ ездил в Царицын [6, л. 41] и мог встречаться там с Носовичем. Отметим, что Шостак не позднее начала августа 1918 года составил докладную записку Высшему военному совету о формировании особой армии для действий по линии Царицын – Екатеринодар [8, л. 4–4 об.]. При аресте он обвинялся в хранении чистых бланков со штемпелями и печатями высших советских учреждений, а также в принятии на службу голландского военного корреспондента Л. Грондейса (Грондайса) из Добровольческой армии [9–12]. Шостак ездил с последним в Москву, передавал военные сведения, информировал британского дипломата и разведчика Р.Г.Б. Локкарта о положении дел на Юге России, снабжал контрреволюционеров документами [13, л. 1–1 об.] и под влиянием Грондейса представил Л.Д. Троцкому доклад о необходимости привлечения помощи союзников.

Исчерпав возможности для подрывной работы, Носович 24 октября 1918 года бежал к белым. В связи с этим начались репрессии против его недавних соратников [14; 15]. В частности, был арестован и расстрелян А.Н. Ковалевский. Товарищ последнего, бывший генерал А.Е. Снесарев прямо возлагал вину за гибель Ковалевского на Носовича [16, с. 43].

Интересно, как тот же Иоффе оценивал происходившее непосредственно в 1918 году. 10 ноября того года, вскоре после бегства Носовича к белым, он сообщал председателю ВВИ

Н.И. Подвойскому: «Носович и Ковалевский обвинялись в Царицыне т[оварищами] Сергеем Мининым и Сталиным в саботаже, бюрократизме, даже в измене (были данные об их сношениях с англо-французскими консулами). В беседе со мной перед отъездом Минин заявил, чтобы мы их, Носовича и Ковалевского, забрали для суда в Москву, так как им в Царицыне делать нечего и судить их удобнее в центре.

Я, Базилевич и Никольский держали их на пароходе под домашним арестом и доставили в распоряжение т[оварища] Подвойского.

Это люди были, безусловно, не надежные. Я подал отзыв такого содержания и о Носовиче, и о Ковалевском. Базилевич, назначенный командиром Балашово-Камышинского участка, отказался назначать себе в помощники Носовича и назначил помощником бывшего под рукой своего человека [А.К.] Степина» [7, л. 27–28].

Сам Носович в своих воспоминаниях ошибочно именовал Иоффе – Иоффеле. Белый подпольщик отметил, что тот его подозревал, но ничего не добился. Носович же неприязненно отзывался о комиссаре, чему способствовало и еврейское происхождение последнего.

Документ публикуется по современным нормам орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей. Явные ошибки исправлены без оговорок. Подчеркивания, сделанные читателями документа, не воспроизводятся.

С[овершенно] секретно

К делу Носовича и Ковалевского
(воспоминания б[ывшего] члена Высшей военной инспекции С.С. Иоффе)

1. Дело, о котором ниже идет речь, имело место в августе 1918 г. Обстановка была очень тяжела, пришлось с тех пор много пережить, посему, не имея сейчас под рукой документов, пишу по памяти и, следовательно, могу допустить невольно ошибки.

2. Назначение комиссии в Сев[еро-]Кав[казский] округ.

Высшая военная инспекция в июле 1918 г. выехала на южный участок «завесы»¹. Причины ее выезда были – наладить организацию вооруженных сил для ликвидации белогвардейцев юга – Краснова² и проч[их] и по возможности содействовать борьбе на Востоке – с чехословаками, кои считались в то время главным противником. Высшая военная инспекция в это время не только производила инспектирование частей и учреждений, но руководила операциями, производила формирования, организовывала снабжение, руководила политработой и прочее.

Борьба с казаками требовала координации действий с войсками Северо-Кавказского округа, где в то время уже были созданы революционные, весьма значительные силы со значительной долей партизанства.

В Царицыне – центре Сев[еро-]Кав[казского] округа работали столь авторитетные лица, как Сталин³, Минин⁴, Ворошилов⁵.

¹ Речь идет о южном участке отрядов «завесы», существовавшем в августе – сентябре 1918 года и созданном на базе Воронежского района обороны.

² Краснов Петр Николаевич (10.09.1869–16.01.1947) – генерал-майор (впоследствии – генерал от кавалерии), атаман Всевеликого войска Донского (1918–1919), один из лидеров антибольшевистского движения на Юге России.

³ Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (06.12.1878–05.03.1953) – революционер, член Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) с 1901, советский партийный и государственный деятель. Народный комиссар по делам национальностей. Общий руководитель продовольственного дела на Юге России с чрезвычайными полномочиями.

⁴ Минин Сергей Константинович (29.06.1882–08.01.1962) – революционер, член РСДРП(б) с 1905. Городской голова Царицына (09.1917–05.1918), председатель штаба обороны Царицына (12.1917–05.1918), депутат Учредительного собрания, член Военного совета Северо-Кавказского военного округа (1918).

⁵ Ворошилов Климент Ефремович (23.01.1881–02.12.1969) – революционер, член РСДРП(б) с 1904. Командующий 5-й армией, Царицынской группой войск (1918).

Т[оварищ] Подвойский⁶ решил выдвигать комиссии для выяснения «царицынских» дел.

Так как дело предстояло серьезное, то долго шли разговоры, кого послать.

Наконец остановились, что во главе комиссии будут: я (С.С. Иоффе), и.о. военрука Выс[шей] воен[ной] инспекции Базилевич⁷ и Никольский⁸ (б[ывший] пом[ощник] управ[ляющего] дел[ами] ВВИ):

С нами поехали – Миллер⁹ (артиллерии полковник), Шостак¹⁰, Калисский¹¹ (два молодых офицера), кроме того, машинист Озолин, делопроизводитель (фамилию забыл) и комендант-матрос.

Выехали мы 1^{го} или 2^{го} августа.

3. Очищение Волги в районе Камышин – Балыклей.

По прибытии в Камышин мы выяснили, что белые прорвали путь из Камышина в Царицын в районе Балыклей. Так как мы уже слегка были информированы о тяжелых боях в Царицыне, то мы решили очистить Волгу и обеспечить коммуникации на Царицын.

Мы сформировали отряд силой около полка пехоты со взводом артиллерии и полуэскадром, под командой Кузнецова, к нам присоединился один из самовольно дезертировавших

царицынских полков (кажется, 9[-й] полк). Мы погрузились на пароход и баржи и двинулись кильватерной колонной.

В деле организации отряда всю тяжесть пришлось вынести мне и Базилевичу. Ничего не делали Миллер и Шостак, чем страшно возмутили меня и Базилевича.

После боя у Балыклей и очищения Волги мы прибыли в Царицын.

4. Обстановка в Царицыне.

В Царицыне нас радушно встретили Сталин и Минин. Сталин нас подробно информировал о военном положении Царицына; Минин об общем состоянии.

После объезда некоторых участков фронта для нас стало ясно, что ввиду крупных боев переформировать части нельзя. Мы стали изыскивать меры помощи Царицыну. Мы отдали в распоряжение Севкавокра¹² привезенных с собой красноармейцев (взвод), далее я при содействии пар[т]кома приступил к поголовной мобилизации французского завода для сформирования частей. Положение в Царицыне становилось очень тяжелым.

5. Заговор в Царицыне.

По приезде в Царицын я после посещения Воен[ного] совета Севкавокра направился к

⁶Подвойский Николай Ильич (04.02.1880–28.07.1948) – революционер, член РСДРП с 1901. Председатель ВВИ (с 1918).

⁷Базилевич Георгий Дмитриевич (26.01.1889–03.03.1939) – бывший подполковник, военный специалист РККА. Член РКП(б). Сотрудник ВВИ.

⁸Никольский Е.Н. – бывший подполковник, военный специалист РККА. Сотрудник Высшей военной инспекции.

⁹Миллер Василий Александрович (?–1919) – полковник Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Военный специалист РККА, заместитель председателя военной секции ВВИ (с конца июля 1918 года), член подпольной антибольшевистской военной организации «Национального центра» в Москве. Арестован и расстрелян в Москве.

¹⁰Шостак Зиновий Борисович (?–12.1918) – реэмигрант из США, коммунист. Служил в РККА (1918). Участник Гражданской войны на Юге России. Руководил операциями против Добровольческой армии весной 1918 года. Отличался справедливым отношением к военнопленным и боролся с самосудами. Начальник разведывательного отдела штаба Южного фронта.

¹¹Калисский Дмитрий Евстафьевич – уроженец Гродненской губернии, поручик 28-й артиллерийской бригады, получивший ранение 21 июня 1916 года. В Гражданскую войну – военный специалист РККА, затем на службе в Вооруженных силах Юга России. Штабс-капитан. Взят в плен.

¹²Северо-Кавказского военного округа.

председателю Чека т. Червякову¹³. Это был очень энергичный и толковый работник. Он меня информировал о том, что незадолго до нашего приезда в Царицыне был раскрыт грандиозный заговор, все виновники коего арестованы и расстреляны¹⁴. Так как ввиду близости фронта Царицынская ЧК и Воен[ный] совет вообще решили не доверять военспецам, то большая часть этих спецов была арестована и посажена на баржу. На барже сидел арестованный Генштаба Носович¹⁵; под надзором находился Генштаба Ковалевский¹⁶. Оба – Носович и Ковалевский – были присланы из Москвы Троцким¹⁷.

По заявлению пред[седателя] Царицынской ЧК т. Червякова, никаких реальных улик против Носовича и Ковалевского не было (если бы хоть малейшие улики были, их бы немедленно расстреляли).

б. Ковалевский и Носович.

Член инспекции Шостак, узнав об аресте Носовича и об отстранении Ковалевского¹⁸, повидался с ними и возбудил вопрос передо мною и Базилевичем об отправке их в Москву, в распоряжение Троцкого. Ковалевский даже подал в инспекцию доклад в этом смысле, где он указывал, что при создавшейся обстановке продолжать работу он не может и просил направить его в Москву в распоряжение Троцкого.

Мы несколько раз телеграфировали относительно Носовича и Ковалевского Подвойскому в Балашов. После долгих запросов прибыл ответ направить их обоих в Балашов.

Мы снеслись с Мининым относительно Ковалевского и Носовича. Минин и Сталин вначале колебались, а потом решили передать Носовича и Ковалевского в наше распоряжение.

Носович и Ковалевский с семьями перешли на наш пароход и содержались под домашним арестом. Кто-то из спецов возбудил вопрос, чтобы никаким стеснениям их не подвергать и даже советовал пригласить их обедать в общую столовую, но против этого восстал Никольский, его поддержал я. Таким образом, Носович и Ковалевский остались у нас на пароходе под арестом.

7. Дальнейшие события.

Положение Царицына становилось катастрофическим. Я было решил остаться в Царицыне и пойти на фронт с мобилизованными мною рабочими.

Против этого восстали все члены инспекции. Базилевич заявил, что вряд ли удастся остановить натиск казаков с фронта, что необходимо выехать в Камышин и оттуда организовать удар во фланг казакам.

Это и было принято. Мы выехали в Камышин, срочно сформировали отряд из трех ро-

¹³Червяков Александр Иванович (1891–12.1966) – председатель Царицынской чрезвычайной комиссии (ЧК) (1918), член РКП(б).

¹⁴Мемуарист путает последовательность событий. А.Л. Носович и А.Н. Ковалевский были вывезены ВВИ из Царицына на пароходе, о чем пойдет речь ниже, до раскрытия заговора инженера Н.П. Алексева.

¹⁵Носович Анатолий Леонидович (09.10.1878–25.01.1968) – бывший генерал-майор, военный специалист РККА, начальник штаба Северо-Кавказского военного округа, руководитель антибольшевистской подпольной организации в штабе Северо-Кавказского военного округа (05–08.1918). А.Л. Носович и А.Н. Ковалевский в период ареста 10–13 августа содержались под стражей в гостинице «Столичные номера», а не на барже.

¹⁶Ковалевский Александр Николаевич (30.08.1880–11.1918) – однокурсник А.Л. Носовича по Императорской Николаевской военной академии (выпуск 1910 года). Бывший полковник, военный специалист РККА, начальник мобилизационного управления штаба Северо-Кавказского военного округа (с 05.1918). После бегства А.Л. Носовича к белым расстрелян как его ближайший соратник.

¹⁷Это заявление неверно. Председатель Высшего военного совета Л.Д. Троцкий лишь утверждал те или иные назначения, но не имел прямого отношения к назначениям Носовича и Ковалевского, которые попали в штаб округа благодаря знакомству с военным руководителем А.Е. Снесаревым.

¹⁸На самом деле Ковалевский также был арестован.

дов войск и пустили его по реке Иловле к станции Лог в обход левого фланга казаков.

8. Выезд в Балашов.

Вскоре я был затребован Подвойским в Балашов для налаживания¹⁹ политической части и для согласования работ с воен[ным] отделом. Немного позже были вызваны в Балашов Никольский и прочие.

В Камышине остался Куйбышев²⁰ (ныне – командир корпуса и слушатель Высших академических курсов в Москве).

Я доложил подробно обо всем Подвойскому.

Я ему указал, что Носович и Ковалевский – люди политически ненадежные, что лучше всего их услатить в Москву. Если даже и считать, что улик против них нет, то все равно, по-моему, их не следовало оставлять на Южном фронте, так как против них были Минин и Сталин; раз так, то не было смысла портить отношения со Сталиным и Мининым.

Подвойский ответил, что он все это учитывает, но что ему крайне нужны спецы, т.к. в то

время готовилось общее наступление против казаков. Поэтому он решил оставить и дать работу Ковалевскому и Носовичу.

9. Некоторые детали.

У нас в комиссии, как я указал, работали: Миллер, полк[овник] артиллерии (расстрелян в 1919 г. за участие в заговоре Национального центра²¹) и Шостак (расстрелян в 1918 г. по приказу Мехоношина²² за шпионаж).

Шостаку была очень близка стенографистка Кюлевейн²³.

В комиссию был прикомандирован очень подозрительный человек – полковник Генштаба Сидоровнин²⁴. Ныне он, кажется, работает в Пулковской обсерватории как геодезист.

Сидоровнин сам казак и много знает о царичьинских делах.

Иоффе

11 мая 1922

Архив Управления ФСБ России по Волгоградской области. Ф. 6. Д. 2063. Л. 172–175. Подлинник. Рукопись.

Список литературы

1. *Носович А.Л.* Белый агент в Красной армии: Воспоминания, документы, статьи / под ред. А.В. Ганина. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 576 с.
2. *Ганин А.В.* Белый агент при Сталине. Жизнь и борьба генерала Носовича. М.: Кучково поле Музеон, 2022. 560 с.

¹⁹Так в документе.

²⁰Куйбышев Николай Владимирович (13.12.1893–01.08.1938) – бывший капитан, военный специалист РККА. Брат видного революционера В.В. Куйбышева. Сотрудник ВВИ.

²¹Речь идет о раскрытии антибольшевистской подпольной организации «Национальный центр» в Москве в 1919 году.

²²Мехоношин Константин Александрович (30.10.1889–07.05.1938) – революционер, член РСДРП(б) с 1913. Член Реввоенсовета Республики (РВСР) (1918–1919), член Революционного военного совета Южного фронта (1918–1919).

²³Кюлевейн Валентина Николаевна (07.11.1887–?) – бывшая стенографистка «Русского слова» и «Утра России». Знакомая сестры А.Л. Носовича по Екатерининскому институту благородных девиц в Москве.

²⁴Сидоровнин Степан Клавдиевич (26.07.1881–?) – из казаков Уральского казачьего войска. Выпускник ускоренных курсов 2-й очереди Военной академии. Военный специалист РККА. В розыске на 01.1919. Перешел к белым. Участник Белого движения в Уральском казачьем войске (1919–1920). Затем переехал на Юг России.

3. Архив Управления ФСБ России по Волгоградской области. Ф. 6. Д. 2063.
4. Красная книга ВЧК. М.: Политиздат, 1989. Т. 2. 541 с.
5. Волков С.В. *Офицеры российской артиллерии: опыт мартиролога*. М.: Изд-во Православ. Свято-Тихон. гуманитар. ун-та, 2011. 775 с.
6. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 10. Оп. 1. Д. 368.
7. РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278.
8. РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 352.
9. Grondijs L.H. *La guerre en Russie et en Sibérie*. Paris: Bossard, 1922. 552 p.
10. Grondeys L. *Война в России и Сибири* / под науч. ред. Р.Г. Гагкуева. М.: Полит. энцикл., 2018. 455 с.
11. Jansen M. L.H. Grondijs and Russia: The Acts and Opinions of a Dutch White Guard // *Revolut. Russ.* 1994. Vol. 7, № 1. P. 20–33. DOI: [10.1080/09546549408575614](https://doi.org/10.1080/09546549408575614)
12. Гагкуев Р.Г., Шилова С.Г. Людовик Грондайс «Он был возведен в ранг великих стратегов» // *Историк*. 2016. № 5(17). С. 28–31.
13. РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 130.
14. Чебышева К.В. *Пять поколений представителей семьи Чебышевых*. М., 1997. 49 с.
15. Чебышева К.В. *История моей жизни*. М., 1997. 205 с.
16. Снесарев А.Е. «Вся Россия – больна...». Из дневника 1918–1919 годов // *Моск. журн.* 1996. № 8. С. 37–48.

References

1. Nosovich A.L. *Belyy agent v Krasnoy armii: Vospominaniya, dokumenty, stat'i* [White Guard Agent in the Red Army: Memoirs, Documents, Articles]. Moscow, 2021. 576 p.
2. Ganin A.V. *Belyy agent pri Staline. Zhizn' i bor'ba generala Nosovicha* [White Guard Agent Under Stalin. The Life and Struggle of General Nosovich]. Moscow, 2022. 560 p.
3. *Archives of the Federal Security Service of Russia in the Volgograd Region*. Coll. 6. Fol. 2063 (in Russ.).
4. *Krasnaya kniga VChK* [The Red Book of Cheka]. Moscow, 1989. Vol. 2. 541 p.
5. Volkov S.V. *Ofitsery rossiyskoy artillerii: opyt martirologa* [Officers of the Russian Artillery: A Martyrologist's Experience]. Moscow, 2011. 775 p.
6. *Russian State Military Archives (RSMA)*. Coll. 10. Inv. 1. Fol. 368 (in Russ.).
7. *RSMA*. Coll. 10. Inv. 2. Fol. 1278 (in Russ.).
8. *RSMA*. Coll. 10. Inv. 2. Fol. 352 (in Russ.).
9. Grondijs L.H. *La guerre en Russie et en Sibérie*. Paris, 1922. 552 p.
10. Grondijs L.H. *La guerre en Russie et en Sibérie*. Paris, 1922. 552 p. (Russ. ed.: Grondeys L. *Voyna v Rossii i Sibiri*. Moscow, 2018. 455 p.).
11. Jansen M. L.H. Grondijs and Russia: The Acts and Opinions of a Dutch White Guard. *Revolut. Russ.*, 1994, vol. 7, no. 1, pp. 20–33. DOI: [10.1080/09546549408575614](https://doi.org/10.1080/09546549408575614)
12. Gagkuev R.G., Shilova S.G. Lyudovik Grondays “On byl vozveden v rang velikikh strategov” [Lodewijk Grondijs “He Was Ranked Among Great Strategists”]. *Istoriik*, 2016, no. 5, pp. 28–31.
13. *RSMA*. Coll. 10. Inv. 1. Fol. 130 (in Russ.).
14. Chebysheva K.V. *Pyat' pokoleniy predstaviteley sem'i Chebyshevykh* [Five Generations of the Chebyshev Family]. Moscow, 1997. 49 p.
15. Chebysheva K.V. *Istoriya moey zhizni* [The Story of My Life]. Moscow, 1997. 205 p.
16. Snesev A.E. “Vsy Rossiya – bol'na...”. Iz dnevnika 1918–1919 godov [“The Entire Russia Is Diseased ...”. From the Diary of 1918–1919]. *Moskovskiy zhurnal*, 1996, no. 8, pp. 37–48.

DOI: 10.37482/2687-1505-V235

Andrey V. Ganin

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences;
prosp. Leninskiy 32A, Moscow, 119991, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8602-1990> e-mail: andrey_ganin@mail.ru

**“NOSOVICH AND KOVALEVSKY ARE POLITICALLY UNRELIABLE PEOPLE”:
S.S. IOFFE’S MEMOIR ABOUT THE WORK OF THE SUPREME MILITARY
INSPECTORATE IN THE SOUTH OF RUSSIA IN 1918**

The material presents the first publication of the memoir of Bolshevik S.S. Ioffe (1895–1938) about the work of the Supreme Military Inspectorate during the Civil War in South Russia in 1918. Ioffe served as deputy chairman of the inspectorate’s political section and was well aware of the situation in Tsaritsyn, which at that time was being defended from the Whites. The memoirist pays special attention to the activities of a White underground organization headed by former General A.L. Nosovich at the headquarters of the North Caucasus Military District. Ioffe wrote his memoir in May 1922 due to the fact that the Special Department of the State Political Administration, in the course of the preparation of the trial of the Socialist Revolutionary Party, was at that time investigating the case of conspiracies in Tsaritsyn in the summer of 1918. Almost four years passed between the events of the Civil War described and the writing of the memoir. According to him, Ioffe did not have any documents at hand and wrote from memory. Because of this, some facts and their sequence were stated inaccurately. Nevertheless, the memoir seems to be an important and interesting historical source containing new data on the events in and around Tsaritsyn during the first defence of the city in 1918. Moreover, the reliability of Ioffe’s testimony in a number of cases is confirmed by the recently published memoir of General A.L. Nosovich, a White Guard agent in the Red Army. The document is kept in the Archives of the Federal Security Service of Russia in the Volgograd Region and was declassified in 2022.

Keywords: *Russian Civil War, Southern Front, White Underground, Supreme Military Inspectorate, A.L. Nosovich, S.S. Ioffe, memoir.*

Поступила 08.11.2022
Принята 15.01.2023
Опубликована 03.02.2023

Received 8 November 2022
Accepted 15 January 2023
Published 3 February 2023

For citation: Ganin A.V. “Nosovich and Kovalevsky Are Politically Unreliable People”: S.S. Ioffe’s Memoir About the Work of the Supreme Military Inspectorate in the South of Russia in 1918. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 5–13. DOI: 10.37482/2687-1505-V235

УДК 94(460).072

DOI: 10.37482/2687-1505-V238

*ТЕРЕЩУК Андрей Андреевич, доктор Уни-
верситета Барселоны по испанской филологии, до-
цент кафедры романской филологии Российского
государственного педагогического университета
им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург). Автор 43 на-
учных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8838-9302>

РАМОН КАБРЕРА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ» В 1833–1840 годах

В статье через призму публикаций в газете «Санкт-Петербургские ведомости» рассматривается деятельность военачальника Рамона Кабреры, участвовавшего в Первой Карлистской войне в Испании (1833–1840). Данный конфликт был обусловлен династическим спором между доном Карлосом, братом скончавшегося в 1833 году короля Фердинанда VII, с одной стороны и вдовствующей королевой Марией-Кристиной и ее дочерью Изабеллой с другой. В ходе конфликта Кабрера возглавил вооруженные силы сторонников первого (карлистов) в историческом регионе Маэстразго, который включал в себя часть современных Каталонии, Валенсии и Арагона. К 1838–1839 годам он контролировал обширную территорию, где ему удалось создать карлистское квазигосударство. В данной работе анализируются упоминания о полководце в «Санкт-Петербургских ведомостях» с октября 1833 по июль 1840 года, т. е. в течение конфликта. Всего было просмотрено 1955 номеров; в 1453 из них были обнаружены упоминания о Первой Карлистской войне. Впервые Кабрера фигурирует на страницах газеты в 1834 году. В то же время большая часть упоминаний относится к заключительному этапу конфликта (1838–1840). Приводятся примеры ложных новостей, биографических заметок, высказываний сослуживцев о полководце. Отмечается, что некоторые эпизоды войны, связанные с Кабрерой, впоследствии получившие широкую известность, были лишь кратко упомянуты в газете. Фигура карлистского полководца получила противоречивые оценки от современников; в споре противников и сторонников Кабреры «Санкт-Петербургские ведомости» заняли нейтральную позицию.

Ключевые слова: карлизм, Первая Карлистская война, Р. Кабрера, Испания, образ Р. Кабреры в прессе, «Санкт-Петербургские ведомости».

*Адрес: 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48; e-mail: atereschuk@herzen.spb.ru

Для цитирования: Терещук А.А. Рамон Кабрера на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в 1833–1840 годах // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 1. С. 14–23. DOI: 10.37482/2687-1505-V238

Введение

Рамон Кабрера (1806–1877) – один из наиболее известных лидеров испанских карлистов в XIX веке. Во время Первой Карлистской войны (1833–1840) он возглавил восстание сторонников дона Карлоса на территории исторического региона Маэстразго, включавшего в себя часть современных Арагона, Валенсии и Каталонии. В конфликте 1846–1849 годов Кабрера воевал на стороне графа де Монтемолин, сына дона Карлоса и претендента на испанский престол в 1845–1861 годах. Впоследствии военачальник проживал в Англии, оставаясь заметной фигурой среди карлистской эмиграции. Кабрера отказался принимать участие в войне 1872–1876 годов; более того, после реставрации на троне династии Бурбонов (1874) он признал короля Альфонсо XII и для карлистов превратился из героя в антигероя (из последних монографий о его жизни можно отметить: [1; 2]).

Фигуру Кабреры нельзя изучать в отрыве от истории испанского карлизма, который представляет собой общественно-политическое течение, оформившееся в 1833 году и сохраняющееся и в наше время; в рамках традиционной дихотомии «правые–левые» оно занимает место на правом фланге политического спектра (хотя в XX веке появились и разновидности «левого карлизма»). В 1833 году, после смерти короля Фердинанда VII, в Испании начался династический спор между братом монарха Карлосом Марией Исидро (доном Карлосом) и малолетней дочерью Фердинанда Изабеллой, интересы которой отстаивала ее мать королева Мария-Кристина. Вопрос о правах на корону между представителями династии Бурбонов, сменившей на испанском престоле Габсбургов в начале XVIII века, послужил лишь поводом к войне; истинной причиной конфликта стал глубокий раскол в испанском социуме,

вызванный рядом общественно-политических и экономических факторов. Сторонники дона Карлоса (карлисты) представляли собой наиболее консервативную часть общества. Война, продлившаяся до середины 1840 года, закончилась победой Марии-Кристины и Изабеллы, но карлистское движение не исчезло. Вплоть до середины XX века оно продолжало играть важную роль на испанской политической сцене. На тему истории и идеологии карлизма см.: [3–7]¹.

Имя Кабреры прогремело на всю Европу во время конфликта 1833–1840 годов. Он получил прозвище Тигр Маэстразго, которое в глазах его сторонников символизировало храбрость полководца, а в глазах противников – его жестокость². Фигура военачальника получила совершенно разные оценки современников. В 1844 году историк консервативного направления Б. де Кордова выпустил четырехтомную книгу «Политическая и военная жизнь Кабреры» [9]³. Этот труд, остающийся на настоящий момент наиболее подробным описанием хода боевых действий в Маэстразго, идеализировал лидера карлистов, представляя его как рыцаря без страха и упрека. Кабрера лично написал послесловие к собственной биографии (см. подробный анализ данной работы в [10]). Реакцией на апологетический опус Б. де Кордовы стало произведение писателя и публициста В. Айгуалса де Иско «Тигр Маэстразго» («история-роман», как указал автор в подзаголовке), в большей степени относящееся к беллетристике, чем к исторической науке. Кабрера нес ответственность за гибель родного брата писателя, и закономерно, что на страницах романа карлистский военачальник рисуется исключительно черными красками [11]. Он вошел и в русскую литературу: в знаменитых «Письмах об Испании» В.П. Боткина, созданных почти одновременно с трудом Б. де Кордовы, лидер

¹Мы приводим только некоторые работы на русском языке; подробный обзор данного вопроса потребовал бы написания отдельной статьи. Анализ последних зарубежных публикаций по истории Первой Карлистской войны см. в [8].

²В испанском языке XIX века лексема «tigre» часто использовалась для обозначения жестокого человека.

³Также Б. де Кордова известен биографией испанского философа каталонского происхождения Ж. Балмеса.

карлистов упоминается в негативном ключе: «Шайки Кабреры были сборищем всего того, что жило прежде по большим дорогам: мало было им нужды до торжества претендента (дона Карлоса. – *А.Т.*) и духовенства. Если они приняли их сторону, то только из того, чтобы безнаказанно бить и грабить» [12, с. 78]. Впоследствии Кабрера стал персонажем не менее чем 15 романов в испанской литературе; при этом в зависимости от политических взглядов автора «мы можем наткнуться на образ беспринципного, жестокого и кровожадного человека или на фигуру великого генерала, справедливого, верного и храброго» [1, с. 43].

Методология

Механизмы формирования как положительного, так и отрицательного образа Кабреры в исторической и художественной литературе эпохи были рассмотрены в некоторых научных работах, появившихся за последние годы [10; 11]. В то же время анализ изображения данного персонажа в средствах массовой информации пока остается вне фокуса внимания специалистов. Целью настоящей статьи является изучение отображения образа Кабреры в российской прессе. Временные рамки исследования: октябрь 1833 – июль 1840 года, т. е. период Первой Карлистской войны. Источником для проведения анализа послужила газета «Санкт-Петербургские ведомости» (далее – «Ведомости»). Ранее материалы данного издания уже использовались для изучения истории Испании XIX века [13; 14]. «Ведомости» были газетой, отражавшей официальную точку зрения властей, но в то же время и перепечатывавшей статьи из зарубежных изданий самой разной направленности.

Всего было просмотрено 1955 номеров «Ведомостей», опубликованных в указанные временные рамки. Первая Карлистская война фигурирует в 1453 номерах (74,3 %). Наибольшая частота упоминаний отмечается в 1835 году – в 251 номере из 283 (88,6 %) содержались известия о событиях в Испании. На заключительном этапе войны, когда основная «тяжесть» боевых действий переместилась с Северного фронта в Маэстразго, где силы карлистов воз-

главлялись Кабрерой, частота упоминаний снижается: в 185 из 283 (65,3 %) в 1838 году, в 164 из 286 (57,3 %) в 1839 году и в 77 из 165 (46,6 %) в январе–июле 1840 года. Представляется, что частотность упоминания войны зависела от активности боевых действий (с учетом того, что в среднем новости публиковались через 20–30 дней после события). Например, активные боевые действия летом 1835 года (осада Бильбао, сражение при Мендигоррии, смена командования в обеих армиях) привели к тому, что с июня по октябрь все номера «Ведомостей» содержали упоминания о войне (100 %); в ноябре – 23 из 24 (95,8 %); в декабре – снова 100 %. Снижение интереса к этой теме в последние два с половиной года конфликта может объясняться как отсутствием в данный период крупных сражений (как в 1835–1837 годах), так и смещением фокуса внимания общественности к главному событию в международной политике того времени – Восточному кризису 1839–1841 годов.

Хотя «Ведомости» регулярно писали о ходе боевых действий, газета не содержит официальных заявлений от имени российского правительства относительно войны в Испании. Наша страна занимала выжидательную позицию применительно к конфликту на Пиренейском полуострове: Николай I разорвал дипломатические отношения с мадридским правительством (сторонниками Марии-Кристины и Изабеллы) и оказывал финансовую поддержку карлистам [15, с. 620]; при этом Россия и другие «Северные державы» (Австрия и Пруссия) воздержались от официального признания дона Карлоса в качестве короля. Причины непризнания карлистов со стороны дружественных им держав емко сформулировал министр иностранных дел Австрии князь К. фон Меттерних в одном из своих писем: «Что сделают державы (Россия, Австрия и Пруссия. – *А.Т.*) и что они готовы сделать в случае, если дон Карлос, признанный ими Королем, будет изгнан из своего Королевства? Поддержат ли они его? Что они могут сделать? А если они его не поддержат, какие в таком случае будут последствия того,

что вся Европа убедится, что поддержка двух морских держав имеет большее значение для претендентов на корону, чем протекция трех Дворов?» [16, с. 640].

Одним из следствий непризнания дона Карлоса со стороны России стало отсутствие в прессе официальных заявлений относительно конфликта и информации о контактах с карлистами. Например, когда в 1837 году в Санкт-Петербург прибыл карлистский посланник маркиз де Вильяфранка, «Ведомости» ограничились указанием его титула, но не сообщили о его миссии⁴. Впоследствии он в своих письмах жаловался, что российские газеты не упоминают его имени и воздерживаются от любых официальных комментариев в связи с пребыванием в Санкт-Петербурге карлистского представителя, чтобы не провоцировать конфликт с англичанами [15, с. 618]. Таким образом, материалы «Ведомостей» лишь косвенно указывают на позицию России по отношению к карлистскому движению в целом и к Кабрере в частности.

Результаты

На начало войны (октябрь 1833) уроженец Тортосы (Каталония) Кабрера был студентом семинарии. Он отказался от духовной карьеры и присоединился к карлистскому восстанию в Маэстразго. Как писал прусский доброволец в армии дона Карлоса А. фон Гебен⁵, Кабрера создал партизанский отряд из своих товарищей по семинарии [17, с. 335]. Возможно, именно поэтому в начале войны карлистский командир получил прозвища «семинарист», или «священник Кабрера». «Патер Кабрера блокирует Тортозу», – писали «Ведомости» в конце 1834 года⁶. Однако в первой половине 1834 года Кабрера был лишь одним

из многочисленных предводителей партизанских отрядов в регионе. Первое упоминание о Кабрере в «Ведомостях» относится к 24 августа 1834 года: «Полковник Эскаррио объявил в Сарагосе 4-го Августа, что остаток Каталонской шайки Кабреры, присоединившейся к шайке Карнисера, окружен... Обе помянутые шайки, ночевавшие накануне в Фортанете, состоят из 450 человек⁷».

К концу 1834 года упомянутый в газете М. Карнисе⁸ объединил под своим командованием большую часть сил сторонников дона Карлоса в регионе и произвел Кабреру сразу в полковники. Бывший семинарист, которому не было еще и 30 лет, проявил себя как талантливый командир партизанского отряда и завоевал уважение среди карлистов. В апреле 1835 года Карнисе попал в плен к правительственным войскам и был расстрелян, после этого дон Карлос назначил главнокомандующим карлистской армией в Маэстразго именно Кабреру.

Тигр Маэстразго взял курс на превращение разрозненных партизанских отрядов в регионе в полноценную армию, организовал обучение новобранцев и специальные курсы для офицеров [1, с. 219]. Если до 1835 года основным театром военных действий в Испании был Северный фронт (Наварра, Риоха, Страна Басков), то ближе к концу конфликта именно действия Кабреры представляли главную угрозу для мадридского правительства. Летом 1836 года для операций против Тигра Маэстразго была сформирована отдельная Центральная армия [9, с. 62–63]. В январе 1838 года войска Кабреры захватили расположенный в горах город Морелья, который стал «столицей» карлистского квазигосударства в Маэстразго⁹. Соот-

⁴Санкт-Петербургские ведомости. 1837, 30 июля. № 170. С. 766. Ср.: на том же корабле в столицу прибыл консул Мекленбурга; «Ведомости» указали не только его имя, но и занимаемую должность.

⁵Впоследствии дослужившийся до генерала от инфантерии и участвовавший во франко-прусской войне 1870–1871 годов.

⁶Санкт-Петербургские ведомости. 1834, 16 нояб. № 267. С. 1041.

⁷Санкт-Петербургские ведомости. 1834, 24 авг. № 196. С. 766.

⁸«Manuel Carnicer»; его каталонскую фамилию было бы точнее передавать на русском как «Карнисе».

⁹Санкт-Петербургские ведомости. 1838, 20 февр. № 40. С. 175.

ветственно, во второй половине 1830-х годов Кабрера стал чаще появляться на страницах «Ведомостей».

Иногда в газете публиковались сообщения, не имевшие ничего общего с реальностью. Наиболее яркий пример – номер от 16 сентября 1837 года, в котором перепечатывалась депеша, поступившая из Байонны и упоминавшая о Кабрере; редакция «Ведомостей» добавила к этой новости примечание: «Кабрера, как известно, Предводитель Карлистский и недавно был расстрелян; поэтому надобно полагать, что в телеграфическом известии ошибка¹⁰». В сентябре 1837 года Тигр Маэстразго принимал участие в «Королевской экспедиции» и вместе с армией дона Карлоса едва не вступил в Мадрид; слухи о гибели Кабреры ходили по Испании в декабре 1836 – январе 1837 года, т. е. 9 месяцами ранее. Появление данного комментария свидетельствует, что на тот момент Кабрера все еще воспринимался как второстепенный персонаж, один из многочисленных лидеров движения. Сотрудники российской газеты неособо следили за его деятельностью и не обратили внимание на то, что Тигр Маэстразго участвовал в «Королевской экспедиции» (см.: [18, с. 306–347]).

«Ведомости» сравнительно поздно начали публиковать материалы о биографии Кабреры. Первая большая статья о жизни и деятельности Тигра Маэстразго появилась в газете только 18 октября 1838 года¹¹. В газете было указано, что поводом к ее публикации послужила победа Кабреры в сражении «близ Каспе» 19 сентября (1 октября); в современной историографии данная баталия, ставшая одной из крупнейших за всю войну в Маэстразго, называется «сражение при Маэль» [19, с. 202]. Данный текст

представлял собой перевод публикации из английского издания *Morning Chronicle*. Статья подчеркивала, что предводитель карлистов смог подчинить своей власти целую провинцию, и превозносила его военное дарование. «Ныне Кабрера сделался одним из главных лиц этой войны», – отмечал анонимный автор публикации, но в конце добавлял: «Он не имел еще дела ни с одним искусным Генералом»¹². Последнее утверждение представляется спорным уже хотя бы потому, что противостоявший Кабрере в сражении при Маэль Р. Пардиньяс ранее хорошо зарекомендовал себя на Северном фронте и во время неудачной для правительственной армии осады Морели летом 1838 года.

Кабрера получил известность на всю Испанию за свою жестокость: вплоть до самого конца войны он регулярно расстреливал пленных или гражданских лиц, обвиненных в сотрудничестве с неприятелем. В 1838–1839 годах «Ведомости» часто писали о расправах над пленными в Маэстразго, практиковавшихся обеими сторонами. Например, 8 января 1839 года в газете было напечатано сообщение о расстреле 200 сдавшихся в плен карлистов¹³. При этом обычно вина за подобные действия возлагалась на офицеров Кабреры или правительственные войска, в то время как с самого Тигра Маэстразго вся ответственность снималась. 29 января 1839 года была опубликована короткая заметка о том, что карлистский военачальник «отказался прекратить казнь пленных»¹⁴, но в газете указывалось, что об этом сообщил правительству в Мадрид командующий Центральной армией маршал А. ван Хален. Таким образом, читатели могли поставить под сомнение достоверность данной новости.

¹⁰Санкт-Петербургские ведомости. 1837, 16 сент. № 208. С. 939.

¹¹Ср.: первые биографические заметки о главнокомандующих карлистскими войсками на Северном фронте были опубликованы «Ведомостями» гораздо раньше: о Т. де Сумалакареге (1834, 17 авг. № 190–191. С. 746) и Б. Вильярреале (1836, 24 июля. № 166. С. 729–730).

¹²Санкт-Петербургские ведомости. 1838, 18 окт. № 235. С. 1070.

¹³Санкт-Петербургские ведомости. 1839, 8 янв. № 6. С. 24.

¹⁴Санкт-Петербургские ведомости. 1839, 29 янв. № 24. С. 106.

31 августа 1839 года был заключен договор в Вергаре, завершивший боевые действия на Северном фронте. Часть карлистской армии во главе с генералом Р. Марото сложила оружие; многие представители движения, в том числе и дон Карлос, отказались признавать договор и бежали во Францию. После Вергары положение карлистов в Каталонии и Маэстразго стало безнадежным, и многие в Европе полагали, что Кабрера также капитулирует на почетных условиях. В частности о возможности такого исхода писали «Ведомости»¹⁵. Впрочем, сам Кабрера вскоре опроверг данные слухи. 11 ноября в газете напечатали заявление Тигра Маэстразго, который обещал продолжать сопротивление. «Воспоминание о несчастной моей матери представляется мне каждую ночь; кровь кипит в жилах... Я возвожу глаза к Небу, и крест, явившийся Константину, поселяет во мне уверенность в победе»¹⁶, – провозглашал он. В данном отрывке важна не только отсылка к видению императора Константина Великого накануне битвы у Мульвийского моста¹⁷, но и напоминание о судьбе матери Кабреры.

Мать Тигра Маэстразго М. Гриньо, от воспоминаний о которой у полководца «кипела кровь в жилах», расстреляна правительственными войсками 4(16) февраля 1836 года в Тортосе. Казнь 53-летней женщины была произведена по приказу бригадира А. Ногераса в отместку за расправу Кабреры над алькальдами двух дере-

вень в регионе. Доверенное лицо дон Карлоса барон де лос Вальес писал, что «достаточно почитать газеты всех стран, всех направлений... чтобы убедиться в том всеобщем возмущении, которое вызвал этот поступок, более соответствующий поведению племен канибалов» [21, с. 264]. Действительно, расстрел невинной женщины вызвал волну негодования в Европе, в т. ч. в газетах, отрицательно настроенных по отношению к карлистам. В то же время «Ведомости» уделили данному эпизоду весьма скромное внимание. Российская газета опубликовала заметку о казни 12 марта 1836 года; новостное сообщение сопровождалось фразой: «Мы должны были прочесть его несколько раз, чтобы удостовериться, что мы не ошибаемся в смысле жестокого определения, заключающегося в нем»¹⁸. В дальнейшем «Ведомости» не возвращались к этому печальному событию. Через несколько лет Б. де Кордова подробно опишет расстрел М. Гриньо в своем труде [9, I, с. 270–310]; впоследствии данный сюжет будет неоднократно повторяться карлистской пропагандой и обрстет рядом вымышленных деталей¹⁹.

Можно предположить, что нежелание заключать мирный договор с убийцами матери было немаловажным фактором, который способствовал тому, что Кабрера продолжал вести боевые действия даже в 1840 году, когда шансов на победу у карлистского движения уже

¹⁵Санкт-Петербургские ведомости. 1839, 16 сент. № 211. С. 953.

¹⁶Санкт-Петербургские ведомости. 1839, 11 нояб. № 259. С. 1171.

¹⁷Любопытно, что в заявлении от 14 сентября 1839 года, сразу после договора в Вергаре, карлистская Хунта Арагона, Валенсии и Мурсии («правительство» Кабреры) также обратилась к примеру из истории и сравнила капитулировавшего генерала Р. Марото с легендарным графом Хулианом, своего рода архетипом предателя в испанской традиции [20]. В дискурсе карлистов Маэстразго часто встречались отсылки к полумифическим историческим событиям.

¹⁸Санкт-Петербургские ведомости. 1836, 12 марта. № 58. С. 240.

¹⁹Например, появятся изображения, на которых мать Кабреры будет представлена как немощная старуха, которая сидит на стуле с розарием в руках перед расстрельной командой. С другой стороны, антикарлистская пропаганда будет активно распространять слухи о том, что Кабрера в отместку за гибель матери расстрелял более тысячи жен и родственниц солдат и офицеров правительственных войск.

не было. Зимой–весной 1840 года правительственная армия под общим руководством генерала Б. Эспартеро взяла под контроль большую часть территории Маэстразго; 30 мая капитулировала Морелья – карлистская «столица» региона²⁰. Кабрера отступил в Каталонию²¹, но закрепиться там ему не удалось. 25 июня (7 июля) Тигр Маэстразго вместе с приблизительно 5 тысячами солдат и офицеров перешел границу с Францией; еще через неделю полномасштабные боевые действия в Каталонии прекратились [22, с. 83]. Первая Карлистская война завершилась. «Ведомости» сообщили о переходе последних карлистских отрядов на французскую территорию 25 июля²².

Появление на французской территории большого количества карлистов (на 1 октября 1840 года их число составило около 26 тысяч человек [23, с. 9]) привлекло внимание прессы, и в течение июля 1840 года «Ведомости» регулярно писали об испанских эмигрантах. Почти ежедневно на страницах газеты фигурировал карлистский офицер Х.М. Бальмаседа²³. В последний год войны он был одним из ближайших сподвижников Кабреры, но, оказавшись в эмиграции, подверг своего бывшего начальника критике. «Если бы я был на месте Кабреры, то я бы продолжил войну: с 20 000 войска, которыми он еще командует, можно потрясти всю Испанию от одного конца до другого», – заявил Х.М. Бальмаседа²⁴. На следующий день «Ведомости» напечатали еще одну статью о данном персонаже, в которой были следующие слова:

«Бальмаседа живет в гостинице в Париже... Он, впрочем, не разделяет, по-видимому, высокого мнения о Кабрере: “Он игрок на гитаре и плясун”. Так отзывается этот истинный гверильеро о своем сопернике»²⁵. Конфликт между Х.М. Бальмаседой и Кабрерой был вполне объясним: некоторые карлисты не одобряли решения Тигра Маэстразго отказаться от борьбы и бежать во Францию; интересно, что «Ведомости», публикуя ряд материалов о Х.М. Бальмаседе и приводя его слова о Кабрере, фактически присоединились к критикам Тигра Маэстразго.

Заключение

Кабрера впервые был упомянут на страницах столичной газеты в августе 1834 года. В следующем году он возглавил силы карлистов в Маэстразго, но только в 1838–1840 годах вышел на первый план в рубрике «Испанские дела». «Ведомости» заняли нейтральную позицию в споре между апологетами и противниками Кабреры, избегая давать резкие оценки этому полководцу.

Также можно отметить, что некоторые эпизоды, впоследствии вошедшие в художественную и специальную историческую литературу, во время войны не привлекли к себе особенного внимания «Ведомостей». Так, расстрел матери Кабреры, ставший одним из самых известных событий всего конфликта, в 1836 году прошел почти незамеченным. «Ведомости» опубликовали о данном эпизоде короткую заметку спустя 36 дней и более к этой теме не возвращались.

²⁰Санкт-Петербургские ведомости. 1840, 12 июня. № 129. С. 595.

²¹Кабрера направился в Бергу, центр каталонского карлизма. «Ведомости» перепутали Бергу с Вергарой – городом в Стране Басков, где в 1839 году был подписан упоминавшийся выше договор (1840, 21 апр. № 87. С. 393).

²²Санкт-Петербургские ведомости. 1840, 25 июля. № 166. С. 769.

²³Впоследствии Х.М. Бальмаседа эмигрировал в Россию и жил в Санкт-Петербурге.

²⁴Санкт-Петербургские ведомости. 1840, 9 июля. № 152. С. 704.

²⁵Санкт-Петербургские ведомости. 1840, 10 июля. № 153. С. 708.

Список литературы

1. *Caridad Salvador A.* Cabrera y compañía: Los jefes del carlismo en el frente del Maestrazgo (1833–1840). Zaragoza: Institución “Fernando el Católico”, 2014. 623 p.
2. *Urcelay Alonso J.* Cabrera: El Tigre del Maestrazgo. Barcelona: Ariel, 2006. 542 p.
3. *Протасенко С.В.* Испанский карлизм: идеология и практика // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2008. Вып. 2. С. 94–99.
4. *Василенко Ю.В.* Генезис карлизма и проблемы типологии испанского консерватизма // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2016. Т. 16, № 1. С. 92–111.
5. *Aiuso Torrec M.* Карлизм и испанская политическая традиция: вчера и сегодня // Антиномии. 2019. Т. 19, Вып. 3. С. 59–83. DOI: [10.24411/2686-7206-2019-00003](https://doi.org/10.24411/2686-7206-2019-00003)
6. *Терецук А.А.* Регионализм в идеологии раннего карлизма (1833–1840) // Петерб. истор. журн. 2020. № 2(26). С. 153–164. DOI: [10.51255/2311-603X-2020-00034](https://doi.org/10.51255/2311-603X-2020-00034)
7. *Василенко Ю.В.* Карлизм между либерализмом и праворадикальным консерватизмом: казус Хуана III (1861–1868) // Философия. Журн. Высш. шк. экономики. 2021. Т. 5, № 2. С. 191–209. DOI: [10.17323/2587-8719-2021-2-191-209](https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-2-191-209)
8. *Caridad Salvador A.* La historiografía reciente sobre el primer carlismo (2006–2018) // SHHC. 2020. № 38. P. 203–243. DOI: [10.14201/shhcont382020201241](https://doi.org/10.14201/shhcont382020201241)
9. *de Córdoba B.* Vida política y militar de Cabrera. T. I–IV. Madrid: Imprenta y fundición de don Eusebio Aguado, 1844–1845.
10. *Caridad Salvador A.* Buenaventura de Córdoba: político liberal y admirador de Cabrera // Hist. Contemp. 2013. № 46. P. 49–84. DOI: [10.1387/hc.12769](https://doi.org/10.1387/hc.12769)
11. *Delano C.* The Gothic Child and the Signs of Hate in Wenceslao Ayguals de Izco’s *El tigre del Maestrazgo* (1846–1848) // Roman. Notes. 2021. Vol. 61, № 2. P. 331–340. DOI: [10.1353/rmc.2021.0020](https://doi.org/10.1353/rmc.2021.0020)
12. *Боткин В.П.* Письма об Испании. Л.: Наука, 1976. 344 с.
13. *Петрова А.А.* Испанская тема («испанские дела») на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в 1856–1857 гг. // Общество. Среда. Развитие. 2014. № 4. С. 41–44.
14. *Петрова А.А.* Сентябрьская революция 1868 г. в Испании на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» // Общество. Среда. Развитие. 2020. № 3. С. 3–7.
15. *Urquijo Goitia J.R.* El carlismo y Rusia // Hisp. Rev. Esp. Hist. 1988. Vol. 48, № 169. P. 599–624.
16. *Mémoires, documents et écrits divers laissés par le Prince de Metternich, chancelier de cour et d’état, publiés par son fils le Prince Richard de Metternich, classés et réunis par M.A. de Klinkowstroem. Deuxième partie: L’Ère de paix (1816–1848).* Т. 5. Paris: E. Plon et Cie, Imprimeurs-Éditeurs, 1882. 631 p.
17. *Goeben A.K.* Vier Jahre in Spanien. Die Carlisten, ihre Erhebung, ihr Kampf und ihr Untergang. Skizzen und Erinnerungen aus dem Bürgerkriege von A. von Goeben, Königlich-Spanischem Oberstlieutenant im Generalstabe. Hannover: Im Verlage der Hahn’schen Hofbuchhandlung, 1841. 656 s.
18. *Albi de la Cuesta J.* El ejército carlista del Norte (1833–1839). Madrid: Desperta Ferro Ediciones, 2017. 496 p.
19. *Lawrence M.* Spain’s First Carlist War, 1833–40. London: Palgrave, 2014. 283 p.
20. Proclama de la Junta de Aragón, Valencia y Murcia contra el convenio de Vergara // *Ferrer M.* Historia del tradicionalismo español. T. XVII. Sevilla: Editorial católica española, s.a. P. 318–319.
21. *de Saint-Sylvain L.X.A.* Un capítulo de la historia de Carlos V, por el Barón de los Valles, Edecán del Rey N.S., Brigadier de Sus Reales Ejércitos, Caballero pensionado de la Orden Española de Carlos III, y de la militar de segunda clase de S. Fernando, Oficial de la Secretaría de Estado, Secretario de S.M. con ejercicio de Decretos, etc., etc. Perpiñán: Imprenta de Juan-Bautista Alzine, 1837. 354 p.
22. *Терецук А.А.* Особенности протекания Первой Карлистской войны в Каталонии // Вестн. С.-Петерб. ун-та. История. 2017. Т. 62, № 1. С. 82–90. DOI: [10.21638/11701/spbu02.2017.107](https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.107)
23. *Pauquet A.* L’exil français de Don Carlos // Aportes Rev. Hist. Contemp. 2017. Vol. 32, № 93. P. 7–29.

References

1. Caridad Salvador A. *Cabrera y compañía: Los jefes del carlismo en el frente del Maestrazgo (1833–1840)*. Zaragoza, 2014. 623 p.
2. Urcelay Alonso J. *Cabrera: El Tigre del Maestrazgo*. Barcelona, 2006. 542 p.
3. Protasenko S.V. Ispanskiy karlizm: ideologiya i praktika [The Spanish Carlism: Ideology and Practical Activity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2008, no. 2, pp. 94–99.
4. Vasilenko Yu.V. Genezis karlizma i problemy tipologii ispanskogo konservatizma [Genesis of Carlism and Problems of Typology of Spanish Conservatism]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2016, vol. 16, no. 1, pp. 92–111.
5. Ayuso T.M. Karlizm i ispanskaya politicheskaya traditsiya: vchera i segodnya [Carlism and Spanish Political Tradition: Yesterday and Today]. *Antinomii*, 2019, vol. 19, no. 3, pp. 59–83. DOI: [10.24411/2686-7206-2019-00003](https://doi.org/10.24411/2686-7206-2019-00003)
6. Tereshchuk A.A. Regionalizm v ideologii rannego karlizma (1833–1840) [Regionalism in the Ideology of Early Carlism]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*, 2020, no. 2, pp. 153–164. DOI: [10.51255/2311-603X-2020-00034](https://doi.org/10.51255/2311-603X-2020-00034)
7. Vasilenko Yu.V. Karlizm mezhdru liberalizmom i pravoradikal'nym konservatizmom: kazus Khuana III (1861–1868) [Carlism Between Liberalism and Right-Wing Conservatism: The Case of Juan III (1861–1868)]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2021, vol. 5, no. 2, pp. 191–209. DOI: [10.17323/2587-8719-2021-2-191-209](https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-2-191-209)
8. Caridad Salvador A. La historiografía reciente sobre el primer carlismo (2006–2018). *SHHC*, 2020, no. 38, pp. 203–243. DOI: [10.14201/shhcont382020201241](https://doi.org/10.14201/shhcont382020201241)
9. de Córdoba B. *Vida militar y política de Cabrera*. Vols. I–IV. Madrid, 1844–1845.
10. Caridad Salvador A. Buenaventura de Córdoba: Político liberal y admirador de Cabrera. *Hist. Contemp.*, 2013, no. 46, pp. 49–84. DOI: [10.1387/hc.12769](https://doi.org/10.1387/hc.12769)
11. Delano C. The Gothic Child and the Signs of Hate in Wenceslao Ayguale de Izco's *El tigre del Maestrazgo* (1846–1848). *Roman. Notes*, 2021, vol. 61, no. 2, pp. 331–340. DOI: [10.1353/rmc.2021.0020](https://doi.org/10.1353/rmc.2021.0020)
12. Botkin V.P. *Pis'ma ob Ispanii* [Letters on Spain]. Leningrad, 1976. 344 p.
13. Petrova A.A. Ispanskaya tema (“ispanskie dela”) na stranitsakh gazety “Sankt-Peterburgskie vedomosti” v 1856–1857 gg. [The Spanish Theme (“Spanish Affairs”) on the Pages of the Newspaper *Sankt-Peterburgskie Vedomosti* in 1856–1857]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 2014, no. 4, pp. 41–44.
14. Petrova A.A. Sentyabr'skaya revolyutsiya 1868 g. v Ispanii na stranitsakh gazety “Sankt-Peterburgskie vedomosti” [The September Revolution of 1868 in Spain on the Pages of the Newspaper *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 2020, no. 3, pp. 3–7.
15. Urquijo Goitia J.R. El carlismo y Rusia. *Hisp. Rev. Esp. Hist.*, 1988, vol. 48, no. 169, pp. 599–624.
16. *Mémoires, documents et écrits divers laissés par le Prince de Metternich, chancelier de cour et d'état, publiés par son fils le Prince Richard de Metternich, classés et réunis par M.A. de Klinkowstroem. Deuxième partie: L'Ère de paix (1816–1848)*. Vol. 5. Paris, 1882. 631 p.
17. Goeben A.K. *Vier Jahre in Spanien. Die Carlisten, ihre Erhebung, ihr Kampf und ihr Untergang. Skizzen und Erinnerungen aus dem Bürgerkriege von A. von Goeben, Königlich-Spanischem Oberstlieutenant im Generalstabe*. Hannover, 1841. 656 p.
18. Albi de la Cuesta J. *El ejército carlista del Norte (1833–1839)*. Madrid, 2017. 496 p.
19. Lawrence M. *Spain's First Carlist War, 1833–40*. London, 2014. 283 p.
20. Proclama de la Junta de Aragón, Valencia y Murcia contra el convenio de Vergara. Ferrer M. *Historia del tradicionalismo español*. Vol. XVII. Sevilla, pp. 318–319.
21. de Saint-Sylvain L.X.A. *Un capítulo de la historia de Carlos V, por el Barón de los Valles, Edecán del Rey N.S., Brigadier de Sus Reales Ejércitos, Caballero pensionado de la Orden Española de Carlos III, y de la militar de segunda clase de S. Fernando, Oficial de la Secretaría de Estado, Secretario de S.M. con ejercicio de Decretos, etc., etc.* Perpiñán, 1837. 354 p.
22. Tereshchuk A.A. Characteristics of the First Carlist War in Catalonia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, 2017, vol. 62, no. 1, pp. 82–90 (in Russ.). DOI: [10.21638/11701/spbu02.2017.107](https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.107)
23. Pauquet A. L'exil français de Don Carlos. *Aportes Rev. Hist. Contemp.*, 2017, vol. 32, no. 93, pp. 7–29.

DOI: 10.37482/2687-1505-V238

Andrey A. Tereshchuk

The Herzen State Pedagogical University of Russia;
nab. reki Moyki 48, St. Petersburg, 191186, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8838-9302> e-mail: atereschuk@herzen.spb.ru

RAMÓN CABRERA ON THE PAGES OF THE NEWSPAPER *SANKT-PETERBURGSKIE VEDOMOSTI* IN 1833–1840

Through the prism of the publications in the Russian newspaper *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*, this article studies the activities of General Ramón Cabrera, who took part in the First Carlist War in Spain (1833–1840). The conflict was motivated by the dynastic dispute between Don Carlos, one of the brothers of King Ferdinand VII of Spain, who died in 1833, and the widow, Queen Maria Christina, who defended the right of her daughter Isabella II to the throne. In the course of the conflict, Cabrera led the partisans of Don Carlos in the Maestrazgo, a historical area that included parts of modern Catalonia, Aragon, and Valencia. The period of 1838–1839 became the golden age of Carlism in the region. This paper analyses mentions Ramón Cabrera in *Sankt-Peterburgskie Vedomosti* between October 1833 and July 1840, i.e. throughout the conflict. A total of 1955 issues were studied, the war being mentioned in 1453 of them. The first mention of Cabrera in the newspaper dates back to 1834. However, the majority of the mentions were made during the final part of the conflict (1838–1840). In addition, the article provides examples of fake news, biographical paragraphs, and statements about the General by his comrades-in-arms. It is noted that some episodes of the war associated with Cabrera that later became widely known were only briefly touched upon in the newspaper. The General was a controversial figure in the eyes of his contemporaries, while *Sankt-Peterburgskie Vedomosti* took a neutral position on Cabrera.

Keywords: *Carlism, First Carlist War, R. Cabrera, Spain, R. Cabrera's image in the press, Sankt-Peterburgskie Vedomosti.*

Поступила 04.10.2022
Принята 15.01.2023
Опубликована 31.01.2023

Received 4 October 2022
Accepted 15 January 2023
Published 31 January 2023

For citation: Tereshchuk A.A. Ramón Cabrera on the Pages of the Newspaper *Sankt-Peterburgskie Vedomosti* in 1833–1840. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 14–23. DOI: 10.37482/2687-1505-V238

УДК 94(47)

DOI: 10.37482/2687-1505-V236

ГОЛДИН Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 640 научных публикаций, в т. ч. 30 монографий (4 – в соавт.), 6 учебных пособий (3 – в соавт.)*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

СУСЛОВ Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления, истории и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета. Автор более 160 научных публикаций, в том числе 8 монографий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2926-8102>

НОВАЯ КНИГА ОБ ИСТОРИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

В статье анализируется современная историография индивидуального политического террора в России во время Гражданской войны в 1918 году. Подчеркиваются роль и значение террористических актов лета 1918 года для формирования советской карательной политики. Отмечается длительная историографическая традиция данных сюжетов, опирающаяся, с одной стороны, на традиционную советскую версию, берущую начало с известного судебного процесса 1922 года над лидерами партии социалистов-революционеров; с другой стороны – на альтернативные трактовки, обозначенные в свое время в эмигрантской и зарубежной исторической литературе. Основное внимание обращено на исследование известного российского историка, заслуженного профессора Казанского университета А.Л. Литвина, который рассматривает покушения на В.И. Ленина в 1918 году. Кроме того, в работе затрагиваются различные аспекты, связанные с убийствами В. Володарского и М.С. Урицкого. Анализируются труды историка К.Н. Морозова, посвященные разным сторонам покушений 1918 года и роли в них Б.В. Савинкова и Ф.Е. Каплан. Отмечаются публикации И.С. Ратьковского и А.В. Шубина. Делается вывод о том, в современной исторической литературе присутствуют различные оценки происшедших событий: покушения были связаны с личными мотивами и не носили прямого политического характера (А.Л. Литвин); организация Б.В. Савинкова имела отношение к террористическим актам против В.И. Ленина и М.С. Урицкого в 1918 году (К.Н. Морозов). Рассматриваются источники, введенные за последнее время в научный оборот; отмечается, что существующий уровень знаний не дает возможности прийти к окончательным выводам и требует дальнейших исследований.

Ключевые слова: индивидуальный политический террор, Гражданская война в России, В.И. Ленин, А.Л. Литвин, Ф.Е. Каплан, Б.В. Савинков, историография, партия социалистов-революционеров.

*Адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; e-mail: v.i.goldin@yandex.ru

**Адрес: 420015, Республика Татарстан, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 68; e-mail: fsgtkstu@yandex.ru

Для цитирования: Голдин В.И., Суслов А.Ю. Новая книга об истории индивидуального политического террора в годы Гражданской войны в России // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 1. С. 24–31. DOI: 10.37482/2687-1505-V236

Проблема индивидуального политического террора в годы Гражданской войны и причастности к нему различных политических деятелей и организаций в России является одной из наиболее острых и дискуссионных в историографии. В определенной степени индивидуальный террор стал оправданием для массовых репрессий, к которым прибегали все противостоящие стороны. Покушения на лидеров большевиков в 1918 году привели к серьезным и длительным последствиям как для правящей партии, так и ее оппонентов. Эти сюжеты имеют большую историографическую традицию, которая в последнее время вновь активизировалась.

Книга известного российского историка, доктора исторических наук, заслуженного профессора Казанского университета А.Л. Литвина, вышедшая в 2021 году, рассматривает сюжеты, связанные с покушениями на В.И. Ленина в 1918 году. Тогда было совершено два покушения – 1 января и 30 августа – и именно второе получило широкий резонанс и имело далекоидущие последствия. Осенью 1918 года, как отмечает Литвин, «были созданы многие формы и методы карательной политики в стране, которые затем осуществлялись целые десятилетия» [1, с. 59].

Эта книга, с одной стороны, является своеобразным итогом многолетних исследований автора, посвятившего событиям 30 августа 1918 года немало работ, в т. ч. выступившего одним из публикаторов следственного дела Ф.Е. Каплан (два издания – 1995 и 2003 года) [2; 3]; с другой – реакцией на вновь начатую усилиями московского историка К.Н. Морозова дискуссию в современной историографии об организаторах покушения, роли Ф.Е. Каплан, Б.В. Савинкова, Г.И. Семенова, большевистской элиты и руководства партии социалистов-революционеров [4–7]. Уже после выхода книги А.Л. Литвина появилась монография К.Н. Морозова, посвященная лично Б.В. Савинкову [8]. Кроме того, в работе затрагиваются различные аспекты, связанные с убийствами В. Володарского и М. Урицкого.

Первое покушение на жизнь В.И. Ленина произошло в Петрограде 1 января 1918 года, когда вечером был обстрелян автомобиль вождя, возвращавшегося в Смольный. В машину стреляли офицеры из бывшего «Союза георгиевских кавалеров», в покушении участвовало около 10 человек, все они были арестованы, но вскоре освобождены, трое отправлены на фронт. Литвин не считает, что к посягательству на жизнь вождя имел отношение Б.В. Савинков, как это утверждают К.Н. Морозов и А.Ю. Морозова во вступительной статье к сборнику документов о братьях Савинковых. По их мнению, он «в той или иной степени» причастен к событиям как 1 января 1918 года, так и 30 августа [9, с. 103]. Аргументами служат собственные признания Савинкова, сделанные им в автобиографии 1921 года и очерке «С момента большевистской революции и до настоящего времени...», повествующем о борьбе антибольшевистских сил и обосновывающем необходимость поддержки их со стороны союзников. Однако, как подчеркивает Литвин, Савинков вряд ли мог быть в Петрограде в это время, а созданный им «Союз защиты Родины и свободы» (СЗРиС) начал свою деятельность спустя полтора-два месяца после указанной даты.

20 июня 1918 года в Петрограде был застрелен комиссар печати, пропаганды и агитации в Союзе коммун Северной области В. Володарский. На процессе 1922 года утверждалось, что он был убит членом семеновской организации И. Сергеевым. Следствие, которое велось в 1918–1919 годах, не выявило причастности партии социалистов-революционеров (ПСР) к этому преступлению, более того, наиболее вероятный убийца – опознанный свидетелями латыш П. Юргенс (расстрелянный Всероссийской чрезвычайной комиссией (ВЧК)) совершил этот акт не по политическим, а по личным мотивам. Рассматривая гибель Володарского, И.С. Ратьковский выдвигает дополнительные аргументы в пользу причастности эсера И. Сергеева к покушению. Речь идет о воспоминаниях участников революционного движения, выступавших на вечере в 1933 году и упоминав-

ших его как реально существовавшее лицо [10, с. 144–146]. Вместе с тем эти свидетельства плохо согласуются с материалами следствия и требуют, очевидно, дополнительного рассмотрения.

Широко известна реакция В.И. Ленина на гибель Володарского в письме Г.И. Зиновьеву: «Тов. Зиновьев! Только сегодня мы узнали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором, и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали. Протестую решительно! Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную энергию масс, вполне правильную. Это не-воз-мож-но! Террористы будут считать нас тряпками. Время архивное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример которого решает» [11, т. 50, с. 106]. Однако массовый террор на тот момент развязан не был, в т. ч. из-за противодействия руководителя Петроградской ЧК М.С. Урицкого, убитого 30 августа 1918 года 22-летним студентом Петроградского политехнического института, бывшим юнкером Михайловского военного училища, поэтом Л.А. Каннегисером. Мотивом стала личная месть за расстрелянного друга В.Б. Перельцвейга. В то же время и следствием в 1918 году, и в настоящее время выдвигаются предположения о связи Каннегисера с политической деятельностью его двоюродного брата М.М. Филоненко, который являлся социалистом-революционером и был связан с Б.В. Савинковым. Насколько покушение Каннегисера можно считать заслугой организации М.М. Филоненко и Б.В. Савинкова? Как отмечает К.Н. Морозов: «Формально они так могли считать, особенно с учетом того, что Л.А. Каннегисер действовал на свой страх и риск втайне от своих товарищей по организации» [8, с. 586]. По мнению И.С. Ратьковского, Каннегисер «являлся не одиночкой-террористом, а членом подпольной группы известного эсера Филоненко, соратника Б.В. Савинкова» [10, с. 404]. Однако, как подтвердили все родственники и он сам, с начала войны они не встречались [1, с. 17].

Основное внимание в книге А.Л. Литвина уделено второму покушению на вождя – 30 августа 1918 года, когда Ленин был ранен несколькими выстрелами после митинга на заводе Михельсона в Москве. Исполнителем объявили Ф. Каплан, которую расстреляли без суда 3 сентября 1918 году. Покушение 30 августа, как и роль в нем Ф. Каплан, имеет долгую и сложную судьбу в историографии [12, с. 267–278]. Литвин отмечает, что данная тема до сих пор относится к «актуальному прошлому», учитывая разные подходы и версии этого события. В советской историографии Каплан считали эсеркой, стрелявшей в Ленина [13; 14]; эмигрантские и часть современных исследователей полагают, что она не была членом ПСР и в Ленина не стреляла. Называются имена тех, кто мог это совершить: правые эсеры Л. Коноплева, В. Новиков, левый эсер А. Протопопов. Традиционная советская версия сложилась накануне и в ходе известного судебного процесса 1922 года над лидерами ПСР. Их обвинили в организации террора против советских вождей на основании, главным образом, брошюры бывшего эсера Г.И. Семенова «Военная и боевая работа Партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг.».

По мнению Литвина, Каплан к покушению на Ленина никакого отношения не имела, была больной, полуглухой и полуслепой истеричной женщиной «с глубоко несчастной судьбой». Документы судебного процесса над правыми эсерами 1922 года, который носил политический, а не юридический характер, не могут рассматриваться в качестве доказательства ее вины.

В современной историографии есть и другие версии. Так, К.Н. Морозов и А.Ю. Морозова, составители сборника документов «Три брата (То, что было)», посвященного братьям Савинковым, высказали точку зрения, что к покушению на Ленина 30 августа 1918 года был причастен Б.В. Савинков. С другой стороны, К.Н. Морозов считает, что стреляла именно Ф. Каплан. Он полагает, что, будучи членом ПСР, женщина с весны 1918 года обращалась к ее видным руководителям с предложением совершить покушение на Ленина, но убедившись в невозможности получить разрешение на пар-

тийный акт (с правом на допросе объявить его совершенным по поручению партии и назвать себя ее членом), пошла на индивидуальный акт (от своего имени и под свою ответственность с выходом из партии), на который ей было дано разрешение от члена Центральной комиссии (ЦК) ПСР и члена Московского бюро ЦК ПСР Д.Д. Донского, поручившего Г.И. Семенову оказать ей содействие (чем тот и воспользовался для выхода за допустимые рамки), и именно Каплан стреляла в Ленина. По мнению Литвина, ни Савинков, ни правые эсеры не имели к этому покушению никакого отношения; невозможно предоставить доказательства управления Савинковым террористическими актами против большевистского руководства в 1918 году, опираясь на явно сфальсифицированные данные Г.И. Семенова и саморекламу Савинкова.

Каковы аргументы К.Н. Морозова? Он отмечает важность рассмотрения проблемы покушения в контексте отношения к террору в эсеровской партии (в послеоктябрьский период террористическая борьба в официальную тактику партии включена не была), когда сохранялась возможность индивидуальных актов, что практиковалось еще в предшествующий дореволюционный период. Большевистский захват власти накануне выборов в Учредительное собрание, а затем его разгон и расстрелы демонстраций в его защиту спровоцировали рост антибольшевистских настроений в различных слоях общества и различных партиях, в т. ч. и террористических настроений в эсеровской среде. «Представляется, что Ф.Е. Каплан, поняв, что ЦК ПСР не даст в обозримом времени согласия на партийный террористический акт, с одной стороны, стала искать помощи на стороне и, в частности, по свидетельству Семенова на суде, встречалась с Б.В. Савинковым <...>, а с другой стороны – повела переговоры с руководством партии о своей готовности совершить акт индивидуального характера». «”Моментом истины” в вопросе о том, какой характер носил акт Ф.Е. Каплан, как ни странно, является то, что она сама говорила об этом на допросе» [6, с. 102].

В качестве дополнительных аргументов приводятся свидетельства В.М. Зензинова, В.К. Вольского, социал-демократа А.Н. Иоффе [7, с. 84–85]. Также в 2016 и 2018 годах была опубликована автобиография бывшего нижегородского эсера П.А. Соколова, написанная в 1925 году при попытке вступить в коммунистическую партию. Там есть фрагмент, связанный с Каплан: «В разговоре как-то с Жидковым он мне рассказал, как готовилась Каплан на покушение Ленина. Прежде чем идти на террор, она по распоряжению ЦК сначала стреляла в цель, и стрельба у нее была превосходная: из 15 данных ей патронов она 14 попала в цель. ЦК думал, что Ленин будет убит наповал» [15, с. 455; 16, с. 84–100]. Я.В. Леонтьев отмечает, что у него «...нет оснований сомневаться в правдоподобности этого источника» [17, с. 70]. Однако, наш взгляд, как обстоятельства создания данной автобиографии, так и формулировки («по распоряжению ЦК») мемуариста оставляют вопрос открытым. Это касается и других свидетельств, носящих косвенный характер.

Морозов делает вывод, что «подготовка к покушениям Савинковым и его людьми велась, террористические группы и существование террористического отдела СЗРиС – не вымысел. Представляется, что на следствии и суде 1924 г. Савинков преуменьшал деятельность этих структур, не дав по ним никакой информации. Но было бы опрометчивым считать, что его высказывания в “Le Matin” и в варшавской брошюре, а также записи в непубличных документах – всего лишь хвастовство. Вне всякого сомнения, он был склонен “набивать себе цену” в качестве сторонника решительной борьбы с большевизмом. Но и рисковать репутацией, опускаясь до прямой лжи, особенно в таком вопросе, как присвоение чужого террористического акта, вряд ли стал бы. Думается, что отбрасывать свидетельства Савинкова нельзя» [7, с. 89].

Ключевой вопрос – насколько можно доверять тем или иным свидетельствам? Литвин соглашается, что свидетельства Савинкова «отбрасывать просто так нельзя, но они заслуживают доверия лишь после тщательного источ-

никоведческого анализа» [1, с. 40]. Он делает вывод, что «в Ленина стреляли двое – остались 4 гильзы от разных пистолетов. Это были, по моему мнению, левый эсер Александр Протопопов, мстящий Ленину за арест Спиридоновой, расстрел Александровича и 12 бойцов отряда ВЧК*, где он служил заместителем командира <...> Вторым, кто стрелял, скорее всего, была Лидия Коноплева» [1, с. 61].

В дискуссии о проблеме ответственности за террор 1918 года приняли участие и другие исследователи. Так, книга петербургского историка И.С. Ратьковского «Гражданская война в России: охота на большевистских вождей (1917–1920)» [10], вышедшая в 2021 году, содержит обзор покушений на большевистских лидеров, в т. ч. на В.И. Ленина. Этот исследователь выступил также с рядом других публикаций [18; 19]. Он перечисляет имеющиеся версии событий и в ряде случаев высказывает собственную точку зрения. И.С. Ратьковский полагает, что «...Ф. Каплан являлась исполнителем теракта 30 августа» и «за ней стояла савинковская организация, а не просто группа Семенова-Васильева» [10, с. 404], однако не приводит дополнительных аргументов. Это можно сказать и о статье А.В. Шубина, который считает, что «...группа Семенова продолжила террористическую деятельность без ведома ЦК... большинство ЦК ПСР было против покушения, и его организаторы действовали за спиной ЦК и партии, поставив ее перед свершившимся фактом» [20, с. 376].

На наш взгляд, в этом запутанном вопросе трудно надеяться на обнаружение новых документов, которые смогут окончательно прояснить ситуацию, поэтому любой сценарий покушения на жизнь Ленина остается гипотезой с более или менее оправданными предположениями. Как справедливо отмечает М.Б. Могильнер: «профессиональные историки, занимающиеся делом Каплан или Савинкова, верят одним и не верят другим свидетельствам, исходя из своего понимания их природы, исторического момента, среды и контекста их создания. И никто из них не может сослаться на некий решающий источник <...> ставящий точку в вопросе о том, кто стрелял в Ленина (и кто стоял за этим покушением)» [21, с. 273–274]. Исследователи вынужденно оперируют косвенными свидетельствами, конструируя более или менее обоснованные гипотезы.

Множество вопросов остаются неразрешенными: кем и по чьему приказу был расстрелян Протопопов (в тот же вечер 30 августа 1918 года, как пишет Литвин) [1, с. 23], почему была оставлена в живых Л.В. Коноплева, какова роль во всем этом Г.И. Семенова и Б.В. Савинкова? Парадоксально, но вполне возможен вариант, что все три покушения 1918 году осуществлены по личным, а не политическим мотивам, однако использовались властями как предлог для организации массовых политических репрессий, сплочения части населения и правящей партии. Работа А.Л. Литвина не формулирует окончательных ответов, но стимулирует дальнейший научный поиск, дает импульсы для исследования одного из самых сложных и драматичных периодов отечественной истории.

Список литературы

1. Литвин А.Л. К истории покушений на В.И. Ленина в 1918 году. Казань, 2021. 62 с.
2. Фанни Каплан, или Кто стрелял в Ленина?: сб. док. / сост. В.К. Виноградов и др. Казань: Татар. газ.-журн. изд-во, 1995. 189 с.
3. Дело Фанни Каплан, или Кто стрелял в Ленина? / сост.: В.К. Виноградов, А.Л. Литвин, Н.М. Перемышленникова, В.С. Христофоров; науч. ред. А.Л. Литвин. 2-е изд., испр. и доп. М.: X-History, 2003. 295 с.

*Всероссийской чрезвычайной комиссии.

4. Морозов К.Н. «Я не Шарлотта Корде, но жить без действия надоело»: новые свидетельства и штрихи к портрету и биографии Фанни Ефимовны Каплан // Петерб. ист. журн. 2018. № 3(19). С. 345–361. DOI: [10.51255/2311-603X-2018-00068](https://doi.org/10.51255/2311-603X-2018-00068)
5. Морозов К.Н. Покушение на В.И. Ленина 30 августа 1918 г.: проблема характера и причастности // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 1–3 октября 2018 г.) / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: ГЦМСИР, 2018. С. 154–160.
6. Морозов К.Н. Ф.Е. Каплан и покушение на В.И. Ленина 30 августа 1918 г. // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: История и политические науки. 2018. № 3. С. 95–114. DOI: [10.18384/2310-676X-2018-3-95-114](https://doi.org/10.18384/2310-676X-2018-3-95-114)
7. Морозов К.Н. «Я имел связь с группой террористов»: проблема причастности Б.В. Савинкова к покушению на В.И. Ленина 30 августа 1918 г. // Рос. история. 2020. № 2. С. 78–89. DOI: [10.31857/S086956870009256-2](https://doi.org/10.31857/S086956870009256-2)
8. Морозов К.Н. Борис Савинков: опыт научной биографии. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 768 с.
9. Три брата (то, что было) / сост., авт. пред. и комм. К.Н. Морозов, А.Ю. Морозова. М.: Новый хронограф, 2019. 1015 с.
10. Ратьковский И.С. Гражданская война в России: охота на большевистских вождей (1917–1920). М.: Наше Завтра, 2021. 431 с.
11. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1958–1965.
12. Литвин А.Л. Российская историография государственного террора в стране, 1917–1953. Изд. 2-е, доп. и уточн. М.: Собрание, 2019. 430 с.
13. Выстрел в сердце революции: сб. док. и материалов / ред.-сост. Н.Д. Костин. М.: Политиздат, 1989. 285 с.
14. Суслов А.Ю. Российские социалисты после октября 1917 года в отечественной историографии: моногр. Казань: КНИТУ, 2013. 488 с.
15. Автобиография П.А. Соколова (фрагмент) // Боевой восемнадцатый год: сб. док. и воспоминаний / под ред. Я.В. Леонтьева. М., 2018. С. 447–455.
16. «...У меня к ЦК и его руководителям запало недоверие». Автобиография члена боевой группы Кулебаковской организации Партии социалистов-революционеров П.А. Соколова (1925 г.) / вступ. ст., подгот. текста к публ. и комм. В.П. Сапона // Отечеств. архивы. 2016. № 4. С. 84–100.
17. Леонтьев Я. Покушение на вождя / беседовал Владимир Рудаков // Историк. 2018. № 9. С. 66–71.
18. Ратьковский И.С. Январское покушение 1918 г. на В.И. Ленина в Петрограде // Russ. Colon. Stud. 2019. № 2. С. 142–155.
19. Ратьковский И.С. Красный террор, карающий меч революции. М.: Яуза, 2021. 352 с.
20. Шубин А.В. Выстрел в сердце большевизма // Жить историей и думать о будущем: сб. ст. и материалов к 60-летию д-ра ист. наук К.Н. Морозова / сост. А.Ю. Морозова, А.Ю. Суслв. М., 2021. С. 365–376.
21. Могильнер М. Архивная история государственного террора: проблема документального свидетельства [Рец.: А.Л. Литвин. К истории покушений на В.И. Ленина в 1918 году. Казань: ИП Романов Е.Г., 2021. 62 с.] // Ab Imperio. 2021. № 2. С. 266–274. DOI: [10.1353/imp.2021.0047](https://doi.org/10.1353/imp.2021.0047)

References

1. Litvin A.L. *K istorii pokusheniy na V.I. Lenina v 1918 godu* [On the History of the Assassination Attempts on V.I. Lenin in 1918]. Kazan, 2021. 62 p.
2. Vinogradov V.K. et al. (comps.). *Fanni Kaplan, ili Kto strelyal v Lenina?* [Fanny Kaplan, or Who Shot Lenin?]. Kazan, 1995. 189 p.
3. Litvin A.L. (ed.). *Delo Fani Kaplan, ili Kto strelyal v Lenina?* [The Case of Fanny Kaplan, or Who Shot Lenin?]. Moscow, 2003. 295 p.
4. Morozov K.N. “Ya ne Sharlotta Korde, no zhit’ bez deystviya nadoelo”: novye svidel’stva i shtrikhi k portretu i biografii Fanni Efimovny Kaplan [“I Am Not Charlotte Korde, but Bothered to Live Without Action”: New Rows to a Portrait and Fanny Efimovna Kaplan’s Biography]. *Peterburgskiy istoricheskij zhurnal*, 2018, no. 3, pp. 345–361. DOI: [10.51255/2311-603X-2018-00068](https://doi.org/10.51255/2311-603X-2018-00068)
5. Morozov K.N. Pokushenie na V.I. Lenina 30 avgusta 1918 g.: problema kharaktera i prichastnosti [Attempted Assassination on V.I. Lenin on 30 August 1918: Nature and Complicity]. Petrov Yu.A. (ed.). *Rossiya v gody*

Grazhdanskoy voyny, 1917–1922 gg.: vlast' i obshchestvo po obe storony fronta [Russia During the Civil War, 1917–1922: Authorities and Society on Both Sides of the Front]. Moscow, 2018, pp. 154–160.

6. Morozov K.N. F. Kaplan and Attempt on Lenin's Life on August 30, 1918. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Istoriya i politicheskie nauki*, 2018, no. 3, pp. 95–114 (in Russ.). DOI: [10.18384/2310-676X-2018-3-95-114](https://doi.org/10.18384/2310-676X-2018-3-95-114)

7. Morozov K.N. “Ya imel svyaz' s gruppoy terroristov”: problema prichastnosti B.V. Savinkova k pokusheniyu na V.I. Lenina 30 avgusta 1918 g. [“I Had a Connection with a Group of Terrorists”: The Problem of B.V. Savinkov's Involvement in the Assassination Attempt on V.I. Lenin (August 30, 1918)]. *Rossiyskaya istoriya*, 2020, no. 2, pp. 78–89. DOI: [10.31857/S086956870009256-2](https://doi.org/10.31857/S086956870009256-2)

8. Morozov K.N. *Boris Savinkov: opyt nauchnoy biografii* [Boris Savinkov: An Attempt at a Scholarly Biography]. Moscow, 2022. 768 p.

9. Morozov K.N., Morozova A.Yu. (comps.). *Tri brata (to, chto bylo)* [Three Brothers (What Happened)]. Moscow, 2019. 1015 p.

10. Rat'kovskiy I.S. *Grazhdanskaya vojna v Rossii: okhota na bol'shevistskikh vozhdey (1917–1920)* [The Russian Civil War: Hunting for Bolshevik Leaders (1917–1920)]. Moscow, 2021. 431 p.

11. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow, 1958–1965.

12. Litvin A.L. *Rossiyskaya istoriografiya gosudarstvennogo terrora v strane, 1917–1953* [Russian Historiography of State Terror in the Country, 1917–1953]. Moscow, 2019. 430 p.

13. Kostin N.D. (ed.). *Vystrel v serdtse revolyutsii* [A Shot in the Heart of the Revolution]. Moscow, 1989. 285 p.

14. Suslov A.Yu. *Rossiyskie sotsialisty posle oktyabrya 1917 goda v otechestvennoy istoriografii* [Russian Socialists After October 1917 in Russian Historiography]. Kazan, 2013. 488 p.

15. Avtobiografiya P.A. Sokolova (fragment) [Autobiography of P.A. Sokolov (a Fragment)]. Leont'ev Ya.V. (ed.). *Boevoy vosemnadtsatyy god* [The War Year of 1918]. Moscow, 2018, pp. 447–455.

16. “...U menya k TsK i ego rukovoditelyam zapalo nedoverie”. Avtobiografiya chlena boevoy gruppy Kulebaskoy organizatsii Partii sotsialistov-revolutsionerov P.A. Sokolova (1925 g.) [“...I Have a Distrust of the Central Committee and Its Leaders”. An Autobiography of a Member of the Combat Group of the Kulebaki Organization of the Socialist Revolutionary Party P.A. Sokolov (1925)]. *Otechestvennyye arkhivy*, 2016, no. 4, pp. 84–100.

17. Leont'ev Ya. Pokushenie na vozhdya [Attempted Assassination on the Leader]. *Istoriik*, 2018, no. 9, pp. 66–71.

18. Rat'kovskiy I.S. Yanvarskoe pokushenie 1918 g. na V.I. Lenina v Petrograde [January 1918 Attempt on Lenin in Petrograd]. *Russ. Colon. Stud.*, 2019, no. 2, pp. 142–155.

19. Rat'kovskiy I.S. *Krasnyy terror, karayushchiy mech revolyutsii* [Red Terror, the Punishing Sword of the Revolution]. Moscow, 2021. 352 p.

20. Shubin A.V. *Vystrel v serdtse bol'shevizma* [A Shot in the Heart of Bolshevism]. Morozova A.Yu., Suslov A.Yu. (comps.). *Zhit' istoriy i dumat' o budushchem* [Lingering on History and Thinking About the Future]. Moscow, 2021, pp. 365–376.

21. Mogil'ner M. Archival History of State Terror: The Problem of Documentary Evidence (Review: A.L. Litvin. On the History of Assassination Attempts on V.I. Lenin in 1918. Kazan: IP Romanov E.G., 2021. 62 p.). *Ab Imperio*, 2021, no. 2, pp. 266–274 (in Russ.). DOI: [10.1353/imp.2021.0047](https://doi.org/10.1353/imp.2021.0047)

DOI: 10.37482/2687-1505-V236

Vladislav I. Goldin

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267> e-mail: v.i.goldin@yandex.ru

Aleksey Yu. Suslov

Kazan National Research Technological University;
ul. K. Marksa 68, Kazan, 420015, Respublika Tatarstan, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2926-8102> e-mail: fsgtkstu@yandex.ru

For citation: Goldin V.I., Suslov A.Yu. A New Book on the History of Individual Political Terror During the Civil War in Russia. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 24–31. DOI: 10.37482/2687-1505-V236

A NEW BOOK ON THE HISTORY OF INDIVIDUAL POLITICAL TERROR DURING THE CIVIL WAR IN RUSSIA

This article analyses the modern historiography of individual political terror in Russia during the Civil War in 1918. The role and significance of the terrorist acts of the summer of 1918 for the formation of Soviet penal policy are emphasized. There is a long historiographical tradition concerning these topics, which is based, on the one hand, on the traditional Soviet version, originating in the famous 1922 trial of the leaders of the Socialist Revolutionary Party, and, on the other hand, on alternative interpretations that were, at some point, presented in émigré and foreign historical literature. The focus of attention is the work of the famous Russian historian, Honoured Professor of Kazan University A.L. Litvin, who studies the assassination attempts on Vladimir Lenin in 1918. In addition, the paper touches upon various aspects related to the assassinations of V. Volodarsky and M.S. Uritsky. The authors examine the works of historian K.N. Morozov devoted to various aspects of the 1918 assassination attempts and the role of B.V. Savinkov and F. Kaplan in them. The publications of I.S. Ratkovsky and A.V. Shubin are noted. It is concluded that modern historical literature contains various assessments of those events: the assassins had personal but no direct political motives (A.L. Litvin); B.V. Savinkov's organization was linked to the terrorist acts against V.I. Lenin and M. Uritsky in 1918 (K.N. Morozov). In addition, the article studies sources that have recently been introduced into scholarly discourse; it is noted that the current level of knowledge is insufficient for scholars to make final conclusions and thus calls for further research.

Keywords: *individual political terror, Russian Civil War, V.I. Lenin, A.L. Litvin, F.E. Kaplan, B.V. Savinkov, historiography, Socialist Revolutionary Party.*

Поступила 23.09.2022
Принята 12.12.2022
Опубликована 07.02.2023

Received 23 September 2022
Accepted 12 December 2022
Published 7 February 2023

УДК 94(47).084.3+929.628.7

DOI: 10.37482/2687-1505-V237

ОСИПОВ Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры Ульяновского государственного технического университета. Автор 139 научных публикаций*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5657-8627>

ВЯЗЬМИТИНОВ Михаил Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры Ульяновского государственного технического университета. Автор 48 научных публикаций**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2977-3528>

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА НАГРАДНЫХ ЗНАКОВ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (1918–1930-е годы)

Предметом исследования являются вопросы организационного и материально-технического обеспечения советской наградной системы в начальный период ее существования. Анализируются проблемы административного, производственно-технического и кадрового характера, проявившиеся при возрождении наградного производства в период Гражданской войны и первого послевоенного десятилетия. Оцениваются трансформация отношения советской власти к наградной системе и проистекающие отсюда организационные мероприятия и подходы. Выделяются специфические особенности советской наградной системы в аспекте ее материально-технического и организационного сопровождения, а также поднимаются вопросы преемственности по отношению к хронологически предшествовавшей наградной системе царской России. Работа основана на принципах историзма, объективности, системности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод. Новизна заключается в отказе от традиционного индивидуально-описательного подхода к наградам и выявлении общих проблем и подходов советского правительства в вопросах материального и организационного аспектов наградной системы с указанием на организационные и производственно-технические сложности того времени и способы их преодоления. Авторы указывают на динамику в организации производства наград, использовании сырья, кадровой политике и т. д. Очевидной проблемой данного периода в развитии наградного дела явилось отсутствие изначально осознания Советской властью ценности и функционала наградной системы с последующей коррекцией этих подходов в условиях войны и экономического кризиса и, как следствие, растянувшееся почти на 20 лет оформление внятной наградной политики. Последнюю предлагается рассматривать в неразрывной связи с общими процессами политического, экономического и социального развития; как важный элемент идеологической системы и индикатор перемен, происходивших в советском государстве и обществе.

Ключевые слова: СССР, революция 1917 года, Гражданская война, наградная система СССР, монетный двор, ордена, медали, медально-орденское производство, идеология.

*Адрес: 432027, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, д. 32; e-mail: mail2mee@mail.ru

**Адрес: 432027, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, д. 32; e-mail: vmn@ulstu.ru

Для цитирования: Осипов С.В., Вязьмитинов М.Н. Возрождение производства наградных знаков в послереволюционной России (1918–1930-е годы) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 1. С. 32–42. DOI: 10.37482/2687-1505-V237

Рассмотрение процесса возрождения/становления производства наградных знаков в советской России имеет важное значение как отправная точка в исследовании истории советской наградной системы в целом и способ установления преемственности (или отсутствия таковой) с имперской наградной системой в частности. Изучение данной темы в советский период по понятным причинам было крайне идеологизировано, обращение к наградной проблематике носило скорее пропагандистско-воспитательный характер нежели подлинно научно-исследовательский. К тому же в Союзе Советских Социалистических Республик (СССР) признание за фалеристикой статуса специальной исторической дисциплины произошло только в 1960-е годы, соответственно, время зрелых исследований в данной сфере попросту не пришло. Доминировали научно-популярные статьи, обзорные издания, каталоги, биографические справочники о награжденных, т. е. шло накопление фактологического материала. Немногочисленные диссертационные работы касались правовых аспектов существования наградной системы, но не более того. «Никто и не ставил задачу исследования наградной системы СССР в период ее формирования и функционирования, не прослеживал тенденций в развитии системы наград и поощрений. По идеологическим причинам оказались не изучены такие аспекты, как наградная дипломатия, меры поощрения и стимулирования военнослужащих и партизан за достижение количественных показателей в боевой деятельности в годы Великой Отечественной войны, а также гражданских лиц за трудовые успехи в первые послевоенные годы, формирование привилегированных социальных категорий из числа награжденных, неутвержденные проекты знаков отличия» [1]. Существовали значительные ограничения в доступе к источниковой базе. В постсоветский период идеологизация с темы была снята, но сохранился сегментарный подход, т. е. рассмотрение отдельных феноменов (конкретных наград и их обладателей), вместо целостного многостороннего подхода. Как и

в исторической науке в целом, активно пошел процесс ликвидации «белых пятен» (сравнение наградных систем красных и белых, сравнение советской, имперской и постсоветской наградных систем, изучение биографий лиц, лишенных высших наград в период репрессий и т. д.). В хронологическом аспекте также по понятным причинам доминировали Великая Отечественная война и послевоенный период, т. е. то время, когда советская наградная система вступила в стадию зрелости, что создавало широкое тематическое поле для исследований. Постсоветский период был ознаменован появлением множества статей, справочных и научно-популярных изданий, посвященных наградной фактологии, т. е. перечням и каталогам наград во всем их разнообразии, детальным описаниям внешнего вида отдельных наградных знаков, рассмотрению правовых аспектов наградной системы (т. е. регламентации правил награждения и ношения), представлению достижений в военной и гражданской сферах, ставших основанием для награждений, спискам кавалеров различных наград и т. д. Систематизация наград позволила позже появиться работам более объемным и выходящим за рамки конкретно-описательного подхода (П.В. Ахманаев «Советская наградная система» (2014), С.А. Иванов «Развитие системы награждений орденами и медалями военнослужащих Красной Армии (1918–1945)» (2009), В.А. Винокуров «Система государственных наград Российской Федерации: история, современность и перспективы развития» (2012), А.И. Гончаров «Наградная система Российской Федерации» (2010)).

Тем не менее вопросы организационно-технического обеспечения функционирования советской наградной системы на раннем этапе ее существования до сих пор освещены очень слабо. Ордена, медали и прочие знаки отличия по сути являются конечным продуктом наградной системы, но вопрос ее функционирования с точки зрения формирования подходов к разработке новых наградных знаков, организации производства, обеспечения материально-технического снабжения и т. д. не менее важен; без этих

данных нельзя составить полное представление о советской наградной системе: ее оригинальности, целостности, эффективности и т. д. Главная цель статьи – выявление и анализ проблем организационного и материально-технического характера, возникавших у советского правительства в процессе формирования собственной наградной системы в период Гражданской войны и послевоенной стабилизации, т. е. с 1918 и до начала 1930-х годов. Специфические обстоятельства разработки и реализации различных наградных знаков в итоге должны дать основания для обобщающих выводов относительно функционирования всей советской наградной системы.

Падение самодержавия естественным образом запустило процесс ликвидации царской наградной системы, что было, однако, не одномоментным событием, но серией событий, растянувшихся до начала 1918 года. Министерство императорского двора, ведавшее данной системой, вступило в затяжную процедуру ликвидации, между тем как награждение дореволюционными знаками отличия существенно сократилось: продолжались массовые награждения военными знаками отличия (т. к. шла Первая мировая война), с гражданских же знаков была удалена монархическая символика. Сами дореволюционные ордена теперь могли представлять опасность для их обладателей в связи с общим революционным подъемом и публично выражаемой ненавистью к прежнему режиму. Логично было предположить, что новая свободная Россия потребует и новой наградной системы, однако, как известно, сама общественная дискуссия о природе новой России вышла столь долгой и малопродуктивной, что предпосылок для оформления таковой (т. е. наличия некой общепризнанной системы ценностей, исходя из которой осуществляются наградные поощрения) так и не возникло. В течение лета–осени 1917 года функционировала усеченная версия дофевральской наградной системы с беспорядочными добавлениями в виде разного рода революционных знаков и жетонов, на сведения которых в какую-либо

целостную новую систему ни у кого не было ни сил, ни времени.

Октябрьский переворот 1917 года и последующее оформление власти Советов поставили крест как на дореволюционной наградной системе, так и на хаотическом геральдическом творчестве периода весны–осени 1917 года. Новая власть с присущим ей максимализмом в декабре того же года отменила все виды внешних отличий, имевшие место при старом режиме (декрет Совета народных комиссаров (СНК) от 29(16) декабря 1917 года), обосновывая это ликвидацией всех привилегий и преимуществ, сопровождавших статус государственных наград. В этом отношении они приравнивались к дворянским титулам, чинам, званиям и прочим атрибутам «проклятого прошлого».

Однако вскоре обнаружилось, что новая власть также не может существовать без собственной наградной системы. Очевидно, что ее перезапуск в 1918 году был напрямую связан с переоценкой всей политики советской власти в вопросах военного строительства. Как известно, исходная позиция большевиков/левых эсеров состояла в том, что армия – это атрибут отжившего антинародного строя, народному же государству такие орудия порабощения, как полиция и армия, не нужны, достаточно самоорганизующихся рабочих дружин. Однако суровая реальность февраля–марта 1918 года, когда советская власть столкнулась как с внешней (армии Центральных держав), так и внутренней (контрреволюционные выступления на Дону, в Поволжье и т. д.) угрозой, показала неверность этого подхода. Начинается ускоренное формирование массовой рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) с полноценной командной структурой, жесткой дисциплиной, привлечением военных специалистов царской армии и т. д. В связи с эскалацией гражданского противостояния стало понятно, что борьба за светлое будущее должна стимулироваться как морально, так и материально. Простых мечтаний о коммунистическом обществе и зажигательных речей вождей революции оказалось недостаточно, и нужно было подумать о

том, как поощрять красноармейцев и командиров, отстаивающих советскую власть на фронтах начинающейся Гражданской войны.

В жестких условиях военного времени, при быстро меняющейся обстановке на фронтах, заниматься экспериментами в данной сфере было некогда и незачем, поэтому советское руководство начинает создавать свои награды, опираясь на опыт прежнего режима, точно так же как опыт царских офицеров был использован для формирования самой Красной армии. В августе 1918 года тот же самый член Революционного военного совета Н.И. Подвойский, который в качестве Народного комиссара по военным делам подписывал декабрьский декрет об отмене званий и наград, выступил с инициативой по созданию новых знаков отличия – сначала почетного красного знамени, вручаемого отличившимся подразделениям, а потом и ордена «Красное Знамя». Телеграмма Подвойского с соответствующим предложением была адресована Председателю Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) Я.М. Свердлову, который уже 2 сентября выступил по этому вопросу на заседании ВЦИК, что в свою очередь привело к созданию профильной комиссии с участием А.С. Енукидзе и В.П. Ногина [2, с. 10–12]. Заслуга учреждения советской наградной системы также иногда приписывается Л.Д. Троцкому [3, с. 7]; представляется, что идея, что называется, носилась в воздухе, причем в действующей армии: «Лучшие революционные солдаты и все связавшие свою судьбу с Советской Республикой командиры жаждут республиканских отличий» [3, с. 6]. Подвойский и Троцкий, непосредственно вовлеченные в процесс управления военными делами, первыми отреагировали на армейские настроения; в дальнейшем реализация одобренной ВЦИК инициативы во многом легла на плечи А.С. Енукидзе (вплоть до снятия его с поста секретаря Центрального исполнительного комитета СССР в 1935 году).

Таким образом, в конце первого года своего пребывания у власти большевики восстановили царскую традицию наградных знамен, наградного оружия и пришли к необходимости

возрождения собственно наградной системы. В отличие от деятелей либерального междувстия 1917 года они осенью 1918 года обладали четкой системой ценностей и приоритетов, которая легла в т. ч. и в основу наградной системы. Ее через набор символов рабоче-крестьянской власти (пожалуй, даже избыточный для одного наградного знака: штык, плут, молот, серп, еще раз молот и т. д.) советское правительство немедленно воплотило в первом и надолго (до 1930) единственном ордене – ордене Красного Знамени (изначально – орден «Красное Знамя»).

Однако для организации производства утвержденного комиссией ВЦИК индивидуального наградного знака нужно было решить несколько конкретных задач, а именно:

- отыскать квалифицированных специалистов (граверов, эмальеров, чеканщиков и т. д.) и организовать подготовку кадров, в полной мере предоставив этим людям возможность физически выжить в непростой обстановке Гражданской войны;

- снабдить производство необходимыми материалами, финансированием и обеспечить охрану режимного предприятия;

- найти соответствующее оборудование, инструментарий, организовать их постоянное обслуживание и ремонт.

За решение данных задач советская власть взялась осенью 1918 года, т. е. в разгар Гражданской войны и экономического кризиса. К этому времени произошел массовый исход из столичных городов буржуазии и технической интеллигенции: кто-то направился за границу, кто-то пытался пережить смутное время в провинции. В любом случае кадровый кризис во всех отраслях промышленности стоял крайне остро. Бывший Императорский монетный двор в Петрограде, равно как и частные ювелирно-граверные мастерские обеих столиц, был национализирован в конце 1917 – начале 1918 года, что сопровождалось как изгнанием «старорежимных специалистов», так и банальной оптимизацией с сокращением штатов и затрат. На Петроградском монетном дворе летом 1918 года работало около 800 человек, к 1920 количество сотрудников

едва доходило до 200, и это уже при изменившемся курсе правительства в наградном вопросе. Ювелирная мастерская «Эдуард» (основана Эдуардом Дитвальдом) была национализирована летом 1918 года, отнесена к секции благородных металлов Совета народного хозяйства Северного района и переведена на выполнение военных заказов для Красной армии. Она изготавливала пуговицы, значки, петлицы и т. д. Как и на Монетном дворе, численность работников по сравнению с довоенным периодом (200 чел.) сократилась в 3-4 раза [4]. Предприятие при этом сумело сохранить свою дореволюционную структуру, функционировали специализированные мастерские, но специалистов высокого класса осталось немного. Старая школа подготовки мастеров серебряных и золотых дел, граверов, медальеров была разрушена, и последствия этого будут сказываться еще очень долгое время.

Необходимо отметить, что при всех сложностях, испытываемых большевиками (которые они сами во многом и создали), это не идет ни в какое сравнение с проблемами их политических оппонентов, пытавшихся параллельно создать собственную наградную систему. Если советская власть утвердилась в промышленном центре страны, то белые контролировали окраинные районы и области бывшей Российской империи, т. е. территорию с минимумом производственных мощностей и специалистов, способных удовлетворить потребности Белого движения в изготовлении орденов и медалей. Как результат: часть белогвардейских наград (довольно низкокачественных) была произведена в России, часть изготовлена по заказу зарубежными фирмами, а многое так и осталась набором нереализованных проектов [5].

Выпуск первой партии советских наград был доверен – как ни странно – не национализированному Петроградскому монетному двору, а московской фирме братьев Бовдзей. Вероятно сыграл свою роль негативный старорежимный шлейф и Петрограда как бывшей имперской столицы, и Монетного двора, работавшего веками на идеологию «проклятого старого режима». Столицей революционной России с марта

1918 года стала Москва, соответственно, за московскими ювелирами было проще наблюдать и взыскать с них при необходимости.

Проблема заключалась в том, что фирма братьев Бовдзей производством наградных знаков такого уровня никогда не занималась. Штамповальная фабрика-мастерская Бовдзей успешно производила «военно-офицерские вещи»: пуговицы, кокарды, знаки отличия для выпускников военных и технических училищ, но никак не ордена. Летом 1918 года на ней был размещен крупный заказ на производство красноармейских звездочек для головных уборов, очевидно выполненный с успехом и тем самым обеспечивший братьям следующий правительственный заказ.

Однако опыта производства сложных знаков у фирмы Бовдзей не было, поэтому заказанные и изготовленные ими первые 150 орденов оказались и последними – слишком низким было качество. Председатель Революционного военного совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики Л.Д. Троцкий, возмущенный низким качеством новых советских наград, писал Свердлову во ВЦИК: «Орден Красного Знамени невозможен, слишком груб и снабжен таким механизмом для прикрепления на одежду, что носить его практически невозможно. Выдавать его не буду, ибо вызовет общее разочарование. Настаиваю на прекращении выделки и передаче сего дела военному ведомству. Орден ждут несколько месяцев, а получили блеху носильщика, только менее удобную. Знак должен быть в три-четыре раза меньше и сделан из лучшего материала...» [6, с. 13–14]. Упоминание лучшего материала вызвано тем, что ВЦИК осенью 1918 года утвердил образец ордена, выполненный гравером В.В. Звягинцевым по эскизу В. Денисова из бронзы, Бовдзей же сделали орден медным с частичным посеребрением. Продолжая яростную критику, Троцкий тогда же писал Енукидзе: «Рассуждать о том, насколько серебряные обойдутся дороже, смешно. Дело идет о грошах. Необходимо знак сделать в три раза меньше. Ободок позолотить. Работу сделать более изящной...» [6, с. 13–14].

В результате заказ на изготовление орденов был передан Петроградскому монетному двору, где опытные мастера сделали их более изящными и внесли ряд изменений. В качестве материала было использовано серебро, на чем и настаивал Троцкий. Тем не менее и здесь возникали сложности. Не хватало эмальеров, большая часть которых ушла на фронт, для немногочисленных оставшихся рабочих сложно было выбить продовольственные пайки. В 1919 году стало очевидно, что Монетный двор не в состоянии обеспечить нужные объемы производства. В итоге часть орденов решено было делать «на местах», т. е. в провинциальных ювелирных мастерских, заведомо допуская падение качества и отход от единого стандарта. В 1920–1921 годах такие знаки изготавливались на Кавказе, тем более что по мере военных успехов Красной армии на национальных окраинах появлялись и собственные ордена Красного Знамени Азербайджанской, Грузинской, Армянской ССР [6, с. 14]. С окончанием основной фазы Гражданской войны осенью 1920 года объемы награждений естественным образом стали падать, и в 1921 году Монетный двор уже полностью обеспечивал потребности РККА, а потом и вовсе стал производить ордена «на склад».

Что касается вопроса о производственных мощностях, то, укрепившись в центре страны, большевики получили в т. ч. уже упоминавшийся Московский монетный двор, отчасти – его специалистов и сырье для чеканки новых знаков отличия. Про кадровые сложности мы упоминали выше, что же касается сырья, то Первая мировая война истощила золотой запас Российской империи, и еще при Николае II было принято вынужденное решение чеканить солдатские георгиевские кресты не из золота и серебра, а из желтого и белого металла [6, с. 59]. После революции ситуация еще более усугубилась. Среднегодовая добыча золота, составлявшая в 1913 году почти 62 т., постоянно падала: 28 т. в 1917, 3 т. в 1920, 2,5 т. в 1921 (т. е. 30-кратное падение в течение 7 лет) [7, с. 21].

Большевики, получившие на руки императорский золотой запас, разумно распоря-

даться им в условиях Гражданской войны не смогли. Успешное наступление белых весной 1918 года вынудило СНК создать специальную комиссию по вывозу в безопасные места ценностей из городов, оказавшихся под угрозой контрреволюционного наступления. К лету 1918 года Москва, Казань и Нижний Новгород, располагавшие надежными хранилищами и находившиеся тогда вдали от боевых действий, стали главными центрами эвакуации ценностей. Казань в частности приняла золотые монеты и слитки из Тамбова, Воронежа, Елецкого, Курска, Могилева, Сызрани, Пензы, Самары и Козлова [8, с. 28]. Однако вскоре обстановка на фронте разительно изменилась, в августе 1918 года части Народной армии Комитета членов Учредительного собрания взяли Казань, захватив в т. ч. значительную часть золотого запаса царской России. Это оказалось для большевиков тяжелым ударом, но у них оставались Москва и Нижний Новгород. В последнем хранили более 300 т. драгоценного металла, а также ценности, реквизированные у врагов режима (столовое серебро и золото из царских дворцов), 7 мешков с золотыми и серебряными Георгиевскими крестами и т. д. [9]. Помимо этих запасов в распоряжении красных оказалось всевозрастающее количество реквизированной собственности: изымались церковные ценности, монеты царской чеканки и т. д. [10]. Можно предположить, что в какой-то степени нужды монетно-орденского производства покрывались за счет этих источников. Тем не менее трудности с драгоценными металлами существовали, первую партию братья Бовдзей, как уже упоминалось, изготовили вообще из меди, разговоры об исполнении первого советского ордена в бронзовом варианте также велись, но вызвали негативную реакцию в армейских кругах. По мнению высшего командования Красной армии, этот шаг мог привести к разочарованию среди красноармейцев и командиров и снизить достоинство первой боевой награды страны Советов. Твердая позиция Л.Д. Троцкого привела к изменению первоначального «бюджетного» решения, и орден стали изготавливать из серебра, используя горячую эмаль и позолоту.

Тем самым советское правительство продолжило старую российскую традицию изготовления наград из драгоценных металлов.

Окончание Гражданской войны позволило перейти от чрезвычайных и временных решений к комплексному и продуманному созданию советской наградной системы, в т. ч. в материально-хозяйственном аспекте. Были введены государственная монополия на выпуск наградных знаков и запрет на их изготовление в частных мастерских (это при том, что с 1921 года страна вступила в фазу Новой экономической политики (нэп), и подобных частных мастерских появилось/возродилось множество). Центральным узлом в производстве орденов совершенно логично стал Петроградский (впоследствии Ленинградский) монетный двор, восстановление деятельности которого началось в 1920 году. Постепенно на предприятие стали возвращаться выдающиеся медальеры, такие как А.Ф. Васютинский, уволенный в 1918 году и перебивавшийся в период Гражданской войны частными заказами на дому. К августу 1921 года кадровый состав Монетного двора насчитывал уже 186 человек, в т. ч. 30 инженерно-технических работников [11], что впрочем было связано не столько с объемом заказов в наградной сфере, сколько с проведением денежной реформы в рамках все той же нэп. Были улучшены социально-бытовые условия, заключен коллективный договор между администрацией, заводским комитетом и коллективом предприятия, оборудована вентиляция, появилось помещение для бани. Рабочих обеспечили спецодеждой, установили сокращенный рабочий день для работников вредного производства, организовали медпункт. До революции на Монетном дворе работали исключительно мужчины, теперь же на всех участках вместе с ними стали трудиться и женщины, что объяснялось не только государственной политикой равноправия, но и элементарной нехваткой кадров после двух войн, голода, эмиграции и т. д. Среди рабочих усиленно проводилась борьба с неграмотностью, для молодых сотрудников была организована школа фабрично-заводского ученичества. Штатная численность

Монетного двора в апреле 1924 года достигла своего максимума для 1920-х годов – 2450 человек [11]. Все это позволяло решать поставленные правительством задачи в наградной и монетной сферах.

Несмотря на улучшившуюся после 1921 года экономическую ситуацию, советская наградная система оставалась минималистичной: в 1928 году появляется орден Трудового Красного Знамени, а в 1930 – орден Ленина, объявленный высшей наградой СССР. Тогда же наконец решается на удивление затянувшийся вопрос об унификации орденов Красного Знамени: образование СССР в 1924 году естественным образом поставило вопрос о замене республиканских орденов периода Гражданской войны на единый общесоюзный орден. Такая задача была поставлена тогда же, в 1924 году, но окончательные решения по дизайну и производству приняты только 7 лет спустя. Очевидно, что с окончанием Гражданской войны наградное дело перестало являться вопросом жизненной необходимости, от количества и качества орденов более не зависело выживание режима, соответственно, первые лица государства не уделяли ему такого внимания.

Только в конце 1931 года Ленинградский монетный двор получил заказ на изготовление 20 тысяч орденов нового образца. Явно избыточное число было обусловлено необходимостью замены пришедших в негодность орденов, выпущенных в 1919–1921 годах с недостатками: плохая эмаль, осыпавшееся посеребрение, хрупкость выступающих элементов и т. д. Характерно, что изготовленные в начале 1930-х годов ордена союзного образца имели те же дефекты, что и было обнаружено в конце 1930-х годов очередной ревизией [3, с. 84]. Очевидно, что последствия производственно-кадрового кризиса 1917–1918 годов с имевшими место разрывом производственных цепочек, нарушением кадровой преемственности и т. д. так до конца и не были преодолены.

Тем не менее наградное производство, будучи поставленным перед необходимостью достигать новые объемы и решать высокоуров-

новые задачи, расширялось и совершенствовалось. Если принципиальные действия в наградной сфере оставались за СНК и ЦИК СССР, а вопросы общего организационно-технического характера – за секретариатом ЦИК, то следовавший за этим производственный процесс обычно состоял из следующих этапов:

– разработка и утверждение технических условий на изготовление награды;

– проведение подготовительной работы: назначение непосредственных исполнителей изготовления наградного символа, определение оборудования;

– разработка технических условий для эмальерных работ (для орденов);

– непосредственное изготовление награды: получение металла (золото, серебро) и переплавка в соответствующий сплав, разливание в специальные формы и вальцевание для получения металлических лент соответствующих размеров, машинное вырезание заготовок по контуру награды, чистка и полировка, чеканка наград на педальном прессе на основе заранее изготовленных штампов, финальная отделка и шлифовка.

Со времени создания первого советского ордена (1918 год) и до начала Великой Отечественной войны в советской наградной системе присутствовали только одностепенные награды. Это несколько облегчало производственный процесс, т. к. не было необходимости менять инструменты для каждой степени знака и перенастраивать оборудование. В то же время увеличение числа награждаемых (причем награждались уже не только физические лица, но воинские части, города, газеты, предприятия и т. д.) и расширение сфер деятельности, чье развитие стимулировалось с помощью наград, привело к появлению различающихся форм наградных знаков: овалообразные (орден Красного Знамени, орден Трудового Красного Знамени, орден «Знак Почета»), кругообразные (орден Ленина) и звездообразные (орден Красной Звезды, медаль «Золотая Звезда», медаль «Серп и Молот»). Существенно усложнилась конструкция знаков: это были уже не простые

штампованные или литые изделия, а наградные символы, состоящие из нескольких деталей. Ярким примером этому является вариант ордена Ленина 1936 года, состоявший из 5 частей [11]. Именно тогда в процесс производства орденой продукции пришел новый материал – платина, который потом будет широко применяться во время Великой Отечественной войны при изготовлении полководческих орденов.

Произошедшее на рубеже десятилетий расширение и усложнение наградной системы одновременно с ее унификацией в общесоюзном масштабе представляется естественным решением, символизирующим завершение периода партийных дискуссий и экономических экспериментов 1920-х годов и установление единоличной сталинской диктатуры [12]. Успехи нового режима в экономике (первые пятилетки, коллективизация) и политике (борьба с врагами внутренними и внешними) логично привели к новой волне расширения наградной системы в 1934–1940 годах (появление знаков отличия Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда, боевых и трудовых медалей). Так, формирование полноценной наградной системы СССР естественным образом связано с оформлением политического режима сталинского СССР (Конституция 1936 года).

В целом 1920–1930-е годы были периодом возрождения и становления наградного производства в СССР, параллельно с этим шло увеличение номенклатуры изготавливаемых орденов, медалей и почетных знаков, усложнение технологии производства. Начало Великой Отечественной войны поставило перед предприятиями наградной индустрии новые задачи и вызовы [см. 13; 14].

Отметим, что с пафосом декларируемое большевиками в свое время намерение разрушить старый мир «до основанья» оказалось неисполнимым в вопросах наградной системы (как и в вопросах военного строительства, экономики и т. п.). Менее чем через год после прихода к власти они вынужденно принялись возрождать саму наградную систему как идеологический инструмент государства; материально-техни-

ческий и кадровый фундамент в данном возрождении был ими унаследован от прежнего режима. При этом существенным отличием в организационно-техническом обеспечении наградной системы СССР стала государственная монополия на изготовление наград. В рассматриваемый период значимость наградной системы для советской власти неоднократно менялась: от изначального отрицания (1917) как орудия социального неравенства до осознания первостепенной роли наград в деле мобилиза-

ции военного потенциала для победы в войне (1918). С окончанием войны и началом нэп (которая давала самодостаточные материальные стимулы для возрождения страны) наградная система уходит из поля зрения первых лиц государства. Расширение таковой с параллельной унификацией в начале 1930-х годов естественным образом отображает происходившую в то же самое время унификацию общественно-политической жизни и стабилизацию внутренне-го и внешнего положения СССР.

Список литературы

1. Калинин Д.А. Советская наградная система: историографический аспект // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: История и политические науки. 2022. № 2. С. 132–141. DOI: [10.18384/2310-676X-2022-2-132-141](https://doi.org/10.18384/2310-676X-2022-2-132-141)
2. Пятый созыв Всероссийского центрального исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов: стенографический отчет. Москва, 1918. М.: Изд-во ВЦИК, 1919. 312 с.
3. Дуров В.А., Стрекалов Н.Н. Орден Красного Знамени. М.: Collector's Book, 2006. 223 с.
4. Фирма «Эдуард». URL: <https://podstakanoff.net/forum/viewtopic.php?t=888> (дата обращения: 10.10.2022).
5. Осипов С.В., Вязьмитинов М.Н., Камалова Р.Ш. Организационные и технические проблемы становления белогвардейской наградной системы // Ист. журн.: науч. исследования. 2019. № 2. С. 51–61. DOI: [10.7256/2454-0609.2019.2.28672](https://doi.org/10.7256/2454-0609.2019.2.28672)
6. Дуров В.А. Ордена России. М.: Воскресенье, 1993. 159 с.
7. Катасонов В.Ю. Золото в экономике и политике России: моногр. М.: Анкил, 2009. 287 с.
8. Гак А. Гражданская война и золотой запас России // Наука и жизнь. 2001. № 9. С. 28–35.
9. Кузнецов В.Б. По следам царского золота // Золото и технологии. 2020. № 1. С. 106–112. URL: <https://zolteh.ru/mezhdudelom/po-sledam-tsarskogo-zolota/> (дата обращения: 10.10.2022).
10. Иванов С.Н. Церковное серебро в денежной реформе 1922–1924 гг. // Вестн. ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 6(67). С. 38–63. DOI: [10.15382/sturII201567.38-63](https://doi.org/10.15382/sturII201567.38-63)
11. 20–30 годы 20 века: первые советские монеты, развитие монетного и орденового производства. URL: <https://goznak.ru/about/history/2019-spmid-295-let/38179/> (дата обращения: 10.10.2022).
12. Кобыльский К.А. Понятие и предназначение наградной системы СССР // Глоб. науч. потенциал. 2015. № 9(54). С. 45–47.
13. Иванов С.А. Развитие системы награждений орденами и медалями военнослужащих Красной Армии (1918–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М. 2009. 254 с.
14. Кокурина О.Ю. Наградная политика России в советский период (1917–1991 годы) // Философия соц. коммуникаций. 2014. № 2(27). С. 28–38.

References

1. Kalinin D.A. The Soviet Award System: Historiographical Aspect. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Istorija i politicheskie nauki*, 2022, no. 2, pp. 132–141 (in Russ.). DOI: [10.18384/2310-676X-2022-2-132-141](https://doi.org/10.18384/2310-676X-2022-2-132-141)
2. *Pjatyj sozyv Vserossiyskogo tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta sovetov rabochikh, krest'janskikh, kazach'ikh i krasnoarmejskikh deputatov: stenograficheskiy otchet, Moskva, 1918* [5th Convocation of the All-Russian Central

Executive Committee of Soviets of Workers', Peasants', Cossacks' and Red Army Soldiers' Deputies: A Stenographic Report, Moscow, 1918]. Moscow, 1919. 312 p.

3. Durov V.A., Strekalov N.N. *Orden Krasnogo Znameni* [Order of the Red Banner]. Moscow, 2006. 223 p.
4. *Eduard Company*. Available at: <https://podstakanoff.net/forum/viewtopic.php?t=888> (accessed: 10 October 2022) (in Russ.).
5. Osipov S.V., Vyaz'mitinov M.N., Kamalova R.Sh. Organizatsionnye i tekhnicheskie problemy stanovleniya belogvardeyskoy nagradnoy sistemy [Organizational and Technical Problems of the Formation of the White Guard Award System]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*, 2019, no. 2, pp. 51–61. DOI: [10.7256/2454-0609.2019.2.28672](https://doi.org/10.7256/2454-0609.2019.2.28672)
6. Durov V.A. *Ordena Rossii* [Russian Orders]. Moscow, 1993. 159 p.
7. Katasonov V.Yu. *Zoloto v ekonomike i politike Rossii* [Gold in the Russian Economy and Politics]. Moscow, 2009. 287 p.
8. Gak A. Grazhdanskaya voyna i zolotoy zapas Rossii [The Civil War and Russia's Gold Reserve]. *Nauka i zhizn'*, 2001, no. 9, pp. 28–35.
9. Kuznetsov V.B. Po sledam tsarskogo zolota [Following the Trail of Royal Gold]. *Zoloto i tekhnologii*, 2020, no. 1, pp. 106–112. Available at: <https://zoltekh.ru/mezhdu-delom/po-sledam-tsarskogo-zolota> (accessed: 10 October 2022).
10. Ivanov S.N. Tserkovnoe srebro v denezhnoy reforme 1922–1924 gg. [Church Silver in the Monetary Reform of 1922–1924 Years]. *Vestnik PSTGU. Ser. II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*, 2015, no. 6, pp. 38–63. DOI: [10.15382/sturII201567.38-63](https://doi.org/10.15382/sturII201567.38-63)
11. *The 1920s – 1930s: The First Soviet Coins, Development of Coin and Order Production*. Available at: <https://goznak.ru/about/history/2019-spm-d-295-let/38179/> (accessed: 10 October 2022) (in Russ.).
12. Kobyl'skiy K.A. Ponyatie i prednaznachenie nagradnoy sistemy SSSR [The Concept and Purpose of the USSR Award System]. *Global'nyy nauchnyy potentsial*, 2015, no. 9, pp. 45–47.
13. Ivanov S.A. *Razvitie sistemy nagrazhdeniy ordenami i medalyami voennosluzhashchikh Krasnoy Armii (1918–1945 gg.)* [Development of the System of Awarding Orders and Medals to the Military Personnel of the Red Army (1918–1945): Diss.]. Moscow, 2009. 254 p.
14. Kokurina O.Yu. Nagradnaya politika Rossii v sovetskiy period (1917–1991 gody) [State Award Policy in the Soviet Russia (1917–1991 Years)]. *Filosofiya sotsial'nykh kommunikatsiy*, 2014, no. 2, pp. 28–38.

DOI: 10.37482/2687-1505-V237

Sergey V. Osipov

Ulyanovsk State Technical University;
ul. Severnyy Venets 32, Ulyanovsk, 432027, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5657-8627> e-mail: mail2mee@mail.ru

Mikhail N. Vyaz'mitinov

Ulyanovsk State Technical University;
ul. Severnyy Venets 32, Ulyanovsk, 432027, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2977-3528> e-mail: vmn@ulstu.ru

REVIVAL OF AWARD PRODUCTION IN POST-REVOLUTIONARY RUSSIA (1918–1930s)

This paper studies the organizational and logistics issues of the Soviet award system in the early period of its existence. It analyses administrative, production, technical, and personnel problems, which manifested themselves with the revival of award production during the Civil War and the first post-war decade. Further, the transformation of the attitude of the Soviet authorities to the award system and the resulting organizational measures and approaches are assessed. The specific features of the Soviet award system are highlighted in terms of its logistical and organizational support. The

question of continuity in relation to the previous award system of Tsarist Russia is raised. The paper is based on the principles of historicism, objectivity and systematic approach. The methodological basis for the study is the historical-genetic method. The novelty of this research lies in rejecting the traditional descriptive approach to the awards and in identifying common problems and approaches of the Soviet government in matters of the material and organizational aspects of the award system, while indicating the organizational and production-technical difficulties of that period and ways to overcome them. In addition, the authors point out the dynamics in the organization of award production, use of raw materials, personnel policy, etc. An obvious problem of the period under study was the initial lack of Soviet authorities' awareness of the value and functionality of the award system, followed by the correction of these approaches in the conditions of war and economic crisis. As a result, it took almost 20 years to formulate a coherent award policy. The authors suggest considering the Soviet award policy in close connection with the general processes of political, economic and social development, as an important element of the ideological system, and as an indicator of the changes that were taking place in the Soviet state and society.

Keywords: *USSR, 1917 Revolution, Civil War, Soviet award system, mint, orders, medals, medal production, ideology.*

Поступила 21.10.2022

Принята 10.01.2023

Опубликована 06.02.2023

Received 21 October 2022

Accepted 10 January 2023

Published 6 February 2023

For citation: Osipov S.V., Vyaz'mitinov M.N. Revival of Award Production in Post-Revolutionary Russia (1918–1930s). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 32–42. DOI: 10.37482/2687-1505-V237

УДК 94(47).084.8

DOI: 10.37482/2687-1505-V242

ХАТАНЗЕЙСКИЙ Александр Владимирович,
научный сотрудник Национального парка «Русская
*Арктика». Автор 14 научных публикаций**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7823-9578>

БРОНЕТЕХНИКА ЛЕНД-ЛИЗА В ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН» (23 июня – 29 августа 1944 года)

Статья посвящена роли бронетехники, полученной по ленд-лизу, в Белорусской наступательной операции («Багратион») летом 1944 года. Автор рассматривает участие зарубежной бронетехники в боевых действиях в составе танковых, механизированных и кавалерийских подразделений Красной армии, оценивает ее количество и качество. Полученная по программе ленд-лиза бронетехника принимала участие в боевых действиях в составе всех четырех фронтов, задействованных в операции «Багратион». Прежде всего это были британские танки Mk.III «Валентайн» и американские танки M4A2 «Шерман», но помимо них заметным было участие самоходных артиллерийских установок СУ-57 и М10, а также бронетранспортеров М3А1 «Скаут». Кроме того, продолжилось использование в войсках некоторого количества танков М3-с и М3-л, оставшихся с прошлых периодов войны. В 1944 году они уже не поставлялись. Зарубежная техника хорошо зарекомендовала себя как с точки зрения надежности, так и боевых качеств, в частности маневренности, броневой защиты и огневой мощи. Важно, что именно в частях, наступавших на основном направлении, количество ленд-лизовских танков было наибольшим (в 1-м механизированном (100 %) и 3-м гвардейском механизированном (91 %), в 3-м гвардейском кавалерийском (82,5 %), в 8-м гвардейском танковом (59 %) корпусах). В меньших количествах зарубежные танки имелись также в линейных подразделениях всех фронтов, участвовавших в операции (1-, 2-, 3-й Белорусский и 1-й Прибалтийский фронты). В общей сумме зарубежные танки составляли примерно 1/3 всего советского танкового парка в Белорусской наступательной операции.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, ленд-лиз, бронетехника, операция «Багратион», 1944 год.

*Адрес: 163069, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 36; e-mail: hav@rus-arc.ru

Для цитирования: Хатанзейский А.В. Бронетехника ленд-лиза в операции «Багратион» (23 июня – 29 августа 1944 года) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 1. С. 43–53. DOI: 10.37482/2687-1505-V242

История поставок по ленд-лизу является спорной, неоднозначной и одной из наименее изученных тем в истории Великой Отечественной войны. Практическая польза союзнической техники в боях с вермахтом – один из наименее освещенных аспектов данного вопроса. Важной составляющей ленд-лиза были бронетанковые поставки. Изучение качественных особенностей зарубежной бронетехники, а также ее количества в составе частей Красной армии позволяет оценить значение поставок и их роль в боевых действиях на разных этапах войны, что придает этой теме немалую актуальность.

Использование ленд-лизинговской бронетехники в частях Красной армии в годы войны рассмотрено в исследованиях М.Б. Барятинского, М.В. Коломийца, И.Б. Мощанского, М.Н. Свирина, В. Таланова и А.Н. Учаева, носящих в основном обзорный характер. Более подробно тему применения ленд-лизинговской бронетехники на фронте осветили в ряде работ М.В. Коломиец и И.Б. Мощанский [1–5]. Однако участие зарубежной бронетехники в отдельных операциях войны (в частности в операции «Багратион») рассматривается весьма поверхностно. Исследования М.Б. Барятинского и М.Н. Свирина в значительной степени сфокусированы на тактико-технических данных и конструктивных особенностях союзнической техники и в основном повторяют содержание трудов Коломийца и Мощанского [6; 7]. Работа В. Таланова – брошюра, изданная в серии научно-популярного журнала «Бронеколлекция» [8]. Тема поставок бронетехники освещена в ней очень кратко и с некоторыми ошибками. А.Н. Учаев в ряде статей затронул использование танков «Валентайн» в Красной армии, но только той их части, которая поставлялась из Канады [9–11].

Среди зарубежных исследователей, освещавших эту тему, можно выделить С. Залога и П. Самсонова [12–15]. Книга американского историка С. Залога носит обзорный характер и в значительной степени повторяет содержание работ М.В. Коломийца и И.Б. Мощанского. Канадский историк П. Самсонов детально

проанализировал использование танков «Шерман» Красной армией в боях на южном фланге Курской дуги летом и в ходе сражения за Днепр осенью 1943 года. Таким образом, тема участия ленд-лизинговской бронетехники в операции «Багратион» специально не исследовалась, что и определяет новизну данной статьи.

Следует отдельно отметить, что использование других типов ленд-лизинговской техники, таких как автомобили, мотоциклы или амфибии, не затрагивается в рамках настоящей статьи, потому что они не относятся к бронетехнике. Их применение в ходе боевых действий является отдельной темой.

К лету 1944 года Красная армия освободила большую часть территорий, потерянных в начале войны. Была снята блокада Ленинграда, освобождены большая часть Украины и Крымский полуостров. На июнь разработана беспрецедентная по своим масштабам операция «Багратион», предполагавшая силами четырех фронтов в короткий срок разгромить врага и освободить территорию Белоруссии.

Планировалось единовременным ударом прорвать оборону противника на 6 участках, окружить и уничтожить его фланговые группировки в районах Витебска и Бобруйска. После этого развить наступление на Каунасском, Минском и Брестском направлениях с целью завершения разгрома группы армий «Центр» и выхода на рубеж Даугавпилс–Каунас–Белосток–Брест–Люблин [16, с. 347]. Согласно плану 1-му Прибалтийскому фронту во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом предписывалось разбить витебско-лепельскую группировку противника и выйти на южный берег р. Западной Двины в район Чашники–Лепель. Задача 3-го Белорусского фронта заключалась в том, чтобы во взаимодействии с 1-м Прибалтийским и 2-м Белорусским фронтами уничтожить немецкие войска в районах Витебска и Орши и, развивая наступление, выйти к р. Березине. 2-му Белорусскому ставилась задача во взаимодействии с 3-м и 1-м Белорусскими фронтами разбить вражескую группировку в районе Могилева и также выйти к р. Березине.

1-й Белорусский фронт получил приказ подготовить и провести операцию с целью разгромить бобруйскую группировку противника и выйти главными силами в район Осиповичи–Пуховичи–Слуцк [17, с. 93–95].

Для осуществления плана операции наступающие фронты были усилены четырьмя общевойсковыми, двумя танковыми армиями, четырьмя артиллерийскими дивизиями прорыва, двумя зенитно-артиллерийскими дивизиями, четырьмя инженерно-саперными бригадами. Общая численность войск составила более 1,25 млн человек, 2715 танков, 1355 самоходных артиллерийских орудий (САУ), 6334 самолета и 34 тыс. орудий и минометов [18, с. 366, 382–383].

23 июня 1944 года 5 армий 3-го Белорусского фронта перешли в наступление в районе городов Витебска и Орши. Из-за условий местности с большим количеством рек и болот наступление начали стрелковые дивизии без поддержки тяжелой техники. Только на второй день, 24 июня, в бой ввели механизированную технику, в т. ч. конно-механизированную группу (КМГ) генерала Н.С. Осликовского, в которую были включены части 3-го гвардейского (гв.) Сталинградского механизированного (мк) и 3-го гв. кавалерийского (кк) корпусов [16, с. 353, 361], оснащенных ленд-лизомской бронетехникой на 91 и 82,5% соответственно (см. *таблицу* на стр. 46). Однако из-за недостатка инженерного обеспечения и загруженности дорог в бой КМГ вступила только 25 июня [19, л. 329–330]. Несмотря на это, она в первый же день достигла значительных успехов. 3-й гв. мк во взаимодействии со стрелковыми дивизиями овладел г. Сенно и передовыми частями перерезал железную дорогу Лепель–Орша. Продолжая преследование врага, войска 3-го Белорусского фронта правым крылом и центром к исходу 28 июня вышли к р. Березине, а передовые подразделения 3-го гв. кк с ходу форсировали ее и за-

хватили плацдарм на западном берегу [16, с. 362]. К началу наступления 3-й гв. мк имел в своем составе 110 танков «Шерман», 70 – «Валентайн» (IX и X¹) и 50 бронетранспортеров (бтр) [20, л. 1]. В ходе ожесточенных боев с 23 июня по 8 июля потери корпуса составили 21 танк «Шерман» и 13 – «Валентайн IX» [20, л. 33]. В 3-м гв. кк было 52 танка «Валентайн» и 10 Т-34 [21, л. 448].

5-я гв. танковая армия (ТА) составляла подвижную группу, т. е. основную ударную силу 3-го Белорусского фронта во время операции «Багратион». В связи с тем, что 11-я гв. армия (А) южной ударной группировки столкнулась с сильным сопротивлением немецких войск на Минской автострате, командованием было принято решение ввести в бой 5-ю гв. ТА на Богушевском направлении с задачей овладеть городами Толочиным и Борисовым, а затем и переправами через р. Березину [16, с. 361]. На 23 июня в составе армии помимо отечественных машин были и ленд-лизомские, в частности 63 танка «Шерман», 38 «Валентайн IX», 21 самоходное орудие М10 (1223-й самоходно-артиллерийский полк (сап)) и 8 СУ-57 [22, л. 6]. Их доля в 5-й гв. ТА составляла 21,8%.

В составе 1-го Белорусского фронта зарубежные танки были в 65-м отдельном танковом полку (отп) (28-я А): 11 танков «Шерман» и 10 – «Валентайн» [23, л. 57]. Кроме того, в 259-м отп (47-я А) было также 11 танков «Шерман» и 10 – «Валентайн». Но больше всего в составе 1-го Белорусского фронта ленд-лизомских машин было в 8-м гв. танковом корпусе. На 7 июля в нем насчитывалось 140 танков «Шерман» и 3 самоходных орудия СУ-57 [24, л. 165]. Таким образом, в 8-м гв. танковом корпусе (тк) доля зарубежных танков составляла 59%.

1-й Красноградский механизированный корпус (1-й Белорусский фронт) к началу своего наступления 25 июня имел на вооружении 131 танк «Шерман», 39 «Валентайн IX» и 37 бтр МЗА1

¹«Валентайн IX» – модификация с 57-миллиметровой пушкой и длиной ствола в 42 калибра, установленной в двухместной башне без спаренного пулемета [3, с. 8]. «Валентайн X» – модификация с 57-миллиметровой пушкой и длиной ствола в 50 калибров, спаренной с пулеметом, и двигателем GMC мощностью 165 л.с. [3, с. 8].

**БРОНЕТЕХНИКА ЛЕНД-ЛИЗА В БЕЛОРУССКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН»
(23.06–29.08.1944)**

**LEND-LEASE ARMoured VEHICLES IN THE BYELORUSSIAN OFFENSIVE OPERATION BAGRATION
(June 23 – August 29, 1944)**

Фронт	Воинская часть	Вид и количество зарубежной бронетехники
3-й Белорусский	29-й тк (5-я гв. ТА) [22, л. 6]	10 – М4А2, 21 – М10
	3-й гв. тк (5-я гв. ТА) [22, л. 6]	43 – М4А2, 38 – «Валентайн IX»
	1-й гв. отдельный мотоциклетный полк [22, л. 6]	10 – М4А2, 13 – БТР М3А1, 8 – СУ-57
	153-я танковая бригада (тбр) (5-я А) [25, л. 39]	30 – «Валентайн», 3 – М3-с, 14 – М3-л
	3-й гв. мк [20, л. 38; 22, л. 4]	110 – М4А2, 60 – «Валентайн IX», 10 – «Валентайн X»
	3-й гв. кк (104-й тп, 198-й тп, 207-й тп) [21, л. 504; 26, л. 198]	52 – «Валентайн»
	233-й отп [27, л. 21] (49-я А)	20 – «Валентайн»
2-й Белорусский	8-й гв. тк [24, л. 166]	140 – М4А2, 3 – СУ-57
1-й Белорусский	1-й мк [28, л. 61; 29, л. 65; 30, л. 10 об.; 31, л. 73]	131 – М4А2, 39 – «Валентайн»
	65-й отп (28-я А) [23, л. 27]	11 – М4А2, 10 – «Валентайн»
	259-й отп [32, л. 402] (47-я А)	4 – М4А2, 7 – «Валентайн»
	151-й отп [33, л. 226] (4-й гв. кк)	13 – М4А2, 11 – «Валентайн IX»
	5-й мотоциклетный полк (2-я ТА) [24, л. 163, 166]	10 – «Валентайн IX», 8 – СУ-57
	1239-й сап [34, л. 14] (2-я ТА)	21 – М10
	39-й гв. тбр [35, л. 224 об.] (43-я А)	8 – «Валентайн», 1 – «Валентайн IX», 5 – М3-с, 1 – М3-л
1-й Прибалтийский	41-я тбр [36, л. 108] (5-й тк, 4-я ударная армия)	19 – М3-с
Всего зарубежных танков и САУ		810 танков и 61 САУ

«Скаут» [28, л. 61; 29, л. 65; 30, л. 10 об.; 31, л. 73]. Еще 17 июня 1-й мк и 4-й гв. кк были объединены в КМГ под командованием генерал-лейтенанта И.А. Плиева. 25 июня начался ввод данной группы в бой. Ее задача – войти в прорыв, образуемый в результате перехода в наступление 65-й и 28-й армий, обойти г. Бобруйск и перерезать все дороги, идущие от него на запад [16, с. 373; 37, л. 50].

После форсирования р. Западный Буг, которое заняло несколько дней, части 1-го мк 28 июля 1944 года освободили г. Брест [3, с. 47; 16, с. 428]. К тому моменту корпус действовал в составе 2-й ТА. За месяц боев 1-й мк понес большие потери. К 1 августа в нем осталось 64 «Шермана», 25 «Валентайнов» IX и X, 38 бтр МЗА1 «Скаут» и 1 М2 [38, л. 2].

В составе 49-й А 2-го Белорусского фронта был 233-й отп, имевший 20 танков «Валентайн» [31, л. 21]. С 23 июня по 3 июля он поддерживал наступление 369-й и 199-й стрелковых дивизий и участвовал в освобождении г. Могилева. С 5 по 16 июля – в боях за освобождение г. Минска [39, л. 638 об.].

В составе 8-го гв. мк (2-я ТА) в ходе наступления на польский город Люблин 23–25 июля 1944 года насчитывалось 44 машин «Шерман» [12, с. 34]. 24 июля около 16.00 после мощной артподготовки танки пошли в атаку с включенными сиренами для создания морального эффекта. За ними следовали пехота, артиллерия и мотоциклисты. На следующий день к 13.00 город был полностью очищен от противника. Потери составили 15 танков Т-34 и 10 «Шерман» [40, л. 6–6 об.].

13 июля перед началом наступления в районе городов Полоцка и Двинска (Даугавпилс) 5-й тк генерал-майора М.Г. Сахно (2-й Прибалтийский фронт) был оперативно подчинен командующему 4-й ударной армией (1-й Прибалтийский фронт). В составе 5-го тк была 41-я тбр, имевшая 19 танков МЗ-с² [36, л. 108]. 27 июля части корпуса, оказывая

поддержку стрелковым дивизиям, с боями овладели Двинском, открыв дорогу на Ригу [36, л. 104–170]. Кроме того, в составе 1-го Прибалтийского фронта в указанный период зарубежные танки были в 39-й гв. тбр 43-й А (8 Мк.III «Валентайн», 1 Мк.III «Валентайн IX», 5 МЗ-с, 1 МЗ-л), которая с севера замыкала окружение витебской группировки немецких войск [35, л. 224 об.].

Как видно, в войсках 1-го Прибалтийского еще продолжалось использование некоторого количества танков МЗ-с и МЗ-л, оставшихся с прошлых периодов войны. В 1944 году они уже не поставлялись [41, л. 5].

3-й гв. танковый корпус (5-я гв. ТА, 1-й Прибалтийский фронт) на 15 августа 1944 года имел в своем составе 99 машин «Шерман» и 23 «Валентайн IX» [3, с. 47].

С июля 1944 года в войска стали поступать САУ М10 «Wolverine» (пер. с англ. – росомаха). Ими были оснащены два сап. 1223-й сап был сформирован в марте 1944 года. В составе 29-го танкового корпуса 5-й гв. ТА (3-й Белорусский фронт) полк также участвовал в освобождении Белоруссии, наступлении в Прибалтике и Восточной Пруссии [42, л. 2–7 об.]. 22 июня 1944 года к началу операции полк имел 21 САУ М10 [43]. 7 июля совместно с 31-й и 32-й тбр полк участвовал в наступлении на г. Вильнюс [42, л. 4–4 об.]. В ходе прорыва обороны противника в районе деревни Лейбишки-Малолуни САУ М10 использовались как танки, поскольку последних было вдвое меньше, чем самоходок. В результате этого на первой линии обороны солдаты противника подбили три САУ М10, забросав их гранатами [42, л. 7].

По состоянию на 15 июля 1239-й сап имел 20 САУ М10 и в составе 16-го корпуса 2-й ТА 1-го Белорусского фронта участвовал в освобождении Белоруссии и при наступлении в Польше в районе городов Люблина и Демблина. До 25 июля полк имел задачу действовать

²Советское обозначение американского танка МЗ «Генерал Ли», но кроме него в СССР по ленд-лизу поставлялся также танк МЗ «Генерал Стюарт». Чтобы их различать было введено обозначение МЗ-с и МЗ-л. Буква «с» – означает средний, а «л» – легкий.

совместно с танками 164-й тбр, а также нести зенитную оборону танковой колонны от авианалетов противника. В тот же день, 25 июля, в 6.00 при атаке самолетов Ю-88 на колонну один из них был сбит из зенитного пулемета браунинг, которыми были оснащены все М10. При этом она, продвигаясь в среднем на скорости 50 км/ч, не имела на многокилометровом марше ни одной поломки [34, л. 14]. В ходе боев за г. Демблин батарея орудий М10 действовала совместно с 15-й мотострелковой бригадой (мсбр), уничтожая огневые точки противника и поддерживая огнем наступающую пехоту. Враг был отброшен на западный берег р. Вислы. Батареей САУ М10 было уничтожено до 10 огневых точек и до роты пехоты противника, но сама она потерь не имела [34, л. 14].

С 29 июля по 1 августа полк наступал совместно с 15-й мсбр. В бою за д. Остров уничтожено два танка (средний и легкий) и до роты пехоты противника. Потери – одна САУ М10 [34, л. 15]. В боях с 1 по 5 августа под Варшавой полк имел 17 М10. За это время было подбито три танка и два бтр противника [3, с. 53].

13 августа полк форсировал р. Вислу, перешел к обороне на рубеже Кукавка–Марьямполь–Грабноволя и был оперативно подчинен 164-й тбр для действий из засад. САУ полка особенно отличились 21 августа в наступательном бою в районе д. Головачув. Как отметил командир полка гвардии майор Бударин, при совершении маневра совместно с танками САУ М10 наиболее полно реализовали высокую подвижность в сочетании с огневой мощностью, что дало хороший эффект при совместном ударе, т. к. темп наступления и огонь были соразмерны [34, л. 15]. В результате удалось овладеть северной окраиной д. Головачув, уничтожив при этом два танка «Пантера», одну САУ и до роты пехоты противника. Советские потери составили две САУ М10, 4 человека убитыми и 17 ранеными [34, л. 15–16].

По итогу операции гвардии майор Бударин заключил, что самоходные установки М10 яв-

ляются мощным оружием, которое может быть использовано для совместных действий как с танками, так и с пехотой. Благодаря наличию пулемета возможно ведение комбинированного пушечно-пулеметного огня по живой силе и технике врага. В числе технических недостатков САУ М10 были выделены: слабое сцепление, которое ломается при большой нагрузке; слишком большие габариты; нижние коллекторы радиаторов, не защищенные броней (разрыв снаряда под машиной или близко от нее выводит их из строя); открытая башня, из-за чего было зафиксировано 5 случаев получения членами экипажа ранений от осколков мин и снарядов [34, л. 16]. Проблемы со сцеплением как наиболее частую причину поломок М10 выделяет и командир 1223-го сап гвардии майор Кайдаш. В числе положительных качеств он назвал хорошую скорость движения и точность прицельных приборов [43, л. 7]. В декабре 1944 года 1239-й сап был преобразован в 387-й гв. сап. Полк продолжал боевые действия в Прибалтике и Восточной Пруссии, постепенно переходя на советские самоходные орудия СУ-76. На 10 января 1945 года в полку было 15 САУ М10 и 6 СУ-76 [44, л. 11]. К апрелю 1945 года 387-й гв. сап, также как 1223-й сап, полностью перевооружили СУ-76 [44, л. 118].

По оценке специалистов танкового отдела Инженерного управления Наркомата внешней торговли, ответственных за поставки ленд-лизированной техники, самоходная установка М10 обладала хорошими ходовыми качествами. Имела удобное размещение вооружения и экипажа и обеспечивала эффективное ведение огня при движении и коротких остановках. Конфигурация корпуса – удовлетворительная. По проходимости и эксплуатационным качествам аналогична танку М4А2 «Шерман» [45, л. 85]. За весь период войны в СССР было поставлено 52 таких самоходных орудия [41, л. 6].

По поводу танка М4А2 «Шерман» отмечено, что конфигурация корпуса и башни по сравнению с танком М3-с гораздо более современная. Вооружение обеспечивает высокую скорострельность и маневренность огня. Танк надежен в

эксплуатации, требует минимального времени на обслуживание и обладает удовлетворительными ходовыми качествами [45, л. 84].

Таким образом, к началу Белорусской наступательной операции («Багратион») в составе всех задействованных в ней фронтов было 2715 танков и 1355 САУ [18, с. 382]. Ленд-лизовская техника в этом числе составляла 810 танков и не менее 61 САУ (см. *таблицу*), или 29,8 и 4,5 % соответственно. Большая часть из них – американские танки М4А2 «Шерман» и британские танки Mk.III «Валентайн». Долю бронетранспортеров и бронемашин подсчитать, к сожалению, не представляется возможным, поскольку их количество редко указывалось в документах. Однако если учесть, что в состав танковых корпусов с октября 1943 года были введены мотоциклетные батальоны, имевшие по одной роте бронетранспортеров, то, исходя из штатного количества техники, можно сделать вывод, что она составляла не менее 100 единиц [46, с. 66, 69–70]. Известно, что только в 3-м гв. мк к началу наступления было 50 бтр МЗА1 «Скаут» [20, л. 1], а в 1-м мк их было 37 [28, л. 61; 29, л. 65; 30, л. 10 об.; 31, л. 73].

Интересно, что именно механизированные и кавалерийские корпуса, имевшие в большом количестве зарубежную бронетехнику, в начальный период операции объединялись в КМГ, задачей которых был прорыв линий обороны и дальнейшее развитие наступления. Наибольшее количество зарубежных танков и САУ именно в составе ударных подразделений (КМГ) наводит на мысль об определенном расчете со стороны советского командования, имеется в виду, что согласно 5-й статье советско-американского соглашения от 11.06.1942

потерянную в боях технику возвращать не требовалось [47, с. 200–201].

Если учесть, что суммарные потери советских войск в танках и САУ в ходе белорусской наступательной операции составили 2957 единиц [48, с. 486], то получается, что ленд-лизовская бронетехника восполнила не менее 29,4 % суммарных потерь этих видов техники, что является значительной их долей.

Таким образом, в ходе колоссальной по своему размаху наступательной операции «Багратион» ленд-лизовская бронетехника сыграла значительную роль. Наибольшее количество зарубежных танков было в 1-м (100 %) и 3-м гв. мк (91 %), в 3-м гв. кк (82,5 %), в 8-м гв. тк (59 %) и 5-й гв. ТА (21,9 %), наступавших на основном направлении. В меньших количествах они имелись также в линейных подразделениях всех фронтов, участвовавших в операции (1-, 2-, 3-й Белорусский и 1-й Прибалтийский фронты). В общей сумме зарубежные танки составляли примерно 1/3 от всех советских танков в белорусской наступательной операции. Однако роль зарубежной бронетехники не ограничивается только количественным фактором. Эта техника хорошо зарекомендовала себя как с точки зрения надежности, так и боевых качеств, в частности маневренности, броневой защиты и огневой мощи, о чем свидетельствуют отчеты советских специалистов. Дальнейшая разработка вопросов о роли ленд-лизовской бронетехники в крупных операциях Великой Отечественной войны является актуальной и важной. Но выявление и описание боевых действий каждого подразделения, имевшего ленд-лизовские боевые машины, требует отдельного исследования.

Список литературы

1. Коломиец М.В., Мощанский И.Б. Танки «Валентайн» в частях Красной Армии // М-Хобби. 1999. № 6. С. 30–37.
2. Коломиец М., Мощанский И. «Матильда» в Красной Армии // ТанкоМастер. 1999. № 6. С. 30–41.
3. Коломиец М.В., Мощанский И.Б. Танки ленд-лиза. 1941–1945. М.: Экспринт, 2000. 72 с.
4. Мощанский И.Б. М4А2 «Шерман» в СССР // ТанкоМастер. 2004. № 4. С. 12–25.

5. *Мощанский И.Б.* Universal Carrier на Восточном фронте // ТанкоМастер. 2004. № 4. С. 26–45.
6. *Барятинский М.Б.* Танки ленд-лиза в бою. М.: Яуза, 2009. 288 с.
7. *Свирин М.* «Тетрарх» // ТанкоМастер. 1999. № 4. С. 26–41.
8. *Таланов В.* Бронетехника ленд-лиза // Бронекolleкция. 2009. № 3. 32 с.
9. *Учаев А.Н.* К вопросу о применении пехотных танков «Валентайн» в СССР в годы Великой Отечественной войны // Докл. Акад. воен. наук. 2005. № 3. С. 116–121.
10. *Учаев А.Н.* Специфика эксплуатации канадских моделей танка «Валентайн» в РККА во время Великой Отечественной войны // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2016. № 3(65), ч. 2. С. 180–181.
11. *Учаев А.Н.* Ключевые тенденции и особенности развития военно-промышленного комплекса Канады в годы Второй мировой войны // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Сер.: Гуманит. и обществ. науки. 2017. № 3. С. 54–65.
12. *Zaloga S.J.* Soviet Lend-Lease Tanks of World War II. Oxford: Osprey Publishing, 2017. 48 p.
13. *Самсонов П.* «Шерманы» в «Августовской грозе». URL: <https://warspot.ru/17802-shermany-v-avgustovskoy-groze> (дата обращения: 02.09.2022).
14. *Самсонов П.* «Шерман» для русских и англичан. URL: <https://warspot.ru/15856-sherman-dlya-russkih-i-anglichan> (дата обращения: 02.09.2022).
15. *Samsonov P.* Sherman Tanks of the Red Army. The American Vehicles in Soviet Service. Horncastle: Gallantry Books, 2021. 123 p.
16. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 4. Освобождение территории СССР. 1944 год. М.: Кучково поле, 2012. 864 с.
17. Великая Отечественная. Т. 5-4. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. М.: ТЕРРА, 1999. 368 с.
18. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах: в 2 т. Т. 2. М.: Объед. ред. МВД России, 2010. 784 с. [в 2 т.]
19. Центр. арх. М-ва обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 3468. Оп. 1. Д. 43.
20. ЦАМО РФ. Ф. 3428. Оп. 1. Д. 83.
21. ЦАМО РФ. Ф. 3468. Оп. 1. Д. 104а.
22. ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 189.
23. ЦАМО РФ. Ф. 442. Оп. 8465. Д. 116.
24. ЦАМО РФ. Ф. 307. Оп. 4148. Д. 1.
25. ЦАМО РФ. Ф. 460. Оп. 5047. Д. 544.
26. ЦАМО РФ. Ф. 3563. Оп. 1. Д. 142.
27. ЦАМО РФ. Ф. 404. Оп. 1. Д. 329.
28. ЦАМО РФ. Ф. 3272. Оп. 1. Д. 12.
29. ЦАМО РФ. Ф. 3347. Оп. 1. Д. 1.
30. ЦАМО РФ. Ф. 3334. Оп. 1. Д. 5.
31. ЦАМО РФ. Ф. 3345. Оп. 1. Д. 4.
32. ЦАМО РФ. Ф. 402. Оп. 9575. Д. 483.
33. ЦАМО РФ. Ф. 3470. Оп. 1. Д. 9.
34. ЦАМО РФ. Ф. 4325. Оп. 206429с. Д. 2.
35. ЦАМО РФ. Ф. 398. Оп. 9308. Д. 812.
36. ЦАМО РФ. Ф. 325. Оп. 4570. Д. 313.
37. ЦАМО РФ. Ф. 3470. Оп. 1. Д. 284.
38. ЦАМО РФ. Ф. 3423. Оп. 1. Д. 81.
39. ЦАМО РФ. Ф. 237. Оп. 2410. Д. 45.
40. ЦАМО РФ. Ф. 3407. Оп. 1. Д. 130.
41. Рос. гос. арх. экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп. 9. Д. 542.
42. ЦАМО РФ. Ф. 4412. Оп. 88450с. Д. 2.
43. ЦАМО РФ. Ф. 4412. Оп. 88450с. Д. 5.

44. ЦАМО РФ. Ф. 4325. Оп. 191021с. Д. 2.
45. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547.
46. Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны / под ред. О.А. Лосика. М.: Воениздат, 1979. 414 с.
47. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: в 2 т. Т. 1. 1941–1943. М.: Политиздат, 1984. 510 с.
48. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 608 с.

References

1. Kolomiets M.V., Moshchanskiy I.B. Tanki “Valentayn” v chastyakh Krasnoy Armii [Valentine Tanks in the Red Army Units]. *M-Khobbi*, 1999, no. 6, pp. 30–37.
2. Kolomiets M., Moshchanskiy I. “Matil’da” v Krasnoy Armii [The Matilda in the Red Army]. *TankoMaster*, 1999, no. 6, pp. 30–41.
3. Kolomiets M.V., Moshchanskiy I.B. *Tanki lend-liza. 1941–1945* [Lend-Lease Tanks. 1941–1945]. Moscow, 2000. 72 p.
4. Moshchanskiy I.B. M4A2 “Sherman” v SSSR [M4A2 Sherman in the USSR]. *TankoMaster*, 2004, no. 4, pp. 12–25.
5. Moshchanskiy I.B. Universal Carrier na Vostochnom fronte [Universal Carrier on the Eastern Front]. *TankoMaster*, 2004, no. 4, pp. 26–45.
6. Baryatinskiy M.B. *Tanki lend-liza v boyu* [Lend-Lease Tanks in Combat Operations]. Moscow, 2009. 288 p.
7. Svirin M. “Tetrarkh” [The Tetrarch]. *TankoMaster*, 1999, no. 4, pp. 26–41.
8. Talanov V. Bronetehnika lend-liza [Lend-Lease Armoured Vehicles]. *Bronekolleksiya*, 2009, no. 3. 32 p.
9. Uchaev A.N. K voprosu o primenenii pekhotnykh tankov “Valentayn” v SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [On the Use of Valentine Infantry Tanks in the USSR During the Great Patriotic War]. *Doklady Akademii voennykh nauk*, 2005, no. 3, pp. 116–121.
10. Uchaev A.N. Spetsifika ekspluatatsii kanadskikh modeley tanka “Valentayn” v RKKA vo vremya Velikoy Otechestvennoy voyny [Specifics of Exploiting the “Valentine” Tank Canadian Models in the Workers’ and Peasants’ Red Army During the Great Patriotic War]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul’urologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, no. 3, pt. 2, pp. 180–181.
11. Uchaev A.N. Klyuchevye tendentsii i osobennosti razvitiya voenno-promyshlennogo kompleksa Kanady v gody Vtoroy mirovoy voyny [Key Trends and Features of the Canadian Military-Industrial Complex During the Second World War]. *Vestnik Baltiyskogo federal’nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2017, no. 3, pp. 54–65.
12. Zaloga S.J. *Soviet Lend-Lease Tanks of World War II*. Oxford, 2017. 48 p.
13. Samsonov P. “Shermany” v “Avgustovskoy groze” [Shermans in the August Storm]. Available at: <https://warspot.ru/17802-shermany-v-avgustovskoy-groze> (accessed: 2 September 2022).
14. Samsonov P. “Sherman” dlya russkikh i anglichan [Sherman for Russians and the British]. Available at: <https://warspot.ru/15856-sherman-dlya-russkih-i-anglichan> (accessed: 2 September 2022).
15. Samsonov P. *Sherman Tanks of the Red Army. The American Vehicles in Soviet Service*. Horncastle, 2021. 123 p.
16. *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 godov. T. 4. Osvobozhdenie territorii SSSR. 1944 god* [The Great Patriotic War of 1941–1945. Vol. 4. Liberation of the USSR. Year 1944]. Moscow, 2012. 864 p.
17. *Velikaya Otechestvennaya. T. 5-4. Stavka V GK. Dokumenty i materialy. 1944–1945* [The Great Patriotic War. Vol. 5-4. Headquarters of the Supreme High Command. Documents and Materials. 1944–1945]. Moscow, 1999. 368 p.
18. *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 gg. Kampanii i strategicheskie operatsii v tsifrakh* [The Great Patriotic War of 1941–1945. Campaigns and Strategic Operations in Figures]. Vol. 2. Moscow, 2010. 784 p.
19. *Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation (CAMDRF)*. Coll. 3468. Inv. 1. Fol. 43 (in Russ).

20. *CAMDRF*. Coll. 3428. Inv. 1. Fol. 83 (in Russ).
21. *CAMDRF*. Coll. 3468. Inv. 1. Fol. 104a (in Russ).
22. *CAMDRF*. Coll. 332. Inv. 4948. Fol. 189 (in Russ).
23. *CAMDRF*. Coll. 442. Inv. 8465. Fol. 116 (in Russ).
24. *CAMDRF*. Coll. 307. Inv. 4148. Fol. 1 (in Russ).
25. *CAMDRF*. Coll. 460. Inv. 5047. Fol. 544 (in Russ).
26. *CAMDRF*. Coll. 3563. Inv. 1. Fol. 142 (in Russ).
27. *CAMDRF*. Coll. 404. Inv. 1. Fol. 329 (in Russ).
28. *CAMDRF*. Coll. 3272. Inv. 1. Fol. 12 (in Russ).
29. *CAMDRF*. Coll. 3347. Inv. 1. Fol. 1 (in Russ).
30. *CAMDRF*. Coll. 3334. Inv. 1. Fol. 5 (in Russ).
31. *CAMDRF*. Coll. 3345. Inv. 1. Fol. 4 (in Russ).
32. *CAMDRF*. Coll. 402. Inv. 9575. Fol. 483 (in Russ).
33. *CAMDRF*. Coll. 3470. Inv. 1. Fol. 9 (in Russ).
34. *CAMDRF*. Coll. 4325. Inv. 206429s. Fol. 2 (in Russ).
35. *CAMDRF*. Coll. 398. Inv. 9308. Fol. 812 (in Russ).
36. *CAMDRF*. Coll. 325. Inv. 4570. Fol. 313 (in Russ).
37. *CAMDRF*. Coll. 3470. Inv. 1. Fol. 284 (in Russ).
38. *CAMDRF*. Coll. 3423. Inv. 1. Fol. 81 (in Russ).
39. *CAMDRF*. Coll. 237. Inv. 2410. Fol. 45 (in Russ).
40. *CAMDRF*. Coll. 3407. Inv. 1. Fol. 130 (in Russ).
41. *Russian State Archives of Economics (RSAE)*. Coll. 413. Inv. 9. Fol. 542 (in Russ).
42. *CAMDRF*. Coll. 4412. Inv. 88450s. Fol. 2 (in Russ).
43. *CAMDRF*. Coll. 4412. Inv. 88450s. Fol. 5 (in Russ).
44. *CAMDRF*. Coll. 4325. Inv. 191021s. Fol. 2 (in Russ).
45. *RSAE*. Coll. 413. Inv. 9. Fol. 547 (in Russ).
46. Losik O.A. (ed.). *Stroitel'stvo i boevoe primenenie sovetskikh tankovykh voysk v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Construction and Combat Use of Soviet Tank Troops During the Great Patriotic War]. Moscow, 1979. 414 p.
47. *Sovetsko-amerikanskije otnosheniya vo vremya Velikoy Otechestvennoy voyny, 1941–1945: Dokumenty i materialy* [Soviet-American Relations During the Great Patriotic War, 1941–1945: Documents and Materials]. Vol. 1. 1941–1943. Moscow, 1984. 510 p.
48. Krivosheev G.F. (ed.). *Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Poteri vooruzhennykh sil: statisticheskoe issledovanie* [Russia and the USSR in 20th-Century Wars. Military Casualties: A Statistical Study]. Moscow, 2001. 608 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V242

Aleksandr V. Khatanzevskiy

Russian Arctic National Park;

nab. Severnoy Dviny 36, Arkhangelsk, 163069, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7823-9578> e-mail: hav@rus-arc.ru

LEND-LEASE ARMOURED VEHICLES IN OPERATION BAGRATION (June 23 – August 29, 1944)

This article dwells on the role of armoured vehicles obtained under the Lend-Lease agreement in the Byelorussian offensive operation (Bagration) in the summer of 1944. The author examines the use of foreign armoured vehicles in combat operations as part of tank, mechanized, and cavalry

units of the Red Army and evaluates their quantity and quality. The Lend-Lease armoured vehicles participated in combat operations on all four fronts involved in Operation Bagration. Primarily, these were British Valentine Mk III and American M4A2 Sherman tanks. However, a significant contribution was also made by the SU-57 and M10 self-propelled artillery, as well as by the M3A1 Scout Car. In addition, the troops continued to use a certain number of M3 Medium and M3 Light tanks left over from the previous periods of the war. In 1944, they were no longer supplied. Foreign vehicles showed a good performance both in terms of reliability and combat qualities, in particular manoeuvrability, armour protection and firepower. Importantly, it was in the units advancing in the main direction that the number of Lend-Lease tanks was the largest (in the 1st Mechanized (100 %) and 3rd Guards Mechanized (91 %), in the 3rd Guards Cavalry (82.5 %) and in the 8th Guards Tank (59 %) Corps). In smaller numbers, foreign tanks were also available in the line units of all fronts involved in the operation (1st, 2nd and 3rd Byelorussian and 1st Baltic Fronts). In total, foreign tanks accounted for about 1/3 of the entire Soviet tank fleet in the Byelorussian offensive operation.

Keywords: *Great Patriotic War, Lend-Lease, armoured vehicles, Operation Bagration, year 1944.*

Поступила 28.11.2022
Принята 07.02.2023
Опубликована 13.02.2023

Received 28 November 2022
Accepted 7 February 2023
Published 13 February 2023

For citation: Khatanzevskiy A.V. Lend-Lease Armoured Vehicles in Operation Bagration (June 23 – August 29, 1944). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 43–53. DOI: 10.37482/2687-1505-V242

*БРАЖНИКОВА Ирина Евгеньевна, соискатель кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов. Автор 3 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8698-0289>

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЕ ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В МЕКСИКАНСКОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Данная работа посвящена исследованию языковой репрезентации идентичности в мексиканском лингвокультурном пространстве. Целью статьи является выведение проявлений национальной идентичности мексиканцев в языке и лингвокультуре. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения национальной идентичности мексиканцев как представителей крупнейшей испаноязычной страны. Не менее важен в эпоху глобализации анализ репрезентации идентичности, процесс формирования которой служит рычагом управления сознанием современного общества, ключевым элементом политики государства, способствующим его стабильному росту и развитию. В статье отмечается, что мексиканский национальный вариант испанского языка имеет общеиспанские, панамериканские, зональные и национально-специфические черты. Он обнаруживает тенденцию к своеобразию, маркерами которого выступают особенности фонетической, грамматической, лексико-семантической систем. Идентичность мексиканцев наиболее ярко проявляется в лексике и фразеологии. Одна из главных особенностей лексики мексиканского национального варианта испанского языка – архаизмы. Многочисленные заимствования из языков американских индейцев, или индихенизмы, свидетельствуют о значимости индейского компонента в языковой картине мира мексиканцев и выступают маркерами национальной идентичности. Она проявляется и в прецедентных именах, создающих отсылку к образам индейских культур древних цивилизаций, а также в именах популярных в пространстве мексиканской культуры персонажей. Один из компонентов репрезентации идентичности мексиканцев в языке – паремии. В статье делается вывод, что архаизмы, индихенизмы, антропонимы, прецедентные имена, пословицы мексиканского национального варианта испанского языка представляют собой языковые единицы, «впитавшие» историю мексиканского народа и отражающие специфику языковой картины мира мексиканцев.

Ключевые слова: *национальная идентичность мексиканцев, мексиканский национальный вариант испанского языка, прецедентные феномены, языковая картина мира, национально-культурная специфика.*

*Адрес: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: irinabrazhnikova1298@gmail.com

Для цитирования: Бражникова И.Е. Национальная идентичность и ее языковая репрезентация в мексиканском лингвокультурном пространстве // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 1. С. 54–61. DOI: 10.37482/2687-1505-V239

Глобализация, развитие информационных технологий, изменения видов и способов коммуникации и другие ключевые тенденции трансформации современного общества, обуславливающие более тесное взаимодействие государств, мотивируют исследователей различных научных областей обращаться к проблемам репрезентации национального самосознания, специфики менталитета и картины мира представителей этнических общностей.

Именно в эпоху глобализации отмечается увеличение активности культурных меньшинств по сохранению собственной идентичности и уникальности культурно-исторического наследия [1–3]. Усиление региональных отличий на фоне глобализации привело к появлению понятия «глокализация», обозначающего процесс экономического, социального и культурного развития, характеризующийся сочетанием разнонаправленных тенденций [4].

Важным условием существования и развития нации выступает этническое самосознание, основным механизмом формирования которого служат процессы национальной идентификации – отождествления личности с национальной общностью [5, с. 45–48].

Под идентичностью понимается психологическое соотнесение индивида с этносом, с которым он разделяет морально-нравственные установки и ценности [6].

Принимая во внимание сложившуюся в современном мире геополитическую обстановку, характеризующуюся эскалацией дезинтеграционных процессов, вызванных противоборством идеологий и военно-политических интересов государств, актуальным представляется изучение национальной идентичности мексиканцев как представителей крупнейшей испаноязычной страны.

Процесс формирования идентичности выступает рычагом управления сознанием современного общества, поэтому ее сохранение и поддержание, а также выявление и устранение факторов, влияющих на ее ослабление, становятся ключевым элементом политики государства, способствующим его стабильному росту и развитию [7, с. 8–9].

Проблемы идентичности привлекают внимание ученых различных сфер гуманитарного знания. Исследования ее структуры и аспектов проводятся в психологии, теории психоанализа, социальной психологии, социологии и философии [8–11]. В отечественной науке преобладают два подхода к изучению вопросов идентичности. С одной стороны, она анализируется через призму гражданской принадлежности. С другой – анализ идентичности проводится посредством изучения этнической идентичности [12].

Как и другие аспекты человеческого бытия – история, культура, ментальность, специфика социальных, профессиональных, возрастных, религиозных групп, к которым принадлежит индивид, национальная идентичность находит свое выражение в единицах языка. Целью данной статьи ставится выявление языковой репрезентации национальной идентичности мексиканцев.

Связанная с кризисом европоцентризма культурная трансформация, произошедшая в Латинской Америке в XX веке, привела к появлению философских учений, в фокусе внимания которых находились проблемы исследования идентичности. Развитие философских учений было сопряжено с изменениями, происходившими в общественной жизни того времени, и направлено на исследование характерных черт социума, отличительных особенностей сознания его представителей, обусловленных отделением от американской культуры и отказом от европейских ценностей.

Американская история во многом отразилась на мировоззрении и мироощущении мексиканцев: например, через демонстрацию индивидуалистических жизненных установок, проявление агрессивного поведения, отношение к женщинам и смерти. Центральное место в их национальном мировоззрении, по мнению Октавио Паса, поэта, исследователя цивилизаций Запада и Востока, занимают «открытая» и «закрытая» позиции, которые в совокупности коррелируют между собой и создают неповторимую коллаборацию, свойственную для культуры и мироощущения мексиканцев [13].

Сформированная выдающимся мексиканским философом Леопольдо Сеа концепция «философии освобождения» предполагала главенствующую роль философии истории, разрабатывающей специфический латиноамериканский опыт [14].

Полинациональный испанский язык объединяет национальные языки как формы национальной речи, не обнаруживающие резких расхождений в структуре, но приобретающие автономию, поддерживаемую и осознаваемую в границах этнической общности [15, с. 100].

Адекватная интерпретация территориального варьирования подразумевает учет как внутривидовых, так и ментально-языковых и культурно-мировоззренческих параметров [16, с. 7]. Важную роль в выявлении специфики национальных вариантов испанского языка и интерпретации динамики развития свойств их лексико-семантической системы играет реконструкция языковой картины мира носителей национальных вариантов языка [16, с. 8].

Языковая картина мира представителей этноса – это своего рода «база данных», без которой невозможно постижение особенностей национального мировидения; она походит, по О.И. Корнилову, на попытку «прочитать слова и предложения на незнакомом языке, не усужившись заблаговременно выучить алфавит этого языка» [17, с. 80].

Именно единицы языка выступают ключевыми элементами, определяющими культуру народа и формирующими его национальную идентичность [18, с. 14].

Мексиканский вариант испанского языка представляет собой уникальное языковое образование, которому свойственно соответствие функциям национального языка: ранг официального, наличие литературной нормы, статус родного для большинства жителей, выполнение полного объема общественных функций и лингвокультурологическая специфика.

Современный мексиканский национальный вариант испанского языка имеет общеиспанские, панамериканские, зональные и национально-специфичные черты [19, с. 16].

К его особенностям относится, например, персонализация безличного глагола *haber*. Следует отметить, что Академия мексиканского языка считает неправильным использование *hubieron* (вместо *hubo*) *muchas fiestas* или *habemos* (вместо *tuvimos*) *muchos inconformes*. Это связано с тем, что многие носители испанского языка в Америке и Испании обычно устанавливают соответствие между глаголом *haber* и существительным, которое следует за ним, поскольку ошибочно интерпретируют его как субъект [20]. Данное явление распространяется также на глаголы, служащие вспомогательными для *haber*: *van* (вместо *va*) *a haber muchas protestas*; *debían* (вместо *debía*) *haber más de cien personas*.

Также подчеркнем особенности фонетики мексиканского национального варианта испанского языка, отличающие его от пиренейского. Здесь можно выделить следующие особенности:

1) дифтонгизация сочетаний гласных: [ea], [eo], [oa], [oe]: *tjatro* – *teatro*, *pjor* – *peor*, *twaya* – *toalla*, *pweta* – *poeta*;

2) вибрация, происходящая в процессе произношения звука [y], например *zendo* – *yendo*.

Одной из главных особенностей лексики испанского языка Мексики выступает значительное количество архаизмов. Примером использования архаизмов выступают слова *teopacle* ‘ритуальная мазь’, *yacatas* ‘построение в форме пирамиды’, *bravo* ‘храбрый, доблестный; сердитый, рассерженный’. Присущие мексиканцам консервативность и приверженность идеям сохранения культурного наследия находят проявление в тенденции к употреблению устаревших слов [21, с. 24].

Мексика – колыбель древнейших цивилизаций ацтеков, ольмеков, майя, а современные мексиканцы – носители синтетической культуры, включающей в себя культурное наследие индейских народов Мексики и традиционных форм испанской культуры.

Существенное влияние на лексико-фразеологический состав как мексиканского национального варианта, так и на испанский язык в целом оказал язык ацтеков – науатль. К примерам науатлизмов относятся: *coyote* ‘койот’,

chicle ‘жевательная резинка’, *tequila* ‘текила’, *achichinle* ‘льстец’, *aguacate* ‘авокадо’, *chamaco* ‘ребенок’, *mapache* ‘барсук’.

Многочисленные заимствования из языков американских индейцев, или индихенизмы, свидетельствуют о значимости индейского компонента в языковой картине мира мексиканцев и выступают маркерами национальной идентичности. Индихенизмы в мексиканском национальном варианте испанского языка именуют: предметы повседневного быта (*popote* ‘соломинка для питья’, *tepalcate* ‘посуда, посуда; осколок (глиняной посуды)’); объекты флоры и фауны (*tutupana* ‘пастушок (птица)’; *tule* ‘камыш (разновидность)’); овощи и фрукты (*tomate* ‘зеленый помидор’); блюда и напитки национальной кухни (*totopo* ‘тотопо – лепешка из кукурузной муки’, *mole* ‘моле – соус’, *tamal* ‘тамаль – пирог из кукурузной муки с мясом и специями’, *mezcal* ‘мескаль – водка из агавы’); понятия из сферы строительства, сельского хозяйства, народной медицины (*tecali* ‘негашеная известь’, *chahuistle* ‘чаунстле – заболевание зерновых культур’); исторические реалии (*ayate* ‘айате – ткань из агавы’, *huipil* ‘уипил – женская рубашка у индианок’, *tuncul* ‘тункуль – маленький индейский барабан’) и т. д.

Индихенизмы имеют важное значение в процессе категоризации жителями Мексики реального мира и чувственно-эмоциональной сферы. В мексиканском варианте испанского языка они представляют собой проекцию идеи сопричастности к индейскому прошлому в национальной культуре на лексико-фразеологический состав языка [19, с. 56-75].

Наследие индейского племени ацтеков обнаруживается и в мексиканской антропонимике. Так, популярными в мексиканской культуре являются имена индейского происхождения, принадлежавшие императорам-ацтекам: *Tizoc* *Moctezuma*, *Nezahualcoyotl* и др.

Ярким показателем национальной идентичности в мексиканском варианте испанского языка выступают прецедентные имена. В лингвистике хорошо известные практически всем членам лингвокультурного сообщества имена,

наряду с текстами, высказываниями и ситуациями, называются прецедентными феноменами. Последние, как совокупность знаний, которой обладают представители этноса, формируют когнитивную базу этнической общности [22, с. 83].

Человек существует в национально-культурном пространстве, важным элементом которого являются имена известных персонажей. Языковые единицы, содержащие в семантике образы выдающихся личностей, выступают средствами концептуализации, представления, категоризации и оценки явлений окружающей действительности [23, с. 5].

К характеристикам прецедентных феноменов относятся их сверхличностный характер (известность практически всем представителям этноса), актуальность в когнитивном и эмоциональном плане, а также апелляция к ним в речи носителями языка [24, с. 170]. Так, прецедентным в пространстве мексиканской культуры является название древнего города в 50 км от Мехико – *Teotihuacán* ‘Теотиуакан’, объявленного ЮНЕСКО культурным объектом Всемирного наследия. В переводе с ацтекского *Teōtīhuacān* – ‘место, где родились боги’, или ‘город богов’. С этим местом и одними из его главных построек – пирамидами Солнца и Луны – в мексиканской культуре связано большое количество легенд, что делает его в сознании представителей этноса метафорическим аналогом загадки, мистики, таинства.

Национальная идентичность мексиканцев проявляется не только в прецедентных именах, создающих отсылку к образам индейских культур древних цивилизаций, но и в апелляциях к популярным в пространстве мексиканской культуры персонажам. Широкая известность комического актера Марио Фортино Альфонсо Морено Рейес, выступавшего под псевдонимом Кантинфлас, не только в Мексике, но и в Голливуде, сделала имя *Cantinflas* прецедентным в пространстве мексиканской культуры. В приобретенном именем прецедентном характере заключено стремление к национальной идентификации: актер получил популярность благодаря ролям бедных крестьян

или представителей низких социальных слоев – пеладо. Роли Кантинфласа ассоциировались с национальной самобытностью Мексики, что позволило ему добиться успеха за рубежом и получить прозвище «мексиканский Чарли Чаплин».

Важным компонентом в репрезентации идентичности мексиканцев в языке выступают паремии. Именно им удалось сохранить исконную специфику языка и культуры, сберечь мультикультурализм мексиканской нации, уменьшив роль популярной в научных кругах США и Канады идеи «плавильного котла» – слияния всех культур в одну [25, с. 220]. Приведем пример паремии: *chilaquiles aquí y enchiladas allá?* (досл. «кукурузная лепешка в соусе здесь и кукурузная лепешка с начинкой там?»).

Компонентами пословицы выступают блюда национальной кухни, схожие по своему составу. В основе образности паремии лежат представления об аналогичных условиях жизни до и после смерти, отражающие уникальное для

мексиканцев индифферентное отношение к ней. Унаследовавшие традиции от индейских культур мексиканцы склонны проявлять ироничное отношение к смерти, не бояться ее, а бросать ей вызов, воспринимать ее как часть жизни.

Таким образом, мексиканский вариант полинационального испанского языка обнаруживает тенденцию к идентичности, маркерами которой являются особенности фонетической, грамматической и лексико-семантической систем. Идентичность мексиканцев наиболее ярко проявляется в лексике и фразеологии. Архаизмы, индихенизмы, антропонимы, прецедентные имена, пословицы представляют собой языковые единицы, «впитавшие» историю мексиканского народа и отражающие специфику языковой картины мира его представителей.

Исследование идентичности в лингвистическом аспекте открывает новые возможности для изучения национально-культурной самобытности народов в эпоху глобализации.

Список литературы

1. Этнологический мониторинг переписи населения / под ред. В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН. 2011. 552 с.
2. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // *Вопр. философии*. 1998. № 2. С. 43–53.
3. Филиппова Е.И. Территории коллективной идентичности в современном французском дискурсе: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. 478 с.
4. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // *Global Modernities* / ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London: Thousand Oaks, 1995. P. 25–44.
5. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
6. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика / сост. Т.В. Жеребило. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/terms-of-linguistics/fc/slovar-200.htm#zag-231> (дата обращения: 21.10.2022).
7. Борисова И.З. Динамика региональной идентичности в условиях поликультурного государства: на примере якутов (Россия) и бретонцев (Франция): дис. ... д-ра культурологии. М., 2022. 953 с.
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Моск. филос. фонд: Academia-Центр: МЕДИУМ», 1995. 322 с.
9. Тернер Дж., Хэслем С., Оукс П., Дэвид В. Социальная идентичность, самокатегоризация и группа // *Иностр. психология*. 1994. № 2(4). С. 8–17.
10. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
11. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
12. Сикевич З.В. Социологическое исследование: практическое руководство. М.: Питер, 2005. 319 с.
13. Глаголюк А.В. «Мексиканские маски»: введение в «лабиринт одиночества» О. Паса // *Литература двух Америк*. 2018. № 4. С. 114–147. DOI: [10.22455/2541-7894-2018-4-114-147](https://doi.org/10.22455/2541-7894-2018-4-114-147)
14. Сеа Л. Философия американской истории. Судьбы Латинской Америки. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001105/st000.shtml> (дата обращения: 21.10.2022).

15. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976. 224 с.
16. Чеснокова О.С. Отражение языковой картины мира в развитии лексической системы мексиканского национального варианта испанского языка: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 358 с.
17. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
18. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: ЯСК, 2001. 288 с.
19. Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: языковая картина мира. Изд. 2-е, испр. М.: URSS, 2020. 240 с.
20. Academia Mexicana de la Lengua. URL: <https://www.academia.org.mx/consultas/consultas-frecuentes/item/hubo-o-hubieron> (дата обращения: 26.12.2022).
21. Карпина Е.В. К вопросу о вариативности испанского языка на территории мексиканского полуострова Юкатан // Томск. журн. лингв. и антропол. исслед. 2016. Вып. 1(11). С. 19–28.
22. Гудков Д.Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента) // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1998. Вып. 4. С. 82–93.
23. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: моногр. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007. 207 с.
24. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
25. Гусева И.В. Особенности фразеологии мексиканского национального варианта испанского языка // Вестн. МГИМО ун-та. 2012. № 4(25). С. 219–224.

References

1. Stepanov V.V. (ed.). *Etnologicheskiy monitoring perepisi naseleniya* [Ethnological Monitoring of the Population Census]. Moscow, 2011. 552 p.
2. Malakhov B.C. Neudobstva s identichnost'yu [Inconvenience with Identity]. *Voprosy filosofii*, 1998, no. 2, pp. 43–53.
3. Filippova E.I. *Territorii kollektivnoy identichnosti v sovremennom frantsuzskom diskurse* [Areas of Collective Identity in Modern French Discourse: Diss.]. Moscow, 2010. 478 p.
4. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity. Featherstone M., Lash S., Robertson R. (eds.). *Global Modernities*. London, 1995, pp. 25–44.
5. Bromley Yu.V. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the Theory of Ethnicity]. Moscow, 1983. 412 p.
6. Zherebilo T.V. (comp.). *Linguistic Terms and Concepts: General Linguistics. Sociolinguistics*. Available at: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/terms-of-linguistics/fc/slovar-200.htm#zag-231> (accessed: 21 October 2022) (in Russ.).
7. Borisova I.Z. *Dinamika regional'noy identichnosti v usloviyakh polikul'turnogo gosudarstva: na primere yakutov (Rossiya) i bretontsev (Frantsiya)* [Dynamics of Regional Identity in a Multicultural State: Exemplified by the Yakuts (Russia) and Bretons (France): Diss.]. Moscow, 2022. 953 p.
8. Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. New York, 1966. 219 p. (Russ. ed.: Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. Moscow, 1995. 322 p.).
9. Turner J.C., Haslam S.A., Oakes P.J., David W. Sotsial'naya identichnost', samokategorizatsiya i gruppa [Social Identity, Self-Categorization and Collective]. *Inostrannaya psikhologiya*, 1994, no. 2, pp. 8–17.
10. Habermas J. *Der philosophische Diskurs der Moderne: Zwölf Vorlesungen*. Frankfurt am Main, 1985. 449 p. (Russ. ed.: Khabermas Yu. *Filosofskiy diskurs o moderne*. Moscow, 2003. 416 p.).
11. Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Moscow, 2006. 344 p.
12. Sikevich Z.V. *Sotsiologicheskoe issledovanie: prakticheskoe rukovodstvo* [Sociological Research: A Practical Guide]. Moscow, 2005. 319 p.
13. Gladoshchuk A.V. “Meksikanskije maski”: vvedenie v “labirint odinochestva” O. Pasa [“Mexican Masks”: An Introduction to Octavio Paz’s *The Labyrinth of Solitude*]. *Literatura dvukh Amerik*, 2018, no. 4, pp. 114–147. DOI: [10.22455/2541-7894-2018-4-114-147](https://doi.org/10.22455/2541-7894-2018-4-114-147)

14. Zea L. *Filosofiya amerikanskoj istorii. Sud'by Latinskoj Ameriki* [The Philosophy of American History. The Fates of Latin America]. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001105/st000.shtml> (accessed: 21 October 2022).
15. Stepanov G.V. *Tipologiya yazykovykh sostoyaniy i situatsiy v stranakh romanskoj rechi* [Typology of Linguistic States and Situations in Romance-Speaking Countries]. Moscow, 1976. 224 p.
16. Chesnokova O.S. *Otrazhenie yazykovoy kartiny mira v razvitii leksicheskoy sistemy meksikanskogo natsional'nogo varianta ispanskogo yazyka* [Linguistic Worldview as Reflected in the Development of the Lexical System of Mexican Spanish: Diss.]. Moscow, 2006. 358 p.
17. Kornilov O.A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Linguistic Worldviews as Derivatives of National Mentalities]. Moscow, 2003. 349 p.
18. Wierzbicka A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding Cultures Through Their Key Words]. Moscow, 2001. 288 p.
19. Chesnokova O.S. *Ispanskiy yazyk Meksiki: yazykovaya kartina mira* [Mexican Spanish: Linguistic Worldview]. Moscow, 2020. 240 p.
20. *Academia Mexicana de la Lengua*. Available at: <https://www.academia.org.mx/consultas/consultas-frecuentes/item/hubo-o-hubieron> (accessed: 26 December 2022).
21. Karpina E.V. K voprosu o variativnosti ispanskogo yazyka na territorii meksikanskogo poluostrova Yukatan [To the Question of Variability of Spanish in the Territory of the Mexican Peninsula Yucatan]. *Tomskiy zhurnal lingvicheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, 2016, no. 1, pp. 19–28.
22. Gudkov D.B. Precedentnoe imya v kognitivnoy baze sovremennogo russkogo (rezul'taty eksperimenta) [Precedent Name in the Cognitive Basis of Modern Russian (Results of an Experiment)]. Krasnykh V.V., Izotov A.I. (eds.). *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Moscow, 1998. Iss. 4, pp. 82–93.
23. Nakhimova E.A. *Precedentnye imena v massovoy kommunikatsii* [Precedent Names in Mass Communication]. Yekaterinburg, 2007. 207 p.
24. Krasnykh V.V. "Svoy" sredi "chuzhikh": mif ili real'nost'? [Friend to Foes: Myth or Reality?]. Moscow, 2003. 375 p.
25. Guseva I.V. Osobennosti frazeologii meksikanskogo natsional'nogo varianta ispanskogo yazyka [Peculiarities of the Phraseology of Mexican National Variant of Spanish Language]. *Vestnik MGIMO universiteta*, 2012, no. 4, pp. 219–224.

DOI: 10.37482/2687-1505-V239

Irina E. Brazhnikova

Peoples' Friendship University of Russia;

ul. Miklukho-Maklaya 6, Moscow, 117198, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8698-0289> e-mail: irinabrazhnikova1298@gmail.com

NATIONAL IDENTITY AND ITS LINGUISTIC REPRESENTATION IN THE MEXICAN LINGUOCULTURAL SPACE

This article studies the linguistic representation of identity in the Mexican linguocultural space. The aim of the paper is to deduce the manifestations of national identity of Mexicans in their language and linguoculture. The relevance of this research stems from the need to study the national identity of Mexicans as representatives of the largest Spanish-speaking country. Of no less importance in the era of globalization is the analysis of the representation of identity, whose process of formation is used

For citation: Brazhnikova I.E. National Identity and Its Linguistic Representation in the Mexican Linguocultural Space. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 54–61. DOI: 10.37482/2687-1505-V239

to control the consciousness of modern society and as a key element in state policy, contributing to a country's stable growth and development. The article points out that Mexican Spanish has pan-Hispanic, pan-American, zonal, and nation-specific features. It has a tendency towards originality, represented by phonetic, grammatical, and lexicosemantic features. Mexican identity is most vividly manifested in vocabulary and phraseology. One of the main features of Mexican Spanish vocabulary is archaisms. Numerous borrowings from the languages of the indigenous peoples of the Americas, or indigenisms, testify to the importance of this component in the Mexican linguistic worldview and serve as markers of national identity. This identity is manifested in precedent names, which refer us to the images of indigenous cultures of ancient civilizations, as well as in the names of characters popular in the Mexican cultural space. One of the components of the representation of Mexican identity in the language is paroemia. The author concludes that archaisms, indigenisms, anthroponyms, precedent names, and proverbs of Mexican Spanish have "absorbed" the history of the Mexican people and reflect the specific linguistic worldview of Mexicans.

Keywords: *national identity of Mexicans, Mexican Spanish, precedent phenomena, linguistic worldview, national and cultural specificity.*

Поступила 03.11.2022
Принята 15.01.2023
Опубликована 09.02.2023

Received 3 November 2022
Accepted 15 January 2023
Published 9 February 2023

УДК 81

DOI: 10.37482/2687-1505-V240

*САПИЕВА Саида Казбековна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Адыгейского государственного университета. Автор 48 научных публикаций, в т.ч. 3 учебных пособий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-3673>

ЯЗЫКОВАЯ НОМИНАЦИЯ И ПРОБЛЕМА ЕЕ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема языковой номинации в современной науке не перестает вызывать большой интерес, поскольку связана с важнейшими процессами человеческой деятельности – когницией и коммуникацией. Процесс наречения предметов, явлений и признаков окружающего мира как в форме лексической единицы, так и в речевых структурах, актуализирующий информативно-смысловую сторону предмета, чрезвычайно важен для следующих разделов науки: когнитологии, лингвокультурологии, онтологии, семасиологии, психолингвистики, социолингвистики и др. Исследование номинации как процесса наречения предметов окружающей действительности и его результатов предполагает уточнение вопросов о назначении единиц номинации, их соотношении в системе языка, определении критериев, по которым таковые можно отнести к номинативным, особенностях семантических и функциональных свойств различных типов номинации. Особенно актуальным становится исследование вторичной номинации как процесса и результата языковой, речемыслительной и культурной деятельности в означивании объектов действительного мира через языковые средства. Ономаσιологический подход к изучению языковых единиц и индуктивный анализ их исследования на сегодняшний день позволяет описать их не только в языковой системе, но и на уровне речи и дискурса. Смена научных парадигм определяет актуальность и новые пути исследования данного языкового явления, что объясняется его исключительной сложностью, суть которой заключается в поиске языкового выражения, варьируемого от простого до глобального. Рассмотрение сущности номинации, ее видов и особенностей играет большую роль для дальнейшего определения специфики языковых знаков, поскольку процесс образования новых имен, их отбора и фиксации в языке наиболее подходящих обозначений является бесконечным и пронизывает все сферы человеческого общения.

Ключевые слова: ономаσιология, языковые номинации, первичная номинация, вторичная номинация, языковая система, речевая деятельность, дискурс.

*Адрес: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Гайдара, д. 119, кв. 34; e-mail: atika16@yandex.ru

Для цитирования: Сапиева С.К. Языковая номинация и проблема ее ономаσιологического исследования // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 1. С. 62–68. DOI: 10.37482/2687-1505-V240

Многовековая история изучения языка отдельными учеными и целыми лингвистическими школами привела к тому, что к концу XX века системно-структурная парадигма исследования языка совершила переход к текстоцентрической, антропоцентрической, семантикоцентрической, лингвокультурологической и когнитивно-дискурсивной парадигмам. Новые подходы, принципы и методы значительно расширили и углубили изучение языковых единиц, в т. ч. в их главной функции – номинации. В связи с этим возникла необходимость осмысления теории номинации и определения свойств таковой как процесса наречения предметов, явлений и признаков окружающего мира как в форме лексической единицы, так и в речевых структурах.

Начав свой путь в лексикологии, лексическая репрезентация достаточно быстро интегрировалась как предмет исследования в другие смежные с лингвистикой науки: психолингвистику, концептологию, лингвокультурологию, нейролингвистику, социолингвистику и т. п. и в полной мере реализовалась в теории, направленной на объяснение своего названия. Теория номинации – та область лингвистической науки, в которой воплотились принципы и средства описания конкретных наименований в определенном языке в направлении от смысла (плана содержания) к передающей его форме (плану выражения).

Эта теория получила название «ономасиология» и стала активно разрабатываться в европейском языкознании в конце XIX века, хотя предпосылки к исследованию лексических единиц в данном аспекте были заложены еще в Античности.

Так, по мнению А.А. Уфимцевой, в годы Античности все воззрения философов по вопросу номинации сводились к трем основным темам: 1) соотношение человеческого языка и познания; 2) характер связи имени и обозначаемого предмета; 3) наличие у членов языковой общности инвариантного представления об именуемой вещи [1, с. 9].

Средневековые мыслители проблему номинации стали рассматривать не только с линг-

вистической, но и философской точки зрения. Номиналисты Средневековья полагали, что окружающий мир существует как таковой независимо от наименований предметов и сами имена никак не влияют на содержание этих предметов и не являются их неотъемлемой частью, это всего лишь внешняя оболочка, между созданием которой и самой вещью стоит ее установитель – человек. И здесь важно отметить, что лексические единицы как синкретизм звучания и содержания стали рассматриваться с диаметрально противоположных позиций: в направлении от звучания к значению (ономасиологический подход) и от значения к формальному выражению (семасиологический подход). В связи с этим О. Есперсен отмечал, что изложенные при таких подходах факты, отнюдь не повторяют друг друга, «однако существует сфера языка, для которой трудно найти место в установленной таким образом двухчастной системе – это сфера значений слов» [2, с. 34].

Накопив достаточно богатый опыт и инструментарий в области описания лексической номинации предметного мира, ономасиология прочно закрепилась в лингвистической науке. Т.Г. Скребцова отмечает, что во многом правом на существование и дальнейшее развитие ономасиологические исследования обязаны, прежде всего, теории семантического поля [3]. «Активное изучение внутренней организации словарного состава и попытки ее описания “по сферам жизни, по содержаниям” (Вайсгербер 2004: 90) требовали перспективы от “понятия к слову”» [3, с. 260]. Примечателен тот факт, что предмет в процессе номинации в определенной ситуации, будь он из реального или фиктивного мира, чаще всего имеет одно значение, в то время как этот же предмет в окружающем мире может иметь несколько наименований. Данный факт породил вопрос о том, каким образом различные номинации становятся идентичными. По наблюдениям В.В. Катерминой, на этот вопрос наиболее ясно дал ответ немецкий философ Готлоб Фреге, полагавший, что наименование всегда информативно, поскольку оно отражает один из признаков обозначаемого

предмета и сообщает о нем. Исходя из этого, ученый предложил в семантической структуре наименования различать значение как отношение к обозначаемому предмету и смысл – информацию, которая заключена в имени [4]. Поэтому ономаσιологическое исследование языковых номинаций можно определить, прежде всего, как отраженный в человеческом сознании образ предмета, представление о его сущности, некий «сгусток смыслов», «овнешненный» языковыми средствами.

Стоит отметить, в настоящее время лингвистами признается тот факт, что не все языковые единицы могут обладать номинативной функцией, поскольку номинация как основное свойство словесных знаков напрямую связана с пониманием природы и иерархии языковых единиц в системе языка. Так, А.В. Солнцев считает, что номинацией могут обладать только двусторонние языковые единицы (слова и морфемы) в противовес односторонним (фонемам и слогам), которые данным свойством не владеют. В таком случае двусторонние единицы отражают понятийную категорию, являясь своего рода названиями, «этикетками», «ярлыками» каких-либо предметов, понятий, понятийных ассоциаций и т. п. [5, с. 133]. При этом полнота охвата свойств подобных форм в описании считается одним из критериев их качества и значимости, среди которых наиболее крупным форматом или структурой отражаемого в значениях языковых единиц и их сочетаний содержания признается мыслительная или понятийная категория. При этом содержание отражаемого представляет собой не единый «чистый» образ, а целую совокупность понятий, образующих обозначаемый феномен [6, с. 23].

Е.С. Кубрякова считает, что ономаσιология может включать единицы всех уровней системы языка при условии, что эти единицы должны репрезентировать выделенный объект в номинативном акте языковыми средствами и впоследствии заменять данный объект в коммуникативной и мыслительной деятельности его именем [3, с. 38]. Человеческая деятельность это и есть тот конкретно направленный

на объект процесс, благодаря которому может осуществляться номинация.

В зависимости от характера семантического признака номинативной единицы, структура номинаций может варьироваться от простой (простые слова с обозначением предмета, явления, признака, понятия, состояния и иной сущности) до сложной (метафоры, фразеологизмы, несколькословные термины, предложения и т. д.). Кроме того, признак простоты/сложности структуры номинативных единиц определяется и по степени морфемной жесткости. Так, учитывая, что слово имеет устойчивый морфемный состав, не подлежащий смене позиций морфем внутри него, его структуру по данному критерию можно назвать простой. Предложения и словосочетания, в свою очередь, предоставляют более свободный выбор определения места той или иной языковой единицы, т. е. имеют сложную структуру.

Необходимость в осмыслении языковых единиц в качестве номинативных знаков позволило лингвистам (Е.С. Кубрякова, В.Г. Гак, А.В. Солнцев, А.А. Уфимцева, А.Н. Алефиренко и др.) говорить о существовании первичной и вторичной (косвенной) номинации. Так, А.Н. Алефиренко с точки зрения способов и средств концептуализации знаний в дискурсивном плане подобные единицы именуется как *прямономинативные* и *непрямономинативные* языковые знаки. Главными функциями номинации в обоих случаях являются не только выделение и замещение предмета действительности, но и его узнавание, идентификация среди множества других [7].

Говоря о первичной номинации, стоит отметить, что изначально процесс наименования изучался главным образом на именных классах, где первостепенная роль отводилась имени существительному. Со временем, основываясь на теории В.В. Виноградова о частях речи, служащих для наименования сущностей предметного мира, в лингвистической науке в качестве номинаций стали рассматриваться и другие части речи: глаголы, прилагательные, числительные, наречия, поскольку, по словам В.В. Виноградова, этим словам присуща

номинативная функция: «Они отражают и воплощают в своей структуре предметы, процессы, качества, признаки, числовые связи и отношения, обстоятельственные и качественно-обстоятельственные определения и отношения вещей, признаков и процессов действительности и применяются к ним, указывают на них, их обозначают» [8, с. 28]. Первичные или прямые номинации выражают уже известное знание, зафиксированное в тезаурусе языка. Они конкретны и узуальны, их понятийный объем определяется признаками и свойствами именуемого объекта. Вторичные номинации обладают ассоциативным и окказиональным характером, и их переосмысление «зидается на возбуждении коннотативных признаков в исходном значении переосмысляемого слова и в значении опорного наименования» [9, с. 255].

Если мнения лингвистов в вопросах, связанных с первичной номинацией, достаточно схожи, то проблема определения единиц вторичной номинации и их свойств в научном мире до сих пор вызывает дискуссии.

В современной науке под вторичной номинацией понимается акт присвоения уже имеющемуся имени других функций номинации с сопутствующей трансформацией семантического объема. Ее результатами являются фиксированные в языке словесные обозначения в новой для них номинативной функции [9]. Возникновение вторичных номинаций обусловлено особенностями человеческого мышления, его ассоцирующим характером и творческим началом, а также «семантическим изнашиванием» определенных лексических единиц [10, с. 48].

Исследователи в зависимости от номинативных средств выделяют следующие типы вторичных номинаций: *лексическая* – реализуемая через слово или словосочетание, *препозитивная* – номинирующая микроситуацию и *дискурсивная* – осуществляемая посредством текста.

При вторичной номинации могут сохраняться не только главные понятийные признаки, но и коннотативные, что в свою очередь создает сдвиг в семантике слова, наделяя его

образностью или экспрессией. Примерами лексической вторичной номинации могут быть метафоры, метафорические эпитеты, метонимии, синекдохи, антономасии, фразеологические обороты. Формирование таких единиц происходит в результате семантического переосмысления, в основе которого всегда лежит ассоциативный характер мышления человека. При этом ассоциации могут быть случайными или постоянными в зависимости от контекста или влияния внешних факторов. «Случайные ассоциации порождаются конкретным контекстом и вместе с ним исчезают. Постоянные ассоциации порождаются и закрепляются за словом в результате его целенаправленного употребления в границах данного макроконтраста (обычно речевого произведения). Они могут быть также связаны с постоянными экстралингвистическими характеристиками объекта обозначения» [10, с. 99].

Обращение к вторичной номинации в свете ономасиологических исследований обуславливается не только многоплановостью способов представления содержания сущности предмета в словесной форме, но и изучением номинативной деятельности в рамках речевого высказывания, тем самым определяя бинарную природу номинации в осуществлении означивания объектов действительности как в языке, так и в речи. Н.Ф. Алефиренко отмечает, что «для раскрытия речевой сущности ономасиологии необходимо погрузиться в семиотические и прагмалингвистические глубины речемышлительной деятельности человека. Эти аспекты речи-мышления (термин С.Д. Кацнельсона. – прим. Н.А.) позволяют рассматривать номинацию как ядерный элемент речемышлительной деятельности человека с точки зрения ситуации общения, законов диалогического общения, теории речевых актов, речевой интенциональности и межкультурной коммуникации» [7, с. 7]. И это естественно, поскольку в процессе общения люди обмениваются не словами и значениями, а облаченными в языковую форму мыслями, где эти языковые формы, выраженные словесными знаками, являются средствами коммуникативной деятельности.

Необходимость увязать проблему вторичной номинации с коммуникативным предназначением словесных знаков выдвинуло задачу исследования ее механизмов на синтаксическом уровне предложения и формирования смысла [9, с. 136]. Рассмотрение соотношения данной проблемы с новой позиции позволило выявить «лингво-гносеологические и онтологические основы языковой номинации» [11].

Номинативность как одно из свойств предложений подчеркивается в исследованиях Н.Д. Арутюновой, А.В. Солнцева, И.И. Мещанинова, Г.В. Колшанского, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова, В.Г. Гака, Е.А. Селиванова, Е.А. Косых и др. Несмотря на очевидность номинативных и предикативных функций предложения, не все лингвисты являются сторонниками отнесения таковых к языковым номинациям.

Так, отнесение предложений к единицам номинации Е.С. Кубрякова аргументирует расширением границ ономаσιологического исследования, где объектами наречения явились не только признаки, действия, предметы и процессы, но и целостные события, расчлененные ситуации и т. п., которые стали номинироваться такими сложными структурами, как предложение и речевое высказывание. Признавая за последним первостепенную функцию сообщения, а не обозначения, лингвист отмечает: «Оно получает обозначение именно в этих целях, и хотя нельзя поведать о чем-либо, не обозначив этого, обозначение остается средством, а не целью речевого высказывания. Вот почему, полностью признавая саму теоретическую и практическую важность анализа номинативного аспекта высказывания, мы все же отказываемся от того, чтобы рассматривать речевую деятельность как цепь номинаций» [2, с. 39].

В отличие от лексической номинации, в которой процесс обозначения *специально направлен* на присвоение имени тому или иному объекту, в предложении эта функция оказывается

своего рода «неизбежной»; кроме того, если первая имеет компонент номинативного значения, то у предложения их два – лексический и синтаксический, и, наконец, если лексическая номинация в большей степени узуальна, то номинативная особенность предложений всегда носит контекстный характер.

Исходя из этого, можно говорить о бинарной природе предложений как номинативных единиц, заключающейся в необходимости осуществлять процесс номинации различных типов: во-первых, обозначать всю ситуацию, событие или факт и, во-вторых, выделять отдельные элементы описываемой ситуации или события.

Таким образом, в рамках ономаσιологического подхода языковые репрезентации представляют собой обозначение предметов внеязыковой действительности в определенной языковой форме, а термин «номинация» трактуется и как процесс данного обозначения, и как его результат. Языковая репрезентация может быть объективирована, с одной стороны, как самостоятельный номинативный знак, с другой, как строительный элемент комплексной коммуникативной единицы, представляя тем самым языковые структуры различной сложности.

На сегодняшний день проблемы номинации продолжают находиться под пристальным вниманием лингвистов разных направлений. Смена научных парадигм диктует новые пути исследования данного языкового явления, что объясняется его исключительной сложностью, суть которой состоит в поиске языкового выражения, варьируемого от простого до глобального. Рассмотрение сущности номинации, ее видов и особенностей играет большую роль для дальнейшего определения специфики языковых знаков, поскольку процесс образования новых имен, их отбора и фиксации в языке наиболее подходящих обозначений является бесконечным и пронизывает все сферы человеческого общения.

Список литературы

1. Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация (виды наименований) / сост. А.А. Уфимцева, Э.С. Азнаурова, В.Н. Телия и др.; отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. С. 5–85.
2. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1986. 158 с.
3. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Изд. Дом ЯСК, 2018. 392 с.
4. Катермина В.В. Номинация как лингвистическая проблема // Альманах соврем. науки и образования. 2008. № 8, ч. 1. С. 82–84.
5. Солнцев А.В. Виды номинативных единиц // Вопр. языкознания. 1987. № 2. С. 133–136.
6. Галич Г.Г. Ономасиологические тенденции в когнитивной лингвистике: сб. науч. тр. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2017. 167 с.
7. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-прагматические механизмы косвенной номинации // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2012. № 4. С. 5–13.
8. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
9. Телия В.Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости // Аспекты семантических исследований / А.А. Уфимцева, Е.С. Кубрякова, Н.Д. Арутюнова и др.; отв. ред. Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1980. С. 250–319.
10. Пересыпкин А.П. Вторичная номинация: новые перспективы исследования // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 1, № 2. С. 48–54.
11. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. 231 с.

References

1. Ufimtseva A.A. Leksicheskaya nominatsiya (pervichnaya neytral'naya) [Lexical Nomination (Primary, Neutral)]. Ufimtseva A.A., Aznaurova E.S., Teliya V.N., et al. (comps.). *Yazykovaya nominatsiya (vidy naimenovanii)* [Linguistic Nomination (Types of Names)]. Moscow, 1977, pp. 5–85.
2. Kubryakova E.S. *Nominativnyy aspekt rechevoy deyatel'nosti* [Nominative Aspect of Speech]. Moscow, 1986. 158 p.
3. Skrebtsova T.G. *Kognitivnaya lingvistika: klassicheskie teorii, novye podkhody* [Cognitive Linguistics: Classical Theories, New Approaches]. Moscow, 2018. 392 p.
4. Katermina V.V. Nominatsiya kak lingvisticheskaya problema [Naming as a Linguistic Problem]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*, 2008, no. 8, pt. 1, pp. 82–84.
5. Solntsev A.V. Vidy nominativnykh edinit [Types of Naming Units]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1987, no. 2, pp. 133–136.
6. Galich G.G. *Onomasiologicheskie tendentsii v kognitivnoy lingvistike* [Onomasiological Trends in Cognitive Linguistics]. Moscow, 2017. 167 p.
7. Alefirenko N.F. Kognitivno-pragmaticheskie mekhanizmy kosvennoy nominatsii [Cognitive and Pragmatic Mechanisms of Indirect Nomination]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*, 2012, no. 4, pp. 5–13.
8. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian Language (Grammatical Teaching About the Word)]. Moscow, 2001. 720 p.
9. Teliya V.N. Semantika svyazannykh znacheniy slov i ikh sochetaemosti [Semantics of Related Meanings of Words and Their Collocations]. Ufimtseva A.A., Kubryakova E.S., Arutyunova N.D., et al. *Aspekty semanticheskikh issledovaniy* [Aspects of Semantic Studies]. Moscow, 1980, pp. 250–319.
10. Peresypkin A.P. Vtorichnaya nominatsiya: novye perspektivy issledovaniya [Secondary Nomination: New Research Prospects]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2012, vol. 1, no. 2, pp. 48–54.
11. Kolshanskiy G.V. *Sootnoshenie sub'ektivnykh i ob'ektivnykh faktorov v yazyke* [Correlation of Subjective and Objective Factors in Language]. Moscow, 1975. 231 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V240

Saida K. Sapieva

Adyghe State University;
ul. Gaydara 119, kv. 34, Maykop, Respublika Adygeya, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-3673> e-mail: atika16@yandex.ru

LANGUAGE NOMINATION AND THE PROBLEM OF ITS ONOMASILOGICAL RESEARCH

The problem of language nomination in modern science does not cease to arouse great interest, since it is associated with such important processes of human activity as cognition and communication. Naming objects, phenomena and properties of the surrounding world both in the form of lexical units and in speech structures, actualizing the informative and semantic side of the object, is extremely important for cognitive science, cultural linguistics, ontology, semasiology, psycholinguistics, sociolinguistics, etc. The study of nomination as a process of naming objects of the world around us and its results involves clarifying the following issues: the choice of naming units, their relationship in the language system, determination of criteria by which these units can be attributed to naming units, as well as semantic and functional features of various types of nomination. The study of secondary nomination as a process and result of linguistic, speech and mental, and cultural activity in denoting objects of the real world through linguistic means becomes especially relevant. The onomasiological approach to the study of language units and the inductive analysis of their research today allows us to describe these units not only in the language system, but also at the level of speech and discourse. The scientific paradigm shift determines the relevance and new ways of studying this linguistic phenomenon, which is explained by its exceptional complexity, the essence of which lies in the search for a language expression, varying from simple to global. Considering the essence of nomination as well as its types and features is important for further determination of the specifics of linguistic signs, since the formation and selection of new names and fixation of the most appropriate naming units in the language is a never-ending process, permeating all spheres of human communication.

Keywords: *onomasiology, language nominations, primary nomination, secondary nomination, language system, speech activity, discourse.*

Поступила 08.09.2022
Принята 15.01.2023
Опубликована 09.02.2023

Received 8 September 2022
Accepted 15 January 2023
Published 9 February 2023

For citation: Sapieva S.K. Language Nomination and the Problem of Its Onomasiological Research. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 62–68. DOI: 10.37482/2687-1505-V240

*ЯКОВЛЕВА Елена Льдовговна, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова. Автор более 300 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4940-604X>

РАЗРУШЕНИЕ АУРЫ ИСКУССТВА В ТВОРЧЕСТВЕ ЭНДИ УОРХОЛА

С XX века в обществе одновременно с внедрением новаций наблюдаются процессы игнорирования/разрушения/трансформации ценностей предыдущих исторических этапов развития. Происходящие изменения неоднозначны, что заставляет обращаться к ним с целью сохранения/восстановления лучшего из прошлого. В качестве объекта исследования выбраны сфера искусства и феномен ауры художественного произведения. В работе используются феноменологический, аналитический и биографический методы. Они помогают осуществить дескрипцию феномена ауры художественного произведения, выявить некоторые основания ее появления, раскрыть причины исчезновения/трансформации в современности и рассмотреть ситуацию на основе философско-эстетической позиции и творчества представителя поп-арта Энди Уорхола. Аура представляет собой нечто трудно постижимое. Возникая в процессе творения произведения, она (нематериально) проявляется при его восприятии. Истоком появления ауры первоначально оказывается автор: благодаря его индивидуальным особенностям и творческим ресурсам рождаются уникальность и философичная поэтичность произведения. В современных условиях обращение творца к помощи техники (аудио-/видеоустройств, копировально-множительных/цифровых аппаратов) и технологий, постоянное тиражирование искусства приводят к трансформации или исчезновению ауры. На последний факт указал еще в 1936 году В. Беньямин. В качестве примера исследуется творчество Энди Уорхола, активно использовавшего при создании своих произведений технику и технологии. В итоге его полотна оказываются лишенными ауры, а их восприятие зрителями – отчужденным. Сам Уорхол, намеренно превратившись в человека-машину, не испытывал радости от процесса. Подобный анализ можно осуществить по отношению к другим видам искусства и творцам. Его результаты помогут в построении концепции ауры искусства и дескрипции данного феномена, в понимании трансформации ауры в современных произведениях, а также в поиске путей ее рождения в творческом процессе.

Ключевые слова: *произведение искусства, техника и технологии, аура, воспроизведение искусства через технику и технологии, философичная поэтичность, Энди Уорхол, человек-машина.*

*Адрес: 420110, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, д. 42; e-mail: mifoigra@mail.ru

Для цитирования: Яковлева Е.Л. Разрушение ауры искусства в творчестве Энди Уорхола // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 1. С. 69–79. DOI: 10.37482/2687-1505-V232

Начиная с XX века, под воздействием промышленных революций интенсивные изменения происходят во всех сферах культуры и жизни общества, формах деятельности и досуга индивида, его способах функционирования и коммуникации. Одновременно с этим у людей наблюдается нигилистическое отношение к иерархиям, идеалам, ценностям предыдущих периодов развития, вплоть до полного их отрицания и исключения из системы социальных отношений и культуры. Безусловно, ни к чему хорошему данное устранение не приведет, потому что магистральная линия культуры выстраивается на взаимодополнении (ин)новационного и традиционного с сохранением лучшего. Рассмотрим проблему трансформаций и их последствий на примере искусства, его создания и восприятия посредством техники и технологий. Подчеркнем, в нашем контексте под последними мы понимаем приспособления и устройства, которые созданы в результате научно-технического прогресса, начиная с эпохи фотографии и кинематографа (фиксирующие/записывающие/воспроизводящие видео-/аудиоустройства, компьютеры и компьютерные программы, компактные цифровые аппараты, средства тиражирования/копирования/размножения материалов и пр.). Вследствие внедрения новейших изобретений и их интеграции с искусством происходит техно-культурная гибридизация последнего и его тиражирование. Безусловно, утверждение «то, что было создано людьми, всегда могло быть повторено другими» свидетельствует о воспроизводимости произведений искусства [1, с. 17]. Но проникновение техники и технологий в художественные произведения с XX века приобрело колоссальные масштабы. Данный факт изменил не только творческий процесс, но и бытие произведений искусства: в них обнаруживаются новые средства художественной выразительности, но при этом трансформируются или исчезают некоторые качества, в т. ч. *аура*. Именно она избрана объектом изучения.

Ключевые методы исследования – аналитический и биографический с элементами фено-

менологического. Анализ интенциональности переживания феномена ауры и ситуации ее исчезновения в современных произведениях искусства осуществляется на основе творчества Энди Уорхола – одного из художников, активно обращавшихся к использованию новейших техники и технологий в искусстве. Методологической основой исследования стали идеи об ауре В. Беньямина, О.А. Кривцуна, А.С. Дриккера, Е.А. Маковецкого; воззрения Н.А. Бердяева, О.А. Кривцуна, В.Л. Круглова, О.М. Мазаненко, касающиеся творческого процесса; размышления Ж. Бодрийяра о кризисе современного искусства, в котором исчезают многие ценности, а также философско-эстетическая позиция Энди Уорхола, проявившаяся в его творчестве.

Новизна исследования заключается в том, что впервые утрата ауры и ее последствия рассматриваются на основе мировоззренческой позиции и творческого метода представителя поп-арта Энди Уорхола, которые составляют предмет исследования.

Понятие ауры, заимствованное из мистицизма, довольно сложно и трудно передаваемо. В. Беньямин в 1936 году осуществляет попытку ее теоретического описания, но та оказывается неполной. Считая, что аура является атрибутом художественных произведений, исследователь делает небольшие заметки касательно нее, избегая развернутых характеристик и вопросов механизмов ее воздействия. В. Беньямин называет аурой оболочку произведения искусства, особое *ощущение дали* здесь и сейчас, контекст существования шедевра в конкретных условиях, аутентичность автора, аутентичность восприятия, магию эстетического воздействия произведения на зрителя/читателя/слушателя [1].

На современном этапе пока никто из исследователей многогранно не раскрыл магию ауры, не объяснил тайну ее бытийствования ввиду отсутствия материальных следов феномена. По мнению О.А. Кривцуна, аура как «атрибутивное свойство художественного творения» представляет собой «общее качество художественности», которое в живописи «воспринимается человеком через множество более частных измерений,

таких, как ток эмоциональности картины, воздействие ее скрытой символики, гипнотизм цвета, света, рисунка, всей визуальной архитектоники холста» [2]. Данную характеристику можно перенести и на другие виды искусства. Посредством феномена ауры фиксируется «момент эманации художественного содержания», приводящий к «ощущению энергетической силы, вовлеченности воспринимающего в постижение невербализуемых смыслов», присутствующих художественному произведению [2].

Как мы считаем, аура есть свечения, *иррациональный фермент* (Плотин) и *неуловимые таинственные флюиды* (А.С. Дриккер, Е.А. Маковецкий), отражающие в произведении искусства энергию авторского посыла и суть прекрасного в бытии (личности). Аура есть нечто одухотворенное, гипнотически-завораживающее, энергичное и одновременно невидимое, нефиксируемое, непостижимое, непередаваемое, присущее творению художника. Она окутывает шедевр особым ореолом и создает мощное магнетическое поле вокруг него.

Не только аура, но и механизм ее воздействия оказываются до сих пор непроясненными и таинственными явлениями. Возможно, гениальность творца способствует обнаружению Абсолюта/Истины/Красоты, которые он передает в шедевре. Возникающая аура произведения оказывается созвучной не только бытию, но и заложенной в личности внутренней гармонии, что находит у воспринимающего индивида отклик, заставляя вибрировать струны души, испытывать (нередко неожиданно, вне желаний) позитивные эмоции благоговения перед искусством (и жизнью). Эстетическое вчувствование «зависит от духовного потенциала субъекта, его способности “разжечь” в самом себе волнение и безграничную чувствительность» от восприятия искусства, приводя к ощущению, что он «постиг не новое искусство, а встретился с тем, чего давно ожидал» [3].

Осознание ауры индивидуально. Она ощущается теми, кто непосредственно проникся художественным текстом, ощутил его эмоцию/настроение/мысль, созвучную собственному Я

и внутренней гармонии души. Захваченность аурой происходит при пристальном, сосредоточенном, пытливым, участливым смотрении и на произведение, когда «взгляд зрителя должен уподобиться взгляду художника, который не копирует объекты, как фотоаппарат или сканер, но выражает интимные взаимоотношения с субъектом» изображения, что вдохновляет и увлекает воспринимающего [4]. Аура может неожиданно накрыть его (поразить/изумить с первого взгляда/звука/страницы) либо постепенно захватывать, разворачивая онто-гносеологические и эстетико-аксиологические потенции произведения искусства. Это процесс довольно сложный: *аффективный, телесный, дорефлективный* (О.А. Кривцун). Проникнутость произведением искусства представляет собой глубоко интимный и сакральный опыт личности, который остается в памяти и действует даже после окончания восприятия произведения. В результате воздействия ауры воспринимающий приобретает новый/обновленный взгляд на мироздание/себя с необычными нюансами эмоций и чувств.

Причиной возникновения ауры В. Беньямин называет *уникальность* художественного произведения: оно всегда индивидуально, самобытно, исключительно, своеобразно, что достигается разными путями со стороны творца. Уникальность связана с индивидуальным творческим процессом автора. «Интенциональное “внимание ума” художника всякий раз находит неповторимый, исторически уникальный контакт с интенциональным “волением” готовой открыться вещи», что в художественном произведении рождает *взрыв присутствия* [2]. Сам творческий процесс оказывается аура-тическим. В нем пересекаются ауры художественного видения творца и художественного объекта, приводящие к появлению ауры произведения искусства. Собственные методы творчества автор хранит в секрете. Нередко даже для него акт творения оказывается до конца непроясненным. Процесс создания произведения связан не только с талантом мастера, но и с его мощным волевым усилием и энергетикой,

интуицией и разумом, эмоциями и чувствами, знаниями и опытом, сознанием и подсознанием. Творец оказывается *расположенным* к бытию, внимательно всматриваясь в него, сосредоточенно вслушиваясь в его вибрации и ритмы. Художник пытается узреть *в видимом невидимое* или *в невидимом видимое*, углубляя и расширяя собственную включенность в бытие. Для гения «творчество есть продолжение миротворения», результатом чего оказывается новое бытие – художественный текст [5, с. 323–324]. Его эстетическая форма наполнена онтологичным, экзистенциальным и символическим содержанием, связана с глубинными основаниями бытия (личности). Данный факт позволяет говорить еще об одном качестве шедевра, делающим его вечным и влияющим на появление ауры, – *философичной поэтичности* (термин мой. – Е.Я.). Данное понятие указывает на широту охвата, универсальность, абстрактную обобщенность содержания, выраженного в эстетической форме художественными средствами. Художественная образность произведения искусства заключает в себе смысл, а сам шедевр оказывается особым эстетическим пространством его развертывания, демонстрируя *динамичную энергетику* сюжета (О.А. Кривцун).

Философичная поэтичность проявляется в гармоничном переплетении онто-гносеологического и эстетико-аксиологического уровней, раскрывающих в единичном произведении всеобщее в сфере (не)бытийствующего. Постановка метафизических/экзистенциальных вопросов в акте творения открывает дорогу к философичности, позволяя найти глубинные смыслы. Творец, подключая к процессу создания нового интуицию, воображение, чувственное восприятие и умозрение, раздвигает рамки собственного бытия и непостижимым образом взаимодействует со всем мирозданием, что наполняет произведение метафизическим измерением, не исчерпываемым его субъективностью. Как считал Н.А. Бердяев, «необходимо в творческом подъеме выйти из имманентного круга “действительности”, необходимо вызвать образ, вообразить иной мир, новый по сравнению с... мировой действительностью»

[5, с. 331]. Сам гений обладает философским, *панорамным видением* (А. Кобляков). Оно помогает творцу «мгновенно схватывать, связывать, переосмысливать и конструировать прошлое, настоящее и будущее, которые в его сознании одновременно разворачиваются на единой вселенской панораме» [6, с. 74]. Субъективное трансцендирование художника способствует синтезированию воображаемого/увиденного/услышанного в онтологическую, гносеологическую, аксиологическую и эстетическую целостность текста произведения. Демонстрируя «миро-со-знание» и «я-в-сознании-мира», творец входит «в плоть и образы материи» [7], что способствует рождению философичной художественной образности и смысла. В художественном тексте оказываются воплощенными полнота бытия, его Абсолюты/Истина/Красота/Мировая Гармония. Благодаря философичной поэтичности созданная художественная реальность в содержательно-смысловом аспекте всегда превосходит себя саму, что высвечивается при интерпретации шедевра и появлении множества его трактовок, о которых автор нередко не подозревал. Безусловно, произведение искусства передает образы и смыслы творца, полученные им благодаря субъективному опыту и знаниям, но они выводят на суть бытия в художественном тексте, оказываясь рано или поздно воспринимаемыми и оцененными потенциальной аудиторией.

Дополняя рассуждения В. Беньямина об ауре, выдвинем гипотезу, что не только уникальность, но и философичная поэтичность способствуют рождению ауры, которая придает ценность и вечность произведению искусства, высвечиваясь в особом модусе бытийствования шедевра, его восприятию и пониманию.

В целом обращает на себя внимание факт довольно сложной связи ауры произведения искусства с его материальным оригиналом. И она не исчерпывается названными нами параметрами. Так, особую роль для рождения последней играет *временная дистанционность*, позволяющая превратить произведение в объект

почитания. Но данное испытание временем проходят не все произведения искусства: многие известные авторы прошлого и их творения в современности оказываются забытыми/неактуальными, что не дает возможности проявиться их ауре. Или шедевры прошлых веков, тиражируемые в наши дни, сохраняют свою ауру, чего нельзя сказать об их репродукциях/записях/фотографиях. Техническая воспроизводимость обесценивает в копиях шедевра его уникальность, подлинность и то, что затрагивает *чувствительную сердцевину* восприятия (В. Беньямин). Возможно, данный факт обусловлен целью воспроизведения шедевров: она в большей степени связана с монетизацией и популяризацией искусства, развлечением и поверхностным эстетством.

Потеря ауры, в т. ч. связанная с внедрением техники и технологий в художественное произведение, рождает ситуацию расставания искусства с царством *прекрасной видимости* [1, с. 41]. Ее исчезновение, не осознаваемое рационально в виду мистичности феномена и отсутствия вещественных следов, негативно сказывается как на самом творце, так и на почитателях его таланта. Они интуитивно ощущают отсутствие ауры, рождающее разочарование художника и поклонников его творчества от созданного произведения. Если рассматривать ситуацию в широком аспекте, то потеря ауры в произведениях искусства из-за интенсивного использования техники и технологий приводит к кризису искусства и бытия личности. Данный процесс в современности обладает колоссальным размахом. Отчужденная захваченность массовой аудитории кинопродукцией, фотографиями, кинетическими скульптурами, репродукциями, цифровыми картинками, записями музыкальных произведений, световыми/звуковыми композициями, просмотром произведений искусства в цифровой среде рождает скуку, неудовлетворенность, желание найти новый продукт и потребить его. Этот порочный круг, связанный с восприятием тиражируемого искусства и впечатлениями от него, высвечивает отношение к художественным произведениям как

к продуктам потребления и развлечения. Сакральное, трепетное, созерцательное и серьезное отношение к искусству теряется, и особую роль в этом играет исчезновение ауры.

Необходимо отметить, в использовании техники и технологий, технической воспроизводимости произведений искусства существуют свои плюсы, которых не имеется у оригинального авторского произведения. Так, тиражирование шедевров, в т. ч. Древнего мира, делает их доступными для широкой аудитории. Техника и технологии способны управлять пространством и временем в произведении искусства. Они создают иллюзию бесконечности пространства и смешения/наложения временных пластов, помещая зрителя в эту бесконечность и безвременность. Техническая копия, фиксируя изображение, может изменять размеры некоторых его деталей, позволяя лучше рассмотреть их, перенести оригинал в необычные пространства и ситуации, усиливая эффект воздействия. Фото-(кино-)камера помогает «прерывать и изолировать, растягивать и сжимать действие, увеличивать и уменьшать изображение» [1, с. 54]. Постоянно возникают новые формы взаимодействия искусства и зрителя. Но нередко перечисленное не оставляет глубокого следа у аудитории, воспринимаясь обыденно, как очередные (развлекательные) новинки общества потребления. Погоня творцов за новыми формами и эффектностью в искусстве приводит к снижению философского содержания, утрате/опошлению/банальности смысла, переводу поэтичности как эстетичности в техноэстетичность.

Подчеркнем, уникальность и аура художественного произведения оказываются нередко недоступными для технической воспроизводимости. Аура шедевра разрушается как при использовании техники и технологий в процессе творения, так и при восприятии произведения, в т. ч. посредством технических устройств. На смену уникальности приходит массовость, разрушающая привилегированность искусства/творца. Под воздействием технических устройств осуществляется перестройка вос-

приятия искусства личностью. Созерцательность и эстетические чувства практически исчезают из восприятия тиражированных произведений и техноискусства/цифрового искусства. Идеология консьюмеризма, в основе которой лежат практики перепотребления, формирует и стимулирует желание массовой аудитории любыми способами овладеть произведениями искусства, которые быстро создаются и при тиражировании из уникальных переходят в разряд однотипных. Данный процесс, начавшийся с появления фотографии, привел к ситуации, когда людей завалили потоками тиражированной продукции художественной фотографии/живописи, кинофильмов, записей музыкальных произведений и пр. Сам воспринимающий в большей степени не созерцает, а, развлекаясь, пытается понять, каким образом создан и функционирует техно-культурный гибрид искусства, оценивает и тестирует его, считая себя профессионалом в данной области. Как замечает В. Беньямин, происходит «тесное сплетение зрительского удовольствия, сопереживания с позицией экспертной оценки» [1, с. 49]. Восприятие искусства через технику и технологии становится отчужденным, без непосредственного погружения в пространство произведения и его смысл. Из восприятия исчезают неторопливая размеренность, «умение преобразовывать исходящие от произведения импульсы в собственное интимное переживание», происходит *свертываемость времени созерцания* [3]. Абсолютность искусства переходит в относительное измерение, связанное с быстрым (отчужденным) созданием произведений, их тиражированием и доступностью в любой момент.

Заметим, техноэстетичность и современное цифровое искусство не всегда можно отнести к продукции общества потребления. Некоторые образцы обладают концептуальностью, которая проявляется в различных видах и жанрах искусства (в конкретной музыке, медиа-искусстве, цифровой живописи/фотографии, пиксельной графике, цифровой поэзии и пр.), что допускает существование ауры. Но она

представляет собой новый модус, обусловленный техносредой и цифровыми технологиями, рождающими иные возможности воздействия и восприятия. Подобный вид ауры, о котором можно говорить как о техноауре, не входит в объект нашего исследования.

Возвращаясь к проблеме, рассмотрим приведенные положения, касающиеся ауры художественного произведения, на примере творчества художника поп-арта Энди Уорхола (1928–1987). Будучи сыном своего времени, Уорхол в своем творчестве «выразил “болезнь бытия”» [8, с. 6], создав «фетишизм трансэстетики, фетишизм образа без свойств, присутствия без желания» [9, с. 123]. Он намеренно разрушал ауру, возникающую при творении произведения, трансформировав понимание сакральности искусства в банальность. С легкой руки Уорхола статус *музеев современности* получили большие магазины, которые были наполнены товарами общества потребления, далекими от произведений искусства, но выдаваемыми за них. Товарный фетишизм свидетельствовал об *эстетике всячества*, характерной для Э. Уорхола, что уничтожало изначально ауру художественного объекта и художественного видения творца. Следуя эстетике всячества, художник активно прибегал в своем творчестве к помощи техники (фотоаппарата, кинокамеры, магнитофона) и технологии (шелкографии). Перечисленное привело к тому, что аура уже не формировалась на стадии творческого процесса. Используемые Уорхолом технические устройства «превратились в некий эрзац зрительного восприятия» [10, с. 471]. Художественное видение и его аура как великий дар творца, требующий активного отношения к жизни, созерцательности, вдумчивости, трансцендирования, терпения и заинтересованности, заменяются механическими действиями, лишены одухотворенности. Американский художник был зачарован экранами, выполняющими роль посредников и помощников в его жизни. На окружающий мир Уорхол смотрел через объектив камер отстраненным и холодным взглядом, скользя по людям, ситуациям,

предметам, что отразилось на его творчестве. Нигде не задерживаясь, его взгляд посредством оптики постоянно фиксировал попадающиеся на пути всячества. Заметим, В. Беньямин в цепочке *фотограф – камера – природа* исключает фотографа, считая, что вместо него действует *фотоглаз* [11, с. 71]. Он играет роль *протеза для зрения*, что создает присутствие пустоты фотографирующего творца, одновременно видящего и невидящего образа.

Создание произведений Энди осуществлял в шуме, сотканном из голосов людей и включенной техники (телевизора, радио и проигрывателей, из которых одновременно неслись звуки новостей, классической и рок-музыки). Художник признавался, что гул опустошает его голову и отчуждает от окружающего мира. В результате работает только инстинкт, позволяя рисовать отстраненно и бесстрастно. Чувственность и эмоциональность восприятия исчезают из творческого процесса Уорхола. Техника помогает отчуждаться, осуществляя мечту художника – *быть машиной* (возрожденная в условиях XX века идея Ж.О. де Ламетри). Он неоднократно эпатажно заявлял: «Я думаю, каждый должен быть машиной» [12]. Можно сказать, в своем творчестве Уорхол осуществил машинную метаморфозу. Художник признавался в возникновении ощущения: «все, что я делаю-делаю-делаю на манер машины», но это – «как раз то, что мне хочется делать» [13, с. 59].

Усиливают ощущение состояния *человек-машина* используемые им технологии. Шелкография, или трафаретная печать, позволяла художнику работать как автомат, без эмоций штампуя несколько экземпляров одного изображения (в день до 80 отпечатков) и зарабатывая на этом огромные деньги. Выпуск произведений был поставлен на поток, а его искусство оказалось тиражируемым и коммерческим. «Многочисленное повторение одного и того же образа стало главным элементом его художественной эстетики» [14, с. 259]. Большинство работ художника имеют *серийный характер*, что удаляет его творчество *от живописи-как-живописи* [15, с. 387]. Уникальность искусства он замеща-

ет серий. Художник считал, что множественное тиражирование одних и тех же образов уравнивает тех, кто их приобретает, нивелируя привилегированность. Благодаря серийности художественные образы Уорхола (долларовая купюра, кока-кола, консервированная банка супа, электрический стул, портреты идолов культуры и пр.) мгновенно становились популярными, влияя на модный стиль.

Подчеркнем, художественный метод шелкографии бездушен и механистичен, он не вызывает эмоций, показывает стерильность и стандартизованность творческого процесса. Само «изготовление картин происходило наполовину механически, наполовину вручную, посредством использования техники трафаретной печати» [16, с. 25]. Художник считал, что именно шелкография передает эффект конвейера, стирая присутствие автора, а значит – уникальность, философичную поэтичность и ауру произведения. Уорхол признавался: «в шелкографии берешь фото, увеличиваешь его, переводишь клейстером на шелк, а потом заливаешь чернилами, так что они пропитывают шелк вокруг клейстера. Так получается один и тот же образ, но всегда немного различный. Так это было просто, легко и быстро» [17, с. 39]. Данная технология отвечала потребностям художника, ощущающего себя человеком-машиной.

Творческий стиль Уорхола был нарочито небрежным: он допускал неточности переноса краски при печати работ. Готовое шелкографическое изображение Уорхол покрывал широкими мазками грубой кистью: «иногда получалось на удивление гармонично, иногда – безобразно или безвкусно» [14, с. 546]. Расплывшаяся краска, неряшливые подтеки создавали иллюзию экспрессивности его живописи, что также не способствовало возникновению ауры. Безусловно, поверхностный брак оказывался уникальным, но данная уникальность есть лишь видимость, обусловленная небрежностью художника, не задумывающегося о концепции и эстетичной точности исполнения работы. В копиях он постоянно менял колористические и штриховые акценты, случайно ставил кляксы

или неправильно обрезал изображение, что свидетельствовало о проникновении в работы человеческого фактора. Но данный авторский жест не создавал уникальности и ауры художественного произведения.

Сама уорхоловская копия, лишенная ауры, олицетворяет предчувствие *катастрофы исчезновения* и сопротивление этому процессу. Она – симулякр, предполагающий *сохранение-через-замещение*, которое способствует искусственному долготетию вещи. Копия не имеет вокруг себя ауры и не становится источником мощного эмоционального воздействия на людей. Это своеобразная *иллюзия конца* (Ж. Бодрийяр), демонстрирующая «ксерокс-степени культуры», где «ничто не исчезает, ничто не должно исчезнуть» [18, с. 74, 72]. Копии утрируют *мертвящую уплотившуюся потустороннюю почву* (Ф. Джеймисон), продвигая в массы *голый* образ искусства, лишенный авторской энергетики.

В крупноформатных портретах в технике шелкографии Уорхола мы встречаем «отупляющие образы лишенной души цивилизации» [19, с. 101]. В этих *неавторских*, заимствованных фотографических портретах (Мао Цзэдуна, Мэрилин Монро, Элвиса Пресли, Элизабет Тейлор и др.) Уорхол одновременно воспевал звезд массовой культуры и иронизировал над ними. Благодаря художнику они трансформировались в образ-товар. Лица знаменитых людей, перепечатанные много раз, превратились в стандартный и стерильный образ, соблазняющий своей *мертвой красотой*. В этом образе-товаре отсутствуют естественность, индивидуальность, субъективность, социальность, эротичность. Портреты оставляют шлейф «воспоминаний о чем-то, что уже исчезло», или «ощущение, что ты забудешь о чем-то раньше, чем оно успеет исчезнуть» [13, с. 50].

При внедрении Уорхолом техники и «технологических достижений» остается непреодолимое ощущение, что что-то ускользает от нас», рождая ситуацию «не мы овладеваем миром, а мир овладевает нами» и «объект мыслит нас» [9, с. 116, 117]. Посредством техники

мир навязывается творцу, превращающемуся в оператора, его креативные способности начинают нейтрализоваться, а само творчество дестабилизируется. Уорхол на своих полотнах преподносит образы «без воображаемого, которые он сам перерабатывает без воображения», что превращает их «в чистый визуальный продукт» [9, с. 286, 23]. Философско-смысловая (и нередко эстетическая) нагрузка уорхоловских произведений искусства и образов буквально исчезает в серии, а прекрасное в искусстве оказывается отчужденным и холодным, вызывая равнодушие у воспринимающих его.

Необходимо признать, что по отношению к Уорхолу дилемма «творчество или машинный конвейер» остается открытой. Он «играет с нами и издевается над нашими объективными притязаниями проанализировать его» [9, с. 118]. Сам художник понимал, что техника и технологии помогают превратить мусор массовой культуры в произведения искусства, повышая их стоимость как товара. Он признавался, что «бизнес-искусством намного приятнее заниматься, чем Искусством как таковым» [20, с. 102]. Уорхол не только изменил искусство, привнес в него производственные и технические новшества, но и трансформировал роль творца, который стал производителем. Перечисленное разрушило ауру произведений искусства, что сказалось на неудовлетворенности художника тем, что он создавал. Неслучайно в конце жизни Уорхол с сожалением признавался, что всего лишь «коммерческий художник. Надо смотреть правде в глаза» [14, с. 40]. Безусловно, в его произведениях существует смысл, глубоко скрытый авторской иронией по отношению к себе/массовой культуре/обществу потребления и эстетикой всячества, но поэтичность вследствие применения техники и технологий уходит, что разрушает ауру творения, бытийствования и восприятия художественного произведения.

Итак, уникальность и философичная поэтичность шедевра способствуют появлению его ауры, которая представляет собой мистическую (нематериальную) оболочку, рождающуюся в

процессе творения произведения и способную оказывать воздействие на воспринимающих его. Но в современном мире искусство подвержено влиянию техники и технологий, а также идеологии общества потребления, что нередко разрушает ауру шедевра. Наиболее ярко данный процесс проявился в творчестве Энди Уорхола. В терминологии Ж. Бодрийера Уорхола можно назвать заговорщиком, совершившим преступление против искусства. Рукотворность создания произведений искусства он заменил техникой и технологиями. Философичность поэтичности трансформировалась в философичность, тщательно сокрытую эстетикой всячества и уорхоловской иронией, а поэтичность оказалась разрушена технологией шелкографии и небрежностью в исполнении. В его работах содержание, отходя на второй план, уступает место образу, который обезличивается и деперсонализуется. Сами уорхоловские образы, символизируя *песни сирен*

(Б. Крюгер), превращаются в обманки/фейки, полученные с помощью протеза зрения – фото- и видеообъективов. Постоянное тиражирование превращает их в товар как продукт массового потребления, в чем усматривается пренебрежительная характеристика, обусловленная в т. ч. исчезновением ауры. Философско-эстетическая позиция, репликации и использование технических устройств буквально разрушили ауру уорхоловских творений. При этом Уорхол уничтожает зачатки ауры (ауру художественного объекта и ауру художественного видения творца) на стадии создания полотен: он прибегает не только к помощи техники и технологий, но и полностью уничтожает свои чувства и эмоции, превращаясь в человека-машину, отчужденного от всего мира. Перечисленные причины повлияли на процесс восприятия произведений искусства людьми, отчужденно, без эмоций взирающими на уорхоловские полотна как на товар потребления и не видящими в них философского смысла.

Список литературы

1. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избр. эссе. М.: Медиум, 1996. 240 с.
2. Кривцун О.А. Аура произведения искусства: узнаваемое и ускользающее // Человек. 2010. № 2. С. 95–106.
3. Кривцун О.А. Аура произведения искусства: узнаваемое и ускользающее // Человек. 2010. № 3. С. 107–119.
4. Дриккер А.С., Маковецкий Е.А. Музейная аура в цифровом формате // Вестн. Томск. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2020. № 40. С. 49–58. DOI: [10.17223/22220836/40/4](https://doi.org/10.17223/22220836/40/4)
5. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Эксмо, 2021. 544 с.
6. Мазаненко О.М. Эстетические корреляты творческого сознания // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: Философия. 2019. № 1(47). С. 70–80.
7. Круглов В.Л. Художественно-поэтические начала культуры как диспозиции личности // Материалы за 8-а международна научна практична конференция «Бъдещите изследвания». Т. 26. Философия. Музика и живот. София: «Бял ГРАД-БГ» ООД, 2012. С. 39–47. URL: http://www.rusnauka.com/6_PNI_2012/Philosophia/4_102762.doc.htm (дата обращения: 01.07.2022).
8. Делез Ж. Логика смысла. М.: Акад. проект, 2011. 472 с.
9. Бодрийер Ж. Совершенное преступление / заговор искусства. М.: РИПОЛ классик, 2019. 347 с.
10. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2009. 635 с.
11. Беньямин В. Краткая история фотографии. М.: Ad Marginem, 2015. 176 с.
12. Andy Warhol Interview with Gene Swenson, Art News (1963). URL: <https://studylib.net/doc/8406529/andy-warhol-interview-with-gene-swenson--art-news--1963--aw> (дата обращения: 01.07.2022).
13. Я стану твоим зеркалом: избр. интервью Энди Уорхола (1962–1987) / под ред. К. Голдсмита. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 431 с.
14. Нюрдсани М. Уорхол. М.: Этерна, 2019. 664 с.

15. Руйе А. Фотография. Между документом и современным искусством. СПб.: Клаудберри, 2014. 712 с.
16. Хоннеф К. Поп-арт. М.: Арт-родник: Taschen, 2005. 96 с.
17. Уорхол Э., Хэкетт П. Попизм: Уорхоловские 60-е. СПб.: Амфора, 2012. 350 с.
18. Baudrillard J. The Illusion of the End. Stanford: Stanford University Press, 1994. 123 p.
19. Роуз Б. Американская живопись. Двадцатый век. Bookking, 1995. 175 с.
20. Уорхол Э. Философия Энди Уорхола (от А к Б и наоборот). М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 268 с.

References

1. Benjamin W. *Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit*. Taschenbuch, 1996 (Russ. ed.: Ben'yamin V. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti*. Moscow, 1996. 240 p.).
2. Krivtsun O.A. Aura proizvedeniya iskusstva: uznavaemoe i uskol'zayushchee [Aura of an Artwork: Recognizable and Eluding]. *Chelovek*, 2010, no. 2, pp. 95–106.
3. Krivtsun O.A. Aura proizvedeniya iskusstva: uznavaemoe i uskol'zayushchee [Aura of an Artwork: Recognizable and Eluding]. *Chelovek*, 2010, no. 3, pp. 107–119.
4. Drikker A.S., Makovetskiy E.A. Muzeynaya aura v tsifrovom формате [Museum Aura in a Digital Format]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*, 2020, no. 40, pp. 49–58. DOI: [10.17223/22220836/40/4](https://doi.org/10.17223/22220836/40/4)
5. Berdyayev N.A. *Samopoznanie* [Self-Knowledge]. Moscow, 2021. 544 p.
6. Mazanenko O.M. Esteticheskie korrelyaty tvorcheskogo soznaniya [The Aesthetic Correlates of Creative Consciousness]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya*, 2019, no. 1, pp. 70–80.
7. Kruglov V.L. Khudozhestvenno-poeticheskie nachala kul'tury kak dispozitsii lichnosti [Artistic and Poetic Principles of Culture as Personal Dispositions]. *Materiali za 8-a mezhdunarodna nauchna praktichna konferentsiya, "B"deshtchite izsledvaniya*. T. 26. *Filosofiya. Muzika i zhivot* [Materials of the 8th International Scientific and Practical Conference, "Future Research". Vol. 26. Philosophy. Music and Life]. Sofia, 2012, pp. 39–47. Available at: http://www.rusnauka.com/6_PNI_2012/Philosophia/4_102762.doc.htm (accessed: 1 July 2022).
8. Deleuze G. *Logique du sens*. Les Éditions de Minuit, 1969 (Russ. ed.: Delez Zh. *Logika smysla*. Moscow, 2011. 472 p.).
9. Baudrillard J. *Sovershennoe prestuplenie. Zagovor iskusstva* [The Perfect Crime. The Conspiracy of Art]. Moscow, 2019. 347 p.
10. Fromm E. *Anatomie der menschlichen Destruktivität*. Stuttgart, 1974. 473 p. (Russ. ed.: Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti*. Moscow, 2009. 635 p.).
11. Benjamin W. *Kratkaya istoriya fotografii* [A Short History of Photography]. Moscow, 2015. 176 p.
12. Andy Warhol. *Interview with Gene Swenson, Art News (1963)*. Available at: <https://studylib.net/doc/8406529/andy-warhol-interview-with-gene-swenson--art-news--1963--aw> (accessed: 1 July 2022).
13. Goldsmith K. (ed.). *I'll Be Your Mirror: The Selected Andy Warhol Interviews*. New York, 427 p. (Russ. ed.: Goldsmit K. (ed.). *Ya stanu tvoim zerkalom: izbrannye interv'yu Endi Uorkhola (1962–1987)*. Moscow, 2016. 431 p.).
14. Nuridsany M. *Warhol*. Moscow, 2019. 664 p. (in Russ.).
15. Rouillé A. *La photographie: Entre document et art contemporain*. Paris, 2005. 704 p. (Russ. ed.: Ruyе A. *Fotografiya. Mezhdokumentom i sovremennym iskusstvom*. St. Petersburg, 2014. 712 p.).
16. Honnef K. *Pop Art*. Moscow, 2005. 96 p. (in Russ.).
17. Warhol A., Hackett P. *POPism: The Warhol '60s*. New York, 1980. 310 p. (Russ. ed.: Uorkhol E., Khekett P. *Popizm: Uorkholovskie 60-e*. St. Petersburg, 2012. 350 p.).
18. Baudrillard J. *The Illusion of the End*. Stanford, 1994. 123 p.
19. Rose B. *Amerikanskaya zhivopis' . Dvadsatyy vek* [American Art Since 1900]. Bookking, 1995. 175 p.
20. Warhol A. *The Philosophy of Andy Warhol (from A to B and Back Again)*. London, 1975. 241 p. (Russ. ed.: Uorkhol E. *Filosofiya Endi Uorkhola (ot A k B i naoborot)*. Moscow, 2014. 268 p.).

DOI: 10.37482/2687-1505-V232

Elena L. Yakovleva

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov;
ul. Moskovskaya 42, Kazan, 420110, Respublika Tatarstan, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4940-604X> e-mail: mifoigra@mail.ru

DESTRUCTION OF THE AURA OF ART IN ANDY WARHOL'S WORKS

Since the 20th century, along with the introduction of innovations, society has seen the processes of ignoring/destroying/transforming the values of previous historical stages of development. The changes that have been taking place are controversial, which makes us investigate them in order to preserve/restore the best of the past. The sphere of art and the phenomenon of the aura of a work of art were chosen as the object of this research. The paper applies the phenomenological, analytical and biographical methods. They help to describe the phenomenon of the aura of a work of art, identify some of the reasons for its origination, reveal the causes of its disappearance/transformation in modern times and consider the situation on the basis of the philosophical and aesthetic position and works of the representative of pop art Andy Warhol. It should be noted that the aura is something difficult to comprehend. Originating in the process of creating a work of art, it (immaterially) manifests itself when the work is being perceived. The origins of the aura are traced to the author: due to his/her individual characteristics and creative resources, the work of art acquires its uniqueness and philosophical poetry. In modern conditions, the artist's use of devices (audio/video and document-reproduction/digital) and technologies, as well as constant replication of art lead to the transformation or disappearance of the aura. The latter fact was pointed out as early as in 1936 by W. Benjamin. To illustrate this phenomenon, the paper studies the works of Andy Warhol, who actively used technology and various devices to create them. As a result, his pieces of art are devoid of the aura, their perception by the audience is alienated. Moreover, Warhol himself, having deliberately turned into a man-machine, felt no joy from the process. A similar analysis can be used to study other forms of art and creators. The results of the analysis will help in constructing the concept of the aura of art and describing this phenomenon, in understanding the transformation of the aura in contemporary works, as well as in finding ways to bring the aura to life in the creative process.

Keywords: *work of art, technique and technology, aura, reproduction of art through technique and technology, philosophical poetry, Andy Warhol, man-machine.*

Поступила 17.07.2022
Принята 20.12.2022
Опубликована 06.02.2023

Received 17 July 2022
Accepted 20 December 2022
Published 6 February 2023

For citation: Yakovleva E.L. Destruction of the Aura of Art in Andy Warhol's Works. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 69–79. DOI: 10.37482/2687-1505-V232

УДК 101.9

DOI: 10.37482/2687-1505-V234

*МАХАМАТОВ Таир Махаматович, доктор философских наук, профессор, профессор департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Автор 172 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1166-4203>

ДИАЛЕКТИКА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ ИНДИВИДА

Статья посвящена выявлению и анализу основных детерминантов порождения экзистенциального мира индивида. Обосновывается положение, что экзистенция является объективным и всеобщим феноменом человеческой души, составной частью сущности человека как биосоциального существа. Исходя из произведений таких классиков экзистенциализма, как Ж.П. Сартр, К. Ясперс, А. Камю, корифеев психологической науки – К. Юнга, Ж. Пиаже, Л.С. Выготского, экзистенциальных писателей – Ф.М. Достоевского, Дж. Сэлинджера, С. Беккета, А. Платонова, Ч. Айтматова и других, экзистенция определяется как осознанный внутренний мир переживаний индивида в основном отрицательного содержания, т. е. его страх, осознание своей никчемности, невостребованности, отрицательного отношения других к нему, игнорирования его, не понимания окружающими его переживаний и т. п. Но, согласно мнению автора, имеется и позитивная экзистенция, заключающаяся в готовности экзистенциальной личности бороться за свою самореализацию, за самоутверждение, быть подобным Сизифу. Исследователь придерживается точки зрения, согласно которой экзистенция индивида является результатом противоречия между его индивидуальностью, естественным эгоизмом и требованиями социальной среды, с которыми человек сталкивается в ходе каждого этапа социализации. В статье аргументированно проводится мысль, что, в отличие от бессознательного З. Фрейда, иррационального слоя психики человека, экзистенция выступает фактором сознания индивида, понимания противоречивого отношения среды к нему. Другой задачей является выявление способов и форм диалектического «снятия» экзистенциальной напряженности. Автор считает, что в этом процессе социальная среда, атмосфера безразличия к индивидам или же внимательное отношение к каждому, дружественная или враждебная обстановка в коллективе играют определяющую роль в рождении экзистенции негативного или позитивного характера. Потому и в коллективах целесообразно регулярно проводить социологические исследования по проблемам экзистенции, стремиться устанавливать дружественную атмосферу и т. п.

Ключевые слова: биосоциальность индивида, экзистенциальная сущность, экзистенция как самосознание, экзистенция в искусстве, диалектика «снятия» экзистенции, религия в «снятии» экзистенции.

*Адрес: 125993, Москва, просп. Ленинградский, д. 49; e-mail: makhamatov.tair@mail.ru

Для цитирования: Махаматов Т.М. Диалектика экзистенциальной сущности индивида // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 1. С. 80–90. DOI: 10.37482/2687-1505-V234

Введение

Сущность человека многогранна. Хотя, по словам К. Маркса, она определяется системой общественных отношений, т. е. является общественно-исторической, но отношения эти проходят через призму телесного, биологического бытия человека. То, что он является «субъектом культуры, культурным существом» [1, с. 61], не исключает, как считает Г.П. Меньчиков, биосоциального аспекта человеческой сущности. Следующее рассуждение данного автора подтверждает биосоциальность человека: «Проблема смысла жизни, своеобразной нехватки-неполноты-нецелостности, возникает только у человека и вытекает из того, что человек, как ни одно из живых существ, заранее знает о своей конечности (биологической смерти) и в этом плане – о каком-то неисправимом “несовершенстве” мира. Знание об этом подчас настолько потрясает человека, что он живет в растерянности» [1, с. 65]. Именно своим биосоциальным бытием индивид осмысливает и переживает остроту глубоких социально-экономических, военно-политических и нравственно-этических противоречий социальной реальности, порождаемых процессом перехода от однополярной глобализации к многополярной [2]. В результате такой противоречивой динамики бытия современного общества, о чем пишут О.В. Овчинников и А.Г. Деменев, у человека любой национальности, пола, профессии и вероисповедания усиливаются чувства одиночества, страха, тревоги за свое будущее, т. е. усугубляется экзистенциальное напряжение [3].

Экзистенция является, как известно, феноменом *напряженного* внутреннего мира человека [4], оказавшегося в безвыходном положении, перед тяжелым выбором совершения или не совершения действия, связанным с возможной гибелью, как у солдата на фронте, который толкает его на неожиданные, порой бессмысленные или героические действия. Конкретные проявления экзистенции индивида не всегда возможно рационально объяснить. Поэтому особенности проявлений и динамика экзистенциальной сущности человека наиболее

четко раскрываются в художественной литературе (Ф. Достоевский, Н. Гоголь, А. Платонов, Дж. Сэлинджер, К. Гамсун, С. Беккет и др.), скульптуре и живописи (Микеланджело Буонарроти, М. Врубель, В. Ван Гог, Э. Мунк, Д. Волл), психоанализе (З. Фрейд, К. Юнг, Э. Фромм и др.).

Однако следует отметить, что формы экзистенциальной сущности человека в произведениях искусства имеют образное выражение и, следовательно, лишены понятийного раскрытия и нуждаются в философском анализе. Философия, исследуя изобразительные, литературные и психологические произведения экзистенциального содержания методами герменевтики, феноменологии, а также психологии [5–9], более четко выявляет объективную универсальную сущность экзистенции и ее внешние проявления.

К сожалению, в имеющихся современных философских исследованиях экзистенциализма, несмотря на их глубину и разносторонность, в основном анализируются уже образовавшиеся формы *вне их динамики*. Так как экзистенция человека есть, *прежде всего*, его внутреннее напряжение, душевная боль, то, естественно, человек ищет способы выхода из данного состояния. Но диалектика преодоления индивидом своей экзистенции в современной философии экзистенциализма также недостаточно изучена. В настоящей работе осуществляется попытка устранения этих недоработок посредством выделения и исследования факторов в бытии индивида, детерминирующих генезис его экзистенции и оказывающих помощь в «снятии» экзистенциального напряжения.

Экзистенция как аспект самосознания

Экзистенция человека является, как отмечали классики экзистенциализма, *осознаваемым* миром негативных переживаний и страданий, особой чувственно-психологической частью его самосознания. Еще К. Ясперс писал, что экзистенция «становится доступной в понимаемости (Verstehbarkeit), <...> она сама есть процесс самопонимания (Sichverstehen),

а именно так, что только на границе понимаемого она вновь с изначальностью выходит навстречу себе самой» [10, с. 14, 28–30]. Только таким образом индивид осознает внутреннюю форму своего существования, своего одиночества.

Согласно Ж.П. Сартру, именно в *самосознании* заключается исходный пункт человеческой экзистенции: «В исходной точке не может быть никакой другой истины, кроме: “Я мыслю, следовательно, существую”. Это абсолютная истина сознания, постигающего себя» [11, с. 335]. Следовательно, экзистенция не относится к сфере «давления темных материй существования-тревоги», т. е. иррационального, бессознательного, как, например, считает М. Гордон [12, с. 122].

Как бы человек ни был существом общественным и его существование ни было связано со способностью мыслить и общаться с другими, его сознание с неизбежностью остается во власти внутреннего мира одиночества. Он более четко осознает себя через собственные постоянно воспроизводимые негативные эмоции, переживания и страдания, т. е. благодаря экзистенции. К. Ясперс писал: «Из возможности экзистенции я живу; лишь в ее осуществлении я бываю самим собой» [10, с. 4]. Следовательно, можно утверждать, что не бывает индивида без экзистенции. К.Г. Юнг также отмечал, что от одиночества «не избавит никакое успешное приспособление и никакое беспрепятственное прилаживание к существующему окружению, а также ни семья, ни общество, ни положение» [8, с. 193]. Именно в минуты неудач, несчастья мысли человека направляются во внутрь, он более отчетливо обнаруживает себя в себе, т. е. собственную экзистенцию.

Экзистенция имеет различные динамично изменяющиеся содержание, структуру и направленность, определяемые как внешними, так и внутренними морально-этическими и ценностными осознанными человеком факторами. Мысль индивида о бессмысленности и бесперспективности того, чем он занимается, понимание своих отношений с внешним окружением как абсурд усиливают экзистенцию. Ее динамика определяется нерешенными проблемами между

индивидом и социальной средой, которые постоянно преследуют человека. Поэтому, как писал К.Г. Юнг: «человеческий же дух кругом увяз в диковинных противоречиях» [8, с. 192]. В таких ситуациях в душе индивида усиливается давление темных материй подсознательного, проявляющееся в иррациональных тревогах, депрессиях, отчаянии и страхе. Эти феномены человеческой психологии суть *лишь предпосылки* рождения человеческой экзистенции, которое обусловлено *осознанием* им своих негативных психологических состояний, стремлением индивида *найти связь* иррационального с сознанием. Сартр утверждает: «именно в *моем* субъекте я беспокоюсь, и, однако, это беспокойство “для-меня” открывает мне бытие, которое есть *мое* бытие, не являясь для меня» [13, с. 246]. Как пишет С. Ханскомб: «экзистенциальные проблемы могут всегда осмысленно восприниматься как факторы, влияющие на поведение, несмотря на наш возраст или опыт» [14, с. 171].

Действительно, экзистенция заключается в мыслях индивида об абсурдности его жизни, нигилистическом отношении к самому себе и давящему на него внешнему миру, она есть результат глубоких противоречий в человеческом сознании, вызывающих душевно-психологическое угнетение, страдание и дискомфорт. Экзистенция, будучи психологическим состоянием, отнюдь не является психической болезнью, однако ее усиление может привести к нарушению психики экзистенциального человека [8; 9; 15]. Экзистенцию индивида, в поведении и мышлении которого отсутствует воля к поиску выхода из экзистенциального напряжения, способную привести его к психической болезни или толкнуть на путь поиска смерти, мы предлагаем обозначать как *пессимистическую, негативную экзистенцию*.

В душе человека, как свидетельствуют работы классиков психоанализа и экзистенциализма, имеет место такое экзистенциальное содержание, которое следует определять как *позитивное*. Например, еще до четкого оформления экзистенциализма как самостоятельного фило-

софского направления, К.Г. Юнг, раскрывая особенности психологических переживаний человека, отмечает, что психологический процесс поиска преодоления душевно-психологических противоречий «в себе-для-себя» может способствовать эволюции мышления индивида и его социальному развитию [9, с. 193–194].

Позитивная экзистенция получает свое конкретное философское раскрытие в работе А. Камю «Миф о Сизифе. Эссе о абсурде». В ней автор выявляет и анализирует такие оптимистические оттенки в экзистенции индивида, как страстное желание и практическое стремление перебороть абсурдность жизни. «Итак, я вывожу из абсурда три следствия, каковыми являются мой бунт, моя свобода и моя страсть. Одной лишь игрой сознания я превращаю в правило жизни то, что было приглашением к смерти, и отвергаю самоубийство» [16, с. 267]. Людей умеющих и способных бороться с абсурдом жизни Камю уподобляет Эдипу и Сизифу. Называя последнего «пролетарием богов», он пишет: «Ясность видения, которая должна быть его мукой, обращается в его победу. Нет судьбы, которую не превозмогло бы презрение» [16, с. 306]. Из рассуждений вытекает, что позитивная экзистенция есть умение вытерпеть душевную и физическую боль ради сохранения жизни и достижения цели, которая может быть очень трудной и отдаленной, как у Иисуса или воина, идущего в атаку.

Ж.П. Сартр в работе «Экзистенциализм – это гуманизм» (1946), не обозначая как позитивную, показывает положительные тенденции как в экзистенции, так и в экзистенциализме. Согласно философу, экзистенциалистский гуманизм напоминает человеку, «что нет другого законодателя кроме него самого, в заброшенности он будет решать свою судьбу; ...что реализовать себя по-человечески человек может не путем погружения в самого себя, но в поиске цели вовне, которой может быть освобождение или еще какое-нибудь конкретное самоосуществление» [11, с. 343].

Диалектика генезиса и динамики экзистенции

И негативная, и позитивная экзистенция человека как его самооценка, переживаемая

через отношение других к его персоне, имеет свои порождающие основания, этапы становления и эволюции. В литературе по экзистенциализму эти аспекты экзистенции, на наш взгляд, мало исследованы, имеющиеся мысли по этому вопросу требуют систематизации. Но, как справедливо отмечает Г.П. Меньчиков, «не единственным, но доминирующим видом детерминации у любого человеческого существа являются так называемые экзистенциальные детерминации» [1, с. 64].

Что представляют собой детерминанты экзистенции? Прежде всего, это – совокупность отношений, взаимодействий индивида с близкими и неблизкими ему людьми, т. е. социальные коммуникации. К. Ясперс писал: «Коммуникация есть исток экзистенции; <...> Я не могу стать собой, не вступая в коммуникацию, и не могу вступить в коммуникацию, не будучи одинок» [10, с. 64, 65].

Но коммуникация имеет поступательные этапы формирования и разное содержание и направленности, определяемые нравственными, эстетическими, религиозными и иными мировоззренческими ценностями и материальными интересами агентов взаимоотношений. Позитивный или негативный характер, уровень коммуникации индивида и направленности его активности от себя или в себя определяют особенности экзистенции, ее содержание и структуру. На основании изучения и анализа трудов классиков философии экзистенциализма и исследований психологического развития ребенка К.Г. Юнга, Ж. Пиаже, Л. Выгодского и других видных ученых психологов мы приходим к выводу о *социально-психологической природе генезиса и сущности экзистенции человека*. Такая природа экзистенции проявляется на исходном этапе рождения экзистенции.

1. *Начальный этап экзистенции* определяется *непосредственным социальным окружением* подрастающего и начинающего осознавать свое «Я» ребенка. Как показало психоаналитическое исследование появления конфликта души ребенка, проведенное Карлом Юнгом, он на первоначальном этапе формирования комму-

никации начинает входить в мир «взрослых» и сталкивается со страхом быть покинутым своими родителями, с пугающей его неизвестностью, с неведением и вопросами, на которых взрослые почему-то не дают удовлетворительного ответа. В нем появляется экзистенция эгоизма, ревность к только что родившемуся братику или сестренке, мысль о том, что он больше не любим. В ребенке формируется сопротивление к изменениям ситуации в семье, возникают экзистенция одиночества, недоверие к взрослым и внутренний протест. Экзистенциальное обостряется в противопоставлении себя как индивида другому, усугубляется при столкновении с неоднозначностью окружающего его мира [8, с. 11–40; 17].

2. *Эволюция экзистенции продолжается с выходом ребенка за рамки привычного родительского пространства*, когда независимо от его воли и желаний и по не понятной ему причине происходит расширение его коммуникационного пространства. Особенности динамики экзистенции данного этапа можно встретить в рассказе русского экзистенциального писателя А. Платонова «Еще мама» [18]. В нем автор показывает, как при выходе за рамки своей семьи у ребенка происходит расширение и углубление начального этапа экзистенции. Для героя, оказавшегося вне поля зрения своих родителей, неопределенность наступающего будущего как «чуждого» ему мира вызывает страх, вынуждает его на самостоятельное принятие решения как поступать, в нем рождается неуверенность. Его страх и неуверенность соединяются с мыслью о *заброшенности*. Ребенку кажется, что он никому не нужен, не имеет никакой поддержки и помощи.

3. *Следующий этап* эволюции и усложнения экзистенции индивида определяется *противоречиями между ребенком и «другими»*, такими как взаимное непонимание, неприятие, которые постоянно возникают в процессе всего периода расширения и усложнения его взаимоотношений с изменяющимся внешним миром. Человек начинает понимать, что другая личность, какой бы она ни было близкой, всегда

остается не полностью понятой им. Как писал А. Камю: «судя по всему, другой человек всегда остается для нас непознанным, в нем всегда есть нечто не сводимое к нашему познанию, ускользающее от него» [19, с. 228].

4. *Одним из важных факторов динамики экзистенции является свобода выбора, свобода воли*, требующая от индивида смелости, самостоятельности и готовности нести ответственность за свое решение. Именно в процессе дальнейшего расширения и усложнения социальных связей и отношений перед человеком возникает необходимость сделать выбор, проявить самостоятельность, т. е. свою волю. Динамика социальных связей приводит подрастающего индивида к столкновению со все новыми чужими ему людьми, что порождает перед ним нескончаемые проблемы и неожиданные противоречия. Необходимость проявлять в таких случаях самостоятельность пробуждает в человеке страх, неуверенность в себе и побуждает к «бегству от свободы» (Э. Фромм). Поэтому Ж.П. Сартр считал, что столкновение с необходимостью выбора является одним из оснований генерации экзистенции индивида [11, с. 334–335].

5. *В качестве следующего детерминанта формирования экзистенции можно рассматривать несоответствие внешней формирующейся системы коммуникации*, в которую включается индивид, его ожиданиям и духовным ценностям. В этом случае экзистенция в человеке возрождается как нигилистическое отношение к своему окружению, внутренний протест, ненависть к существующей и противной ему реальности. Она предстает как уход в себя, как падение индивида в пропасть при отсутствии в нем желания и стремления изменить эту реальность, что проявляется в поступках и действиях экзистенциального человека. Такую экзистенцию в душе Холдена Колфилда, героя романа «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера очень тонко раскрывает словами другого персонажа мистера Антолини: «Пропасть, в которую ты летишь, – ужасная пропасть, опасная. Тот, кто в нее падает, никогда не почувствует дна.

Он падает, падает без конца. Это бывает с людьми, которые в какой-то момент своей жизни стали искать то, чего им не может дать их привычное окружение. Вернее, они думали, что в привычном окружении они ничего для себя найти не могут. И они перестали искать. Перестали искать, даже не делая попытки что-нибудь найти...» [20, с. 176].

6. В пробуждении экзистенции человека особую роль играет *онтология времени*. Человек изменяется во времени, в трудные моменты жизни к нему приходят мысли, что она бесцельно и бессмысленно утекает как вода между пальцами. В этом стремительном потоке времени происходит накопление груза памяти больше о неприятных случаях в прошлом, чем о положительных. Как пишет Сартр: «сознание противопоставлено своему прошлому и будущему как находящееся перед собой, которое существует в способе небытия; это отсылает нас к ничтожащей структуре временности» [13, с. 71]. Чувство и мысль индивида о невозможности избавиться от неприятных воспоминаний, остановить или замедлить время, которое стремительно ведет к неминуемой смерти, также способствуют постоянному возрождению экзистенции.

Время как экзистенциальная причина, давящая на душу человека и вызывающая внутреннее беспокойство, как показатель быстротечности жизни по сравнению с механистичной неизменностью окружающего мира вещей и немой свидетель прошлых ошибок и грехов, получило яркое отражение в упомянутом выше романе Дж. Сэлинджера. Его главный герой, юноша Холден не может избавиться от неприятных и угнетающих эпизодов своего прошлого. В наступившем настоящем происходит не то, чего он ожидал и на что он надеялся.

Однако время для сформировавшегося экзистенциального человека выступает как ничто, небытие Сартра [13, с. 43–43]. Такое время подчеркивает абсурдность жизни «лишнего человека», как Евгений Онегин А.С. Пушкина, Печорин М.Ю. Лермонтова, или людей, отверженных обществом, как персонажи пьесы С. Беккета «В ожидании Годо» [21]. Ее герои Владимир

(Диди) и Эстрагон (Гого) ждут некоего Годо, которого никогда не видели, но надеются, что встреча с ним принесет им что-то хорошее. Они замечают только день и наступление вечера, но не знают, сколько дней или месяцев ждут этого Годо. Персонажи рассуждают о самоубийстве как об обыденном действии.

Проблемы преодоления экзистенции

Преодоление экзистенции не означает избавление от нее, ибо это невозможно, т. к. она есть осознаваемый внутренний мир индивида, его бурлящая душа, ищущая себя, достойного места среди других. Диалектическое «снятие», или преодоление, экзистенции является лишь смягчением ее воздействия на поведение человека.

Общеизвестно, что в своих исследованиях А. Камю выделяет два альтернативных способа преодоления индивидом своей экзистенции – или смерть, или Сизифов труд. Естественно, что любой человек пытается преодолеть, перебороть или смягчить свою экзистенциальную напряженность.

Согласно А. Камю, поиск смерти как спасение от экзистенции, объективной абсурдности жизни является результатом безразличия окружающих людей к судьбе индивида, как показано в его повести «Посторонний» и пьесе «В ожидании Годо» С. Беккета. Этот путь можно обозначить как негативный-пессимистический.

Другой способ диалектического снятия экзистенциального напряжения – это активный поиск индивидом смысла в своем, казалось бы, бессмысленном положении, который сравним с Сизифовым трудом – как сочетание тяжелого труда с надеждой на победу над безнадежностью. «Одной борьбы за вершину достаточно, чтобы заполнить сердце человека. Сизифа следует представлять себе счастливым» [16, с. 308]. Согласно Камю, образы Сизифа и Эдипа доказывают, что индивид сможет «преодолеть», т. е. смягчить, свою экзистенцию лишь тогда, когда он борется с бессмысленностью жизни, свою судьбу превращает в дело рук своих. Однако такое преодоление носит *индивидуалистический* характер, в котором отсутствует роль со-

циума, да и не у всех бывает такой сильный характер, внутренняя воля, как у вышеназванных образов.

Другим путем преодоления экзистенциального напряжения является религия. В ней верующий человек экзистенциальную боль, страдания связывает со своей греховностью перед Богом. В молитве, в исповеди перед священником он признает грехи, принимает страдания как божье испытание и искренне верит, что Всевышний простит его грехи, не оставит его в одиночестве перед испытаниями судьбы и его жизнь приобретет смысл в Боге. Таким образом, человек в вере осознанно принимает путь страдания как способ преодоления своей экзистенциальной напряженности. Верующий экзистенциальный человек в отличие от Сизифа и Эдипа, принимая страдание, надеется не только на свое терпение и силу воли, но, прежде всего, – на Господа. Верующий человек, опираясь на основные принципы своей религии, экзистенциальные напряжения души направляет в позитивное русло [22].

Диалектическое «снятие» экзистенции становится проблемой не только индивида, но и коллектива, в котором экзистенциальное напряжение как социально-психологический феномен выступает причиной возможных конфликтов. Экзистенция образуется и усиливается в душе любого человека, если в коллективе, социальной среде, где он находится, господствуют безразличие, скрытая конкуренция и враждебность. Коммуникации скрытого или явного негативного характера, возрождая и усиливая экзистенцию в самосознании членов коллектива, создают в нем напряженную психологическую атмосферу. В подобных случаях *гуманизация социально-психологических отношений* в обществе выступает наиболее эффективным способом преодоления экзистенциальной напряженности.

Проявление любви, заботы и уважения в социуме разного уровня восстанавливает духовную связь индивидов друг с другом, порождая в каждом из них понимание своей востребованности близкими и коллективом. В качестве

примера может служить случай с Холденом, героем ранее упомянутого романа Дж. Сэлинджера. Неподдельное проявление искренней привязанности и сестринской любви Фиби к Холдену оказывает на него сильное психологическое воздействие. Он «вдруг стал такой счастливый, оттого что Фиби кружилась на карусели. Чуть не ревел от счастья, если уж говорить всю правду» [20, с. 196]. Благодаря психологическому воздействию поступка сестры у Холдена исчезают весь нигилизм, сознание своей никчемности, неприязнь к другим, в нем происходит «снятие» экзистенциальной напряженности. Другим примером могут служить взаимоотношения Диди и Гого из пьесы «В ожидании Годо» С. Беккета. Они в какой-то мере поддерживают друг друга, нуждаются друг в друге.

Этот и другие примеры свидетельствуют, что *человеколюбие* во взаимоотношениях в любом социуме, оказание психоаналитической помощи индивиду помогают ему снижать экзистенциальную напряженность, преодолевать одиночество и способствуют поиску выхода из экзистенции.

Заключение

Несмотря на большое количество глубоких и разносторонних современных философских исследований экзистенциализма почти на всех континентах, еще остается множество вопросов о природе, поступательной динамике и формах проявления экзистенции. Задачи по определению негативных и позитивных сущностей экзистенции и более конкретное раскрытие ее социально-психологической природы остаются недостаточно изученными темами философии экзистенции. В представленной работе на основе биосоциальной природы человека, психоаналитических исследований К.Г. Юнга, концепции К. Ясперса об определяющей роли коммуникации в образовании экзистенциального мира человека и современных публикаций мы пришли к выводу о социально-психологической сущности экзистенции индивида, ее всеобщности и объективности возникновения.

Следующим достижением данного исследования, на наш взгляд, является выявление

основных детерминантов экзистенциального мира личности. Но мы считаем, что объем образующих экзистенцию факторов не исчерпывается теми, что были выделены. Представленную работу следует рассматривать как начало философского исследования в этом направлении. Важным и актуальным результатом следует считать также постановку вопроса о возможных *способах и диалектике преодоления*, или «снятия», *экзистенциального напряжения* индивида.

Под влиянием цифровизации жизненного мира человека, социально-политических, военных, техногенных и иных катаклизмов, как COVID-19, обостряются и позитивный, и негативный типы экзистенции человека [23; 24]. Однако в современной экзистенциальной философии до сих пор остается малоисследованной проблемой выявление и анализ форм, типов эк-

зистенции, способов «диалектического снятия» индивидом своего экзистенциального напряжения и роль социальной среды в этом процессе.

Общеизвестно, что, как раскрыли классики экзистенциализма, экзистенция является неотъемлемой частью человеческого бытия, способом обнаружения человеком своих индивидуальности и способностей через душевную боль и страдания, через борьбу с внутренними противоречиями и проблемами, с внешней средой. В современном цивилизованном и демократическом обществе любой индивид имеет неповторимую ценность по принципу: «каждый человек незаменим». По этой причине исследование по выявлению и анализу факторов и способов «снятия» экзистенциального напряжения имеет огромное гуманистическое и цивилизационное значение.

Список литературы

1. *Меньчиков Г.П.* Сущность человека: классический, неклассический и неоклассический дискурс // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 1. С. 61–72. DOI: [10.17238/issn2227-6564.2018.1.61](https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2018.1.61)
2. *Махаматов Т.М.* От эпохи глобализации к неглобализации: Культурно-цивилизационный аспект // Век глобализации. 2017. № 4(24). С. 55–61.
3. *Овчинников О.В., Деменев А.Г.* Философия насилия: взаимодействие социального и биологического // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 1. С. 128–135. DOI: [10.17238/issn2227-6564.2019.1.128](https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2019.1.128)
4. *Аганов О.Д.* Феномен жертвенности: философско-антропологическая интерпретация // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. № 1. С. 92–100. DOI: [10.37482/2687-1505-V078](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V078)
5. *Joseph F., Reynolds J.* Existentialism, Phenomenology and Philosophical Method // The Continuum Companion to Existentialism / ed. by F. Joseph, J. Reynolds, A. Woodward. London: Continuum International Publishing Group, 2011. P. 15–35.
6. *Reynolds J., Stokes P.* Existentialist Methodology and Perspective: Writing the First Person // The Cambridge Companion to Philosophical Methodology / ed. by G. D'Oro, S. Overgaard. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 317–336.
7. *Roy M.* Phenomenological Existentialism // Think. 2010. Vol. 9, № 24. P. 51–63. DOI: [10.1017/S1477175609990224](https://doi.org/10.1017/S1477175609990224)
8. *Юнг К.Г.* О конфликтах детской души // Юнг К.Г. Конфликты детской души. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2021. С. 5–40.
9. *Юнг К.Г.* О становлении личности // Юнг К.Г. Конфликты детской души. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2021. С. 185–208.
10. *Ясперс К.* Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2021. 448 с.
11. *Сартр Ж.П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов: сб. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.
12. *Marino G.* The Existentialist's Survival Guide: How to Live Authentically in an Inauthentic Age. N.Y.: Harper Collins Publishers, 2018. 260 p.

13. *Сартр Ж.П.* Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2004. 639 с.
14. *Hanscomb S.* Contemporary Existentialist Tendencies in Psychology // Phenomenology and Psychological Science. History and Philosophy of Psychology / ed. by P.D. Ashworth, M.C. Chung. N.Y.: Springer, 2006. P. 169–196.
15. *Ratcliffe M., Broome M.* Existential Phenomenology, Psychiatric Illness, and the Death of Possibilities // The Cambridge Companion to Existentialism (Cambridge Companions to Philosophy) / ed. by S. Crowell. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 361–382.
16. *Камю А.* Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов: сб. М.: Политиздат. 1989. С. 222–318.
17. *DeRobertis E.M.* The Whole Child: Selected Papers on Existential Humanistic Child Psychology. Create Space Publishing, 2012. 185 p.
18. *Платонов А.П.* Еще мама // Собр. соч.: 3 т. Т. 3. М.: Сов. Россия. 1985. С. 234–240.
19. *Камю А.* Сочинения. М.: Изд-во полит. литературы, 1990. 416 с.
20. *Сэллинджер Дж.* Над пропастью во ржи // *Сэллинджер Дж.Д., Воннегут К.* Над пропастью во ржи; Выше стропила, плотники; Колыбель для кошки; Бойня номер пять, или Крестовый поход детей: повести: рассказы: романы: пер. с англ. М.: Радуга, 1983. С. 25–192.
21. *Беккет С.* В ожидании Годо // Драматурги – лауреаты Нобелевской премии: сб. М.: Панорама, 1998. С. 268–343.
22. *Orekhovskaya N.A., Chistyakov A.A., Kryukova N.I., Krokchina Ju.A., Ospennikov Yu.V., Makarova E.V.* Orthodoxy and Modernity: Their Contact Facets in Russian Society // Eur. J. Sci. Theol. 2019. Т. 15, № 2. С. 67–77.
23. *Звездин Л.А.* К горизонтam ментальности человека в континууме медиа // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 1. С. 100–110. DOI: [10.37482/2687-1505-V159](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V159)
24. *Алексеев А.П., Алексеева И.Ю.* Судьба интеллекта и миссия разума: философия перед вызовами эпохи цифровизации: моногр. М.: Проспект, 2021. 288 с.

References

1. Men'chikov G.P. Human Essence: Classical, Non-Classical and Neo-Classical Discourse. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 1, pp. 61–72. DOI: [10.17238/issn2227-6564.2018.1.61](https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2018.1.61)
2. Makhamatov T.M. Ot epokhi globalizatsii k neoglobalizatsii: Kul'turno-tsivilizatsionnyy aspekt [From the Era of Globalization to Neo-Globalization: Cultural and Civilizational Aspect]. *Vek globalizatsii*, 2017, no. 4, pp. 55–61.
3. Ovchinnikov O.V., Demenev A.G. The Philosophy of Violence: Interaction Between the Social and the Biological. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 1, pp. 128–135. DOI: [10.17238/issn2227-6564.2019.1.128](https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2019.1.128)
4. Agapov O.D. The Phenomenon of the Spirit of Sacrifice: A Philosophical-Anthropological Interpretation. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, no. 1, pp. 92–100. DOI: [10.37482/2687-1505-V078](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V078)
5. Joseph F., Reynolds J. Existentialism, Phenomenology and Philosophical Method. Joseph F., Reynolds J., Woodward A. (eds.). *The Continuum Companion to Existentialism*. London, 2011, pp. 15–35.
6. Reynolds J. Stokes P. Existentialist Methodology and Perspective: Writing the First Person. D'Oro G., Overgaard S. (eds.). *The Cambridge Companion to Philosophical Methodology*. Cambridge, 2017, pp. 317–336.
7. Roy M. Phenomenological Existentialism. *Think*, 2010, vol. 9, no. 24, pp. 51–63. DOI: [10.1017/S1477175609990224](https://doi.org/10.1017/S1477175609990224)
8. Jung C.G. O konfliktakh detskoy dushi [About the Conflicts of a Child's Soul]. Jung C.G. *Konflikty detskoy dushi* [Conflicts of a Child's Soul]. Moscow, 2021, pp. 5–40.
9. Jung C.G. O stanovlenii lichnosti [The Development of Personality]. Jung C.G. *Konflikty detskoy dushi* [Conflicts of a Child's Soul]. Moscow, 2021, pp. 185–208.
10. Jaspers K. *Filosofiya. Kniga vtoraya. Prosvetlenie ekzistentsii* [Philosophy. Book Two. Illumination of Existence]. Moscow, 2021. 448 p.
11. Sartre J.-P. Ekzistentsializm – eto gumanizm [Existentialism Is a Humanism]. *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow, 1989, pp. 319–344.

12. Marino G. *The Existentialist's Survival Guide: How to Live Authentically in an Inauthentic Age*. New York, 2018. 260 p.
13. Sartre J.-P. *L'être et le néant: Essai d'ontologie phénoménologique*. Paris, 1943. 722 p. (Russ. ed.: Sartr Zh.P. *Bytie i nicto: opyt fenomenologicheskoy ontologii*. Moscow, 2004. 639 p.).
14. Hanscomb S. Contemporary Existentialist Tendencies in Psychology. Ashworth P.D., Chung M.C. (eds.). *Phenomenology and Psychological Science. History and Philosophy of Psychology*. New York, 2006, pp. 169–196.
15. Ratcliffe M., Broome M. Existential Phenomenology, Psychiatric Illness, and the Death of Possibilities. Crowell S. (ed.). *The Cambridge Companion to Existentialism*. Cambridge, 2012, pp. 361–382.
16. Camus A. Mif o Sizife. Esse ob absurde [The Myth of Sisyphus. An Essay About the Absurd]. *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow, 1989, pp. 222–318.
17. DeRobertis E.M. *The Whole Child: Selected Papers on Existential-Humanistic Child Psychology*. Create Space Publishing, 2012. 185 p.
18. Platonov A.P. Eshche mama [Another Mom]. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow, 1985, pp. 234–240.
19. Camus A. *Sochineniya* [Works]. Moscow, 1990.
20. Salinger J. Nad propast'yu vo rzhi [The Catcher in the Rye]. Salinger J., Vonnegut K. *Nad propast'yu vo rzhi; Vyshe stropila, plotniki; Kolybel' dlya koshki; Boynya nomer pyat', ili Krestovyy pokhod detey* [The Catcher in the Rye; Raise High the Roof Beam, Carpenters; Cat's Cradle; Slaughterhouse-Five, or, The Children's Crusade]. Moscow, 1983, pp. 25–192.
21. Becket S. V ozhidanii Godo [Waiting for Godot]. *Dramaturgi – laureaty Nobelevskoy premii* [Playwrights – Winners of the Nobel Prize]. Moscow, 1998, pp. 268–343.
22. Orekhovskaya N.A., Chistyakov A.A., Kryukova N.I., Krokhina Ju.A., Ospennikov Yu.V., Makarova E.V. Orthodoxy and Modernity: Their Contact Facets in Russian Society. *Eur. J. Sci. Theol.*, 2019, vol. 15, no. 2, pp. 67–77.
23. Zvezdin L.A. The Horizons of Human Mentality in the Media Continuum. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 100–110. DOI: [10.37482/2687-1505-V159](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V159)
24. Alekseev A.P., Alekseeva I.Yu. *Sud'ba intellekta i missiya razuma: filosofiya pered vyzovami epokhi tsifrovizatsii* [The Fate of the Intellect and the Mission of the Mind: Philosophy Meeting the Challenges of the Era of Digitalization]. Moscow, 2021. 288 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V234

Tair M. Makhamatov

Financial University under the Government of the Russian Federation;
prosp. Leningradskiy 49, Moscow, 125993, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1166-4203> e-mail: makhamatov.tair@mail.ru

DIALECTICS OF THE EXISTENTIAL ESSENCE OF AN INDIVIDUAL

This article identifies and analyses key determinants of the creation of an individual's existential world. It substantiates the proposition that existence is an objective and universal phenomenon of the human soul, an integral part of the essence of humans as biosocial beings. Based on the works of such classical existentialists as J.-P. Sartre, K. Jaspers and A. Camus, luminaries of psychology C. Jung, J. Piaget and L.S. Vygotsky as well as existential writers F.M. Dostoevsky, J. Salinger, S. Becket, A. Platonov and Ch. Aitmatov and others, the paper defines existence as a conscious inner

For citation: Makhamatov T.M. Dialectics of the Existential Essence of an Individual. *Vestnik Severnogo Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 80–90. DOI: 10.37482/2687-1505-V234

world of an individual's experiences, primarily negative, i.e. one's fear, awareness of one's worthlessness, feeling of being unwanted, negative attitude of others, being ignored and not understood by others, etc. However, according to the author, there is also a positive existence, which consists in the willingness of an existential person to fight for his/her self-realization and self-affirmation, to be like Sisyphus. The author holds the viewpoint that an individual's existence is a result of a contradiction between his/her individuality, natural egoism and the requirements of the social environment, facing a person at every stage of socialization. The paper argues that, unlike S. Freud's unconscious, the irrational layer of the human psyche, existence is a factor of an individual's consciousness, an understanding of the contradictory attitude of the environment towards him/her. Another task of this article was to identify ways and forms of dialectical "overcoming" of existential tension. The author believes that the social environment, an atmosphere of indifference towards individuals or consideration for each person, a friendly or hostile atmosphere in a group of people play a decisive role in producing either a negative or a positive existence. Therefore, it is advisable to regularly conduct sociological surveys on the issues of existence within groups of people, strive to establish a friendly atmosphere, etc.

Keywords: *biosociality of an individual, existential essence, existence as self-consciousness, existence in art, dialectics of "overcoming" existence, religion in "overcoming" existence.*

Поступила 30.09.2022
Принята 12.12.2022
Опубликована 10.02.2023

Received 30 September 2022
Accepted 12 December 2022
Published 10 February 2023

УДК 111.1

DOI: 10.37482/2687-1505-V233

*ОЛЕЙНИК Варвара Андреевна, соискатель кафедры философии гуманитарных факультетов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Автор 5 научных публикаций, в т. ч. одной коллективной монографии**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8623-1584>

ПРОБЛЕМА КОРРЕЛЯЦИИ БЫТИЯ И ВРЕМЕНИ: ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ ФЕНОМЕНА БЫТИЯ-ВИНОВНЫМ В КОНЦЕПЦИИ DASEIN М. ХАЙДЕГГЕРА

В статье анализируется проблема корреляции бытия и времени в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. В рамках данной проблемы приводятся аргументы в пользу тезиса об онтологической роли экзистенциала бытия-виновным в вопросе соотношения смысла «бытия экзистенции» и «бытия вообще» в контексте фундаментальной онтологии. Методология статьи состоит из соединения двух подходов к анализу отношения бытия и времени в ранней философии М. Хайдеггера, которые применяет философ в своей системе: герменевтическом и феноменологическом. Феноменологическая методология раскрывается в качестве этапов феноменологической редукции феномена бытия-виновным. В связи с этим применяется герменевтическая методология в виде промежуточной интерпретации значений данного феномена, имплицитно содержащихся в этой философской системе. На основании полученных результатов производится последующая редукция указанных экзистенциальных значений, открывающая путь к обнаружению онтологической основы феномена бытия-виновным. В соответствии с рассуждениями М. Хайдеггера о бытии Dasein и проведенным в статье анализом выявляется онтологическая основа бытия-виновным, конституируемая посредством фундаментального для такой онтологии отношения между временностью Dasein и бытием Dasein. Тезис о временности Dasein восходит к проблеме конечности человеческого существования, которая в онтологическом смысле может быть зафиксирована в понимании ничтожности собственного бытия. Этот тезис выводит исследование на уровень проблем самого «Бытия и времени», где остается не продуманным изначально заявленный М. Хайдеггером смысл «бытия вообще» и ничто, лежащих в основании бытия Dasein. Исходя из этого дается вывод об актуальности проблемы основания в философии, которую ставят перед нами результаты исследования М. Хайдеггера, изложенные в «Бытии и времени».

Ключевые слова: фундаментальная онтология, корреляция, бытие, ничто, бытие-виновным, Dasein.

*Адрес: 119192, Москва, просп. Ломоносовский, д. 27, корп. 4; e-mail: varvara994@yandex.ru

Для цитирования: Олейник В.А. Проблема корреляции бытия и времени: онтологическая роль феномена бытия-виновным в концепции Dasein М. Хайдеггера // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 1. С. 91–98. DOI: 10.37482/2687-1505-V233

Введение

Фундаментальная онтология – философский проект, который руководствовался целью найти ответ на вопрос о смысле бытия. Исходный замысел автора – М. Хайдеггера – предполагал осуществить этот проект в трех разделах. Однако в свет вышли только первые два под названием «Бытие и время» [1, с. 121]. Верно пишет А.Б. Паткуль, что «Бытие и время» представляет собой именно онтологию, а не экзистенциальную философию, к которой часто причисляют данную работу [2]. Наша статья будет основываться на понимании философии М. Хайдеггера именно как онтологии, и на протяжении исследования мы постараемся удерживать этот ориентир. На наш взгляд, сильным аргументом в пользу данного положения может послужить анализ, который продемонстрирует связь между Dasein – центром экзистенциальной аналитики – и главным вопросом фундаментальной онтологии – смыслом бытия сущего. В связи с этим проблема корреляции, которую мы вынесли в заглавие статьи, акцентирует внимание на вышеозначенном важном аспекте.

«Проблема корреляции» является названием для нашего предположения о том, что исследование М. Хайдеггера натолкнулось на трудности в возможности определить характер и структуру онтологического отношения

бытия и времени. Если в статье мы будем понимать философию раннего М. Хайдеггера как онтологию, то необходимо иметь в виду, что отношение бытия и времени представлено в рамках экзистенциальной аналитики. Последняя представляла собой некоторую подготовку к исследованию основного вопроса фундаментальной онтологии и руководствовалась целью определить смысл бытия исключительного сущего – Dasein (экзистенции). Бытие и время в экзистенциальной аналитике представлены в контексте анализа структуры темпоральности бытия. Справедливо будет предположить, что темпоральность бытия Dasein не исчерпывает проблему онтологических характеристик времени в фундаментальной онтологии¹. В связи с этим мы предполагаем, что анализ временности бытия экзистенции Dasein позволит проявить некоторые проблемы фундаментальной онтологии, где основным было отношение «бытия вообще» и времени.

В ведущем положении своего проекта – о смысле бытия – М. Хайдеггер позиционирует бытие в качестве конечной цели. Оно полагается как единственный феномен данной онтологии и, как следствие, единственный источник любого смысла. В связи с этим может возникнуть вопрос, как может появиться смысл у самого бытия, если в основе любой смыслополагающей операции лежит это же самое бытие.

¹В постановке данного вопроса наше исследование опиралось на работу Ф.-В. фон Херрманна, ассистента М. Хайдеггера в поздний период творчества философа. Подобный тезис о главенствующем и структурообразующем для фундаментальной онтологии отношении между бытием вообще и временем как таковым присутствует в работе «Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля». Ф.-В. фон Херрманн полагает, что в фундаментальной онтологии отношение между бытием вообще и временем, которое не тождественно временности Dasein, заложено имплицитно. На этом предположении он центрирует весь свой анализ ранней хайдеггеровской философии. Согласно Ф.-В. фон Херрманну, *временность* как темпоральная структура *бытия* экзистенции Dasein обеспечена в фундаментальной онтологии особым типом отношения между бытием вообще и временем как определенной разомкнутостью, обеспечивающей экзистенции ее структуру и априорную доступность к бытию вообще и бытию сущего (предметов мира), в частности: «Этот взгляд на бытийную конституцию человека, на вот-бытие в человеке, как часто говорит Хайдеггер, составляет достижение феноменологически-онтологической аналитики вот-бытия. Она ведет к первому основному итогу бытийного вопроса: обладающая характером времени разомкнутость бытия-вообще, сохраняющаяся в экзистенциальной временности разомкнутой, и есть искомый смысл бытия. Это значит, что бытие как обладающая чертой времени разомкнутость (просвет) есть изначальноейшее, далее уже опрашиванию не поддающееся определение бытия как такового в его онтологической разнице с бытием-сущим всего сущего и его категориальной истолковываемостью» [3, с. 105].

Очевидно, что здесь имеется проблема рекурсии. Однако философ предвосхищает ее и сразу нейтрализует замечанием [4, с. 7–8], согласно которому смысл бытия может быть достигнут в контексте генуинного анализа темпоральности, т. е. времени [4, с. 17].

В вопросе о смысле бытия М. Хайдеггер делает акцент на бытии, а именно на выявлении бытия в его основополагающих чертах посредством тезиса об особом понимании бытия, присущем лишь экзистенции Dasein. Различая «смысл бытия» и «бытие», М. Хайдеггер вводит читателя в некоторое заблуждение относительно понимания этих феноменов, которое иногда истолковывают как языковую проблему². Однако М. Хайдеггер разделяет их с одной целью – найти исходную точку исследования в вопросе бытия. В качестве таковой выступает человек, единственный способный к подобного рода вопрошанию, послушник бытия, которого М. Хайдеггер, чтобы подчеркнуть его исключительность, именует Dasein.

Важно учитывать и особый статус самого понимания, о котором говорит М. Хайдеггер. Оно здесь становится онтологической характеристикой такого бытия как экзистенция, а потому приобретает дополнительное измерение в этой философии. Итак, первый этап фундаментальной онтологии, по М. Хайдеггеру, состоит в том, чтобы обнаружить характер связи бытия и бытия Dasein посредством экспликации ключевых черт, характеризующих локально бытие самого Dasein. Этот значимый для фундаментальной онтологии этап М. Хайдеггер называет экзистенциальной аналитикой.

Dasein

Dasein – это комплексный, достаточно сложноорганизованный феномен философии

М. Хайдеггера. Он описывает практически весь спектр возможных экзистенциальных характеристик³. Мы не будем погружаться в детальный анализ всех экзистенциалов, в терминологии М. Хайдеггера, а сосредоточимся на самом важном из них в рамках нашего исследования – виновности⁴.

Поясним, однако, в чем состоит преимущество Dasein в вопросе о смысле бытия:

1. М. Хайдеггер различает бытие и сущее, это различие – онтологическая дифференция – призвано центрировать анализ на первом феномене. В то же время различие требует нивелировать само себя, чтобы предотвратить коллапс онтологии. Утверждение Dasein в качестве привилегированного (Vorrang) сущего [4, с. 13] локально устраняет данную апорию. Будучи сущим, Dasein все же полностью поглощено бытием. Это исключительное сущее, поскольку имеет доступ к бытию посредством вопрошания о его смысле, т. е. благодаря возможности образования смысла как такового⁵.

2. Dasein – это имя для онтологии экзистенции. Последняя обладает круговой структурой. М. Хайдеггер не имеет цели преодолевать этот круг, поскольку утверждает его в качестве основания архитектоники экзистенции в принципе [4, с. 153]. Философ полагает описать такое бытие как бытие экзистенции во внимании к данной структурной особенности, наделяющей ее исключительностью в ряду другого сущего.

Хайдеггеровский анализ бытия экзистенции проводится по принципу деструкции. Она поэтапно «демонтирует» слои экзистентных частных, достигая онтологических основ структуры экзистенции – экзистенциалов. Результат деструкции – выявление более содержательного для этой онтологии слоя, что в кон-

²Этот упрек в алогизме хайдеггеровских понятий приводится, в частности, у Карнапа [5, с. 77–81].

³Анализ трудов раннего М. Хайдеггера через призму толкования его философии как экзистенциализма представлен в работах П.П. Гайдено [6; 7].

⁴Подробно структура экзистенциалов Dasein рассмотрена в статье «Темпоральное обоснование онтологической дифференции М. Хайдеггера: одновременность» [8].

⁵А.Б. Паткуль точно, на наш взгляд, называет эту способность к вопрошанию «глубинной артикуляцией бытия» [2, с. 38].

тексте экзистенции выражается в обнаружении бытия-виновным (Schuldigsein).

Этап установления бытия-виновным знаменует переход к основополагающему моменту, который соединяет магистральную линию фундаментальной онтологии (смысл бытия вообще) и онтологию Dasein (смысл бытия экзистенции). Изначальные различные бытие вообще и бытие экзистенции здесь находят свои точки соприкосновения. Аналитика экзистенции – нить Ариадны из длинной и запутанной «истории забвения бытия», которая по замыслу должна была вывести нас к «ясной как солнце» истине бытия. Однако эта нить завязана в круг, поскольку, как мы помним, экзистенция имеет структуру сущностного круга понимания [4, с. 153].

Его мы видим в определениях, тесно связанных с феноменом бытия-виновным. М. Хайдеггер определяет таковое через бытие-основанием, ничтожное бытие, которое возвращает нас к бытию-виновным [4, с. 282–285]. Рекурсивное дрейфование, в которое нас отправляет философ, постепенно вызывает некоторую тревогу за успех этого начинания и становится аргументом в пользу логического круга, отрицаемого М. Хайдеггером. Однако достаточно вспомнить, что фундаментальная онтология методологически основывается не только на феноменологии, но привлекает еще и практику герменевтической интерпретации (герменевтика фактичности) [1, с. 117].

Осторожность, с которой М. Хайдеггер относится к определению обнаруженных им экзистенциальных черт Dasein, является следствием стремления избежать очевидных толкований этих

феноменов. Расхожие интерпретации, определения понятий, являются частью проблемы, озаглавленной им как «история забвения бытия», на деструкцию которой в итоге и нацелен его проект.

Круг экзистенции – это герменевтический круг, круг извлечения, циркуляции, конфигурации и рефигурации смысла. Опыт герменевтического толкования феномена бытия-виновным, который мы можем здесь произвести, состоит в обнаружении нескольких смыслов понятий «вины» и «виновности», которыми оперирует М. Хайдеггер. Свобода интерпретации, оставленная для нас мыслителем, является особенностью его герменевтики. Таким образом, из онтологического и экзистенциального контекста, в который помещается анализ феномена бытия-виновным, мы можем понимать «вину» как причину в нескольких смыслах: 1) если принять во внимание преемственность вопроса о смысле бытия, пришедшего из древнегреческой философии, «вина» может иметь значение, как у Аристотеля⁶, причины-цели, которая приводится у последнего в связи с темой времени⁷; 2) тезис о том, что Dasein есть свое основание [4, с. 283], приводит анализ к соединению бытия-виновным с феноменом бытия-основанием и бытия-самостью, что позволяет толковать вину, как причину самой себя, собственной самости; 3) хайдеггеровское контекстуальное определение вины как причины (основания) подлинного бытия, которое придает дополнительное измерение смысла тезису о двух модусах бытия экзистенции (подлинное и неподлинное) и двух видах самости (подлинной самости и некто-самости)).

⁶О большом влиянии аристотелевской философии на становление некоторых положений «Бытия и времени» говорит Н.А. Артеменко в работе, посвященной хайдеггеровским лекциям об Аристотеле [9]. Также важная аналитическая работа есть у А.Г. Чернякова. Она посвящена проблемам изучения времени у Аристотеля, Э. Гуссерля и М. Хайдеггера [10].

⁷Аристотелевское «ради чего» проявляется в хайдеггеровской герменевтической игре смыслов в контексте определения «ради чего» экзистенции как временности – онтологического смысла бытия экзистенции. Ср.: «Далее – как в царя [сосредоточены] дела эллинов и вообще <...> в цели, а это и есть “ради чего”» [11, с. 127]. «Первичное “к-чему” есть ради-чего. А такое “ради” затрагивает всякий раз бытие присутствия, для которого в его бытии дело по сути идет об этом бытии» [4, с. 84]. Далее – [4, с. 143]. «В брошенности его бытия на ради-чего и вместе на значимость (мир) лежит разомкнутость бытия вообще. В бросании себя на возможности уже предвосхищено понимание бытия» [4, с. 147].

Философская герменевтика, согласно В.С. Малахову, отличается от герменевтики тем, что понимание выступает «не как способ познания, но как способ бытия» [12]. Герменевтика М. Хайдеггера стремится освободить феномены от экзистенциальных обертонов для достижения их подлинно онтологического смысла. Мыслитель не пытается, как мы уже видели выше, зафиксировать описываемые им феномены в строгой дефиниции. Напротив, философ дистанцируется от традиционного их понимания, не использует экзистенциальные характеристики и будто намеренно удерживает этот искусственно созданный семантический вакуум. Задача данной позиции состоит в удержании онтологической связи основание-самость-вина-ничто-время-бытие.

В рассматриваемом случае с толкованием бытия-виновным мы можем заметить, что де-струкция как методологический инструмент хайдеггеровской герменевтики предполагает на первом этапе обнаружение традиционных понятий, отказ от традиционного толкования и акцентирование особенности *самой связи* этих феноменов. Установленные нами возможные смыслы бытия-виновным, а также любые другие возможные интерпретации в равной степени правомерны и в равной степени индифферентны. Все эти интерпретации все еще связаны с традиционным пониманием экзистенции в качестве наличности и находятся в нейтральном положении относительно основной задачи «герменевтической феноменологии» [1, с. 117] – обнаружения смысла бытия экзистенции. Даже третья интерпретация – о подлинном и неподлинном – понимается здесь исходя из их корреляции, не затрагивая лежащего в их основании онтологического различия. Задача этого этапа состоит в том, чтобы сделать необходимым и неизбежным путь понимания экзистенции *только*

из связи между бытием-виновным, бытием-основанием и феноменом ничтожности.

Второй этап характеризуется «снятием» указанного нами «культурного слоя» в понимании экзистенции и ее бытия. Необходимость понимать из отношения бытия-основанием и бытия-виновным делает, во-первых, экзистенциальные толкования неактуальными и тем самым позволяет с формальной стороны замкнуть на себе интерпретативную систему Dasein-бытие. В этом случае мы следуем требованию понимать экзистенцию исключительно онтологически.

Во-вторых, подобный комплекс феноменов приводит к заключению, что экзистенция в онтологическом смысле является таким бытием, которое в принципе своего происхождения неизбежно является собственным основанием. Фатальная и роковая особенность требования экзистенции быть своим основанием состоит в том, что основание, из которого исходит и черпает свое бытие экзистенция, является ничтожным. Иными словами, экзистенция – это бытие, получающее смысл только из основополагающего, фундаментального, взаимного модифицирования бытия и ничто.

Тезис о ничтожном бытии экзистенции является онтологическим смыслом экзистенциальной проблемы смерти, конечности человеческого существования. Однако он не становится до конца исчерпывающе ясным. Выявленный феномен ничтожности основания, заложенного в бытии-виновным, и экзистенциальный смысл смерти получают единство в структуре временности, концептуально объединяющей все эти аспекты. Резюмируя все вышесказанное об экзистенции Dasein можно заключить, что экзистенция у М. Хайдеггера вбирает в себя проблематику взаимоотношений бытия и ничто⁸, объединяемую в качестве вопроса темпоральности бытия экзистенции.

Заключение

На утверждении временности в качестве онтологического смысла экзистенции Dasein

⁸Ср.: «Оно [бытие. – В.О.] в такой степени не есть “что-то” (т. е. сущее, предметное), что является его абсолютным отрицанием – ничто (Nichts). Постигание подобного рода тождественного ничто бытия вообще невозможно никакими средствами, включая и те, разработку которых Хайдеггер попытался осуществить в “Бытии и времени”» [1, с. 122].

и критикой вульгарного понятия времени у Гегеля заканчивается работа «Бытие и время». В связи с этим справедлива параллель А.В. Володина между хайдеггеровским *Dasein*, ничтожной экзистенцией и идеей Гегеля о несчастном сознании [13]. На самом деле, отношение бытия и ничто составляет центр онтологической проблематики бытия экзистенции. Экзистенциальной аналитикой М. Хайдеггер стремился преодолеть вульгарное понятие бытия как наличного сущего посредством выявления более genuinного отношения между бытием и временем. Фундаментальная онтология является проектом для реализации именно этой интенции.

Косвенным подтверждением нашего предположения может послужить свидетельство из курса лекций М. Хайдеггера под названием «Негативность». Здесь философ пишет, что мышление по природе своей вовлечено в тяжбу между бытием и ничто [14, с. 34–39]. Оно находится на границе двух этих миров, поскольку бытие экзистенции конечно. Смерть лежит неотчуждаемым клеймом на нашем мышлении, по этой причине мы способны понять всю глубину апоретичности проблемы под названием «время». Мышление сопричастно данному процессу растворения бытия в ничто и *возвращения* из ничто в бытие. Природа нашего мышления такова, что мы обречены на молчаливое и покорное (послушное) созерцание ужасающего процесса конфигураций модифицирования бытия и ничто. Однако это остается лишь экзистенциальной интерпретацией.

Экзистенциальная аналитика обозначила направление фундаментальной онтологии, но не достигла ее. Финальный аккорд «Бытия и времени» звучит во фразе «*время* само открывается как горизонт *бытия?*» [4, с. 437] и намекает нам на то, что бытие и ничто должны были быть выражены как частный случай проблемы времени [1, с. 122]. Возможность фундаментальной онтологии на этапе экзистенциальной аналитики натолкнулась на проблему, непреодолимую ее собственными методами. Тезис о ничтожном бытии поднимает проблему основания, преодоление этой проблемы – путь к онтологии, где обретается истинный смысл бытия.

Отношение между «бытием вообще» и «бытием экзистенции» в теоретическом смысле не завершено, что обнаружил проведенный нами анализ бытия-виновным и исконной ничтожности основания бытия экзистенции. Оно все еще несет в себе разрыв между бытием и сущим, поскольку онтологическая дифференция различает, содержательно не определяя основания для данного различия. Тезис о привилегированном сущем не позволяет преодолеть разрыв между онтическим и онтологическим, в терминологии М. Хайдеггера, т. е. определить сущее, исходя из бытия, а не наоборот. Вместе с тем утверждение об онтологическом преимуществе *Dasein* оставляет актуальной проблему основания в философии, т. к. не позволяет дать теоретически последовательное описание структуры региона(-ов) бытия, так называемого высшего сущего и интеллигибельных вещей⁹.

Список литературы

1. Михайлов А.А. Современная философская герменевтика: критич. анализ. Минск: Изд-во Университетское, 1984. 191 с.
2. Паткуль А.Б. Понятие экзистенции в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера // Вестн. СПбГУ. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2014. Вып. 1. С. 37–42.
3. Херрманн Ф.-В. фон. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля. Минск: Изд-во ЕГУ «Пропилеи», 2000. 192 с.

⁹В дальнейшем к данной проблеме М. Хайдеггер обратится в работе «Онто-тео-логическое строение метафизики» [15], где он будет раскрывать этот тезис на материале гегелевской философии.

4. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2006. 452 с.
5. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: становление и развитие (антология) / отв. ред. А.Ф. Грязнов. М.: Дом интеллект. кн., Прогресс-Традиция, 1998. С. 69–89.
6. Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность: проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 464 с.
7. Гайденко П.П. Учение Канта и его экзистенциалистская интерпретация // Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. М.: Республика, 1997. С. 254–289.
8. Олейник В.А. Темпоральное обоснование онтологической дифференции М. Хайдеггера: одновременность // Социум и власть. 2020. № 3(83). С. 30–39. DOI: [10.22394/1996-0522-2020-3-30-39](https://doi.org/10.22394/1996-0522-2020-3-30-39)
9. Артеменко Н.А. Хайдеггеровская «потерянная рукопись»: на пути к «Бытию и времени». СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2012. 128 с.
10. Черняков А.Г. Онтология времени: Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб.: Высш. религиоз.-филос. шк., 2001. 460 с.
11. Аристотель. Физика // Аристотель. Соч. Т. 3. М.: Мысль, 1981. С. 59–263.
12. Малахов В.С. Герменевтика // Нов. филос. энцикл. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHad6ab45a4895b125e87aad> (дата обращения: 15.09.2022).
13. Водолагин А.В. Тусклый свет экзистенции (Dasein-анализ в работах Г. Гегеля и М. Хайдеггера) // Вопр. философии. 2010. № 4. С. 144–151.
14. Хайдеггер М. Гегель. СПб.: Владимир Даль, 2015. 320 с.
15. Хайдеггер М. Онто-гео-логическое строение метафизики (о Гегеле). 1958. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000294/> (дата обращения: 15.09.2022).

References

1. Mikhaylov A.A. *Sovremennaya filosofskaya germenевтика: kriticheskiy analiz* [Modern Philosophical Hermeneutics: A Critical Analysis]. Minsk, 1984. 191 p.
2. Patkul' A.B. Ponyatie ekzistentsii v fundamental'noy ontologii M. Khaydeggera [The Concept of Existence in M. Heidegger's Fundamental Ontology]. *Vestnik SPbGU. Ser. 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie*, 2014, no. 1, pp. 37–42.
3. von Herrmann F.-W. *Der Begriff der Phänomenologie bei Heidegger und Husserl*. Frankfurt am Main, 1985 (Russ. ed.: fon Kherrmann F.-V. *Ponyatie fenomenologii u Khaydeggera i Gusserlya*. Minsk, 2000. 192 p.).
4. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen, 1993 (Russ. ed.: *Bytie i vremya*. St. Petersburg, 2006. 452 p.).
5. Carnap R. Preodolenie metafiziki logicheskimi analizom yazyka [Overcoming Metaphysics Through Logical Analysis of Language]. Gрязнов А.Ф. (ed.). *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie (antologiya)* [Analytical Philosophy: Formation and Development (Anthology)]. Moscow, 1998, pp. 69–89.
6. Gaydenko P.P. *Vremya. Dlitel'nost'. Vechnost': problema vremeni v evropeyskoy filosofii i nauke* [Time. Duration. Eternity: The Issue of Time in European Philosophy and Science]. Moscow, 2006. 464 p.
7. Gaydenko P.P. Uchenie Kanta i ego ekzistentsialistskaya interpretatsiya [Kant's Philosophy and Its Existentialist Interpretation]. Gaydenko P.P. *Proryv k transtsendentnomu: Novaya ontologiya XX veka* [A Breakthrough to the Transcendent: A New Ontology of the 20th Century]. Moscow, 1997, pp. 254–289.
8. Oleinik V.A. Temporal Justification of M. Heidegger's Ontological Differentiation: Simultaneity. *Sotsium i vlast'*, 2020, no. 3, pp. 30–39 (in Russ.). DOI: [10.22394/1996-0522-2020-3-30-39](https://doi.org/10.22394/1996-0522-2020-3-30-39)
9. Artemenko N.A. *Khaydeggerovskaya "poteryannaya rukopis'": na puti k "Bytiyu i vremeni"* [Heidegger's "Lost Manuscript": Towards Being and Time]. St. Petersburg, 2012. 128 p.
10. Chernyakov A.G. *Ontologiya vremeni: Bytie i vremya v filosofii Aristotelya, Gusserlya, Khaydeggera* [Ontology of Time: Being and Time in the Philosophies of Aristotle, Husserl, and Heidegger]. St. Petersburg, 2001. 460 p.
11. Aristotle. *Fizika* [Physics]. Aristotle. *Sochineniya* [Works]. Vol. 3. Moscow, 1981, pp. 59–263.
12. Malakhov V.S. *Герменевтика* [Hermeneutics]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Encyclopaedia of Philosophy]. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHad6ab45a4895b125e87aad> (accessed: 15 September 2022).

13. Vodolagin A.V. Tusklyy svet ekzistentsii (Dasein-analiz v rabotakh G. Gegelya i M. Khaydeggera) [The Dim Light of Existence (Daseinsanalysis in the Works of G. Hegel and M. Heidegger)]. *Voprosy filosofii*, 2010, no. 4, pp. 144–151.

14. Heidegger M. *Hegel*. St. Petersburg, 2015. 320 p. (in Russ.).

15. Heidegger M. *Onto-teo-logicheskoe stroenie metafiziki (o Gegele)* [The Onto-Theo-Logical Structure of Metaphysics (on Hegel)]. 1958. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000294/> (accessed: 15 September 2022).

DOI: 10.37482/2687-1505-V233

Varvara A. Oleynik

Lomonosov Moscow State University;

prosp. Lomonosovskiy 27, korp. 4, Moscow, 119192, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8623-1584> e-mail: varvara994@yandex.ru

CORRELATION BETWEEN BEING AND TIME: THE ONTOLOGICAL ROLE OF THE PHENOMENON OF BEING-GUILTY IN M. HEIDEGGER'S CONCEPT OF DASEIN

The article analyses the problem of correlation between being and time in the fundamental ontology of M. Heidegger. Within the framework of this problem, arguments are presented in favour of the thesis about the ontological role of the *existentiale* of being-guilty in terms of the correlation between the meaning of *Dasein's being* and the meaning of *being in general* in the context of fundamental ontology. The methodology of this article consists in combining two approaches to the analysis of the relationship between being and time in Heidegger's early philosophy, which he applies in his system: hermeneutic and phenomenological. The phenomenological methodology is presented here as the stages of the phenomenological reduction of the phenomenon of being-guilty. In this regard, the hermeneutic methodology is applied in the form of an intermediate interpretation of the meanings of this phenomenon, which are implicitly contained in this philosophical system. Based on the results obtained, a subsequent reduction of these existential meanings is made, which opens a way to discovering the ontological basis for the phenomenon of being-guilty. In accordance with Heidegger's reasoning about *Dasein's being* and the analysis carried out in this article, the author reveals the ontological basis for being-guilty, which is constituted through a fundamental for such an ontology relationship between *Dasein's temporality* and *Dasein's being*. The thesis about *Dasein's temporality* goes back to the problem of the finitude of human existence, which in an ontological sense can be fixed in the understanding of the insignificance of one's own being. This thesis takes the study to the level of the problems of *Being and Time*, where we find the initially stated by Heidegger and not thought out meaning of *being in general* and nothing, forming the basis for *Dasein's being*. Thus, the question of the *ground* in philosophy, which is put forward to us by the results of Heidegger's research in *Being and Time* remains relevant.

Keywords: *fundamental ontology, correlation, being, nothing, being-guilty, Dasein.*

Поступила 15.09.2022

Принята 30.11.2022

Опубликована 13.02.2023

Received 15 September 2022

Accepted 30 November 2022

Published 13 February 2023

For citation: Oleynik V.A. Correlation Between Being and Time: The Ontological Role of the Phenomenon of Being-Guilty in M. Heidegger's Concept of Dasein. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 91–98. DOI: 10.37482/2687-1505-V233

*ПОПОВА Ольга Дмитриевна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории России, историографии и источниковедения Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, профессор кафедры социологии. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. трех монографий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5131-7970>

ГОРНИЧНЫЕ, ДЕНЩИКИ, ПРАЧКИ И ДРУГАЯ ПРИСЛУГА В МИРЕ РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ РУБЕЖА XIX – XX веков

Рецензия на книгу: Верменко В.А., Жукова А.Е., Самарина Л.А., Семенов А.М., Семенова О.А. Прислуга в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: моногр. / отв. ред.: В.А. Верменко. Санкт-Петербург: Медиапапир, 2021. 572 с.

В статье рецензируется коллективная монография «Прислуга в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.». Автор рецензии указывает на то, что в книге всесторонне изучена проблема функционирования прислуги в пореформенной России. Монография опирается на большой пласт источников, содержит очень интересный фактический материал, ряд теоретических выводов, вносит серьезный вклад в осмысление социальных трансформаций России. Одновременно в рецензии отмечается актуальность рассматриваемых в монографии проблем, поскольку в современной России труд прислуги пользуется спросом, но данный сектор занятости пока так же слабо регулируем, как и в начале XX века.

Ключевые слова: *прислуга, модернизация, социальный слой, миграция, урбанизация, пореформенная Россия, повседневная жизнь.*

Изучение социальной структуры русского общества всегда было популярно в отечественной исторической науке. Советские исследователи рассматривали ее в плоскости эксплуататоры/эксплуатируемые, которая в рамках марксистско-ленинской идеологии делилась на помещиков/капиталистов и крестьянство/про-

летариат. Несомненно, такой подход является схематичными и не отражает сложной динамики России в пореформенный период. Страна после отмены крепостного права переживала колоссальные трансформации, которые были вызваны как стремительными процессами урбанизации и индустриализации, так и маргинали-

*Адрес: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46; e-mail: od-popova@mail.ru

Для цитирования: Попова О.Д. Горничные, денщики, прачки и другая прислуга в мире российской повседневности рубежа XIX – XX веков // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 1. С. 99–105. DOI: 10.37482/2687-1505-V243

защитой. Рецензируемая монография «Прислуга в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.» обращается к истории такого малоизученного социального слоя, как прислуга. Книга была подготовлена коллективом ученых Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина под руководством доктора исторических наук Валентины Александровны Веременико в рамках выполнения исследовательского проекта «Прислуга Российской империи в условиях модернизации социально-экономических отношений во второй половине XIX – начале XX в.».

Следует отметить, что в российской историографии это одно из первых исследований, обращенных непосредственно к данному сектору наемного труда в пореформенной России. В то время как в зарубежной историографии создан уже целый пласт работ, которые касаются различных аспектов: прислуга в доме знаменитых людей, няня как прислуга, отношения с прислугой. При этом ряд изысканий обращен к российскому материалу [1].

Актуальность рецензируемого исследования обусловлена еще тем, что сегодня в России рынок наемной домашней прислуги развивается стремительно. И как показывают современные штудии в этом секторе труда много нерешенных вопросов. В статье Е. Здравомысловой и О. Ткач, которая обращена к рынку труда домашней наемной рабочей силы начала XXI века, отмечается, что сегодня для России характерна неформализация, что означает, значительный сегмент рынка оказывается в тени, а это в свою очередь создает барьеры для профессионализации [2, с. 77]. Данный фактор открывает широкий простор для различного рода произвола и неформальных практик.

В монографии рассмотрен большой спектр проблем. Авторы показывают, что мир, заключенный под понятием «прислуга», был сложен и разнообразен и состоял из разных пластов. В первой главе исследователи обратились к проблемам социальных факторов, которые формировали мир прислуги. Это отмена крепостного права, развитие рынка труда, появление первых

механизмов регулирования взаимоотношений между работодателем и наемным работником. Безусловной заслугой авторов является стремление рассмотреть позицию прислуги в социальной структуре российского общества через концепцию социального статуса. Здесь они обращаются к социологическим теориям XX века, которые формировали такие понятия, как «социальный статус», «социальная мобильность». Это теории Р. Линтона, Т. Парсонса и др. социологов.

Соответственно, в отдельных главах рассматриваются: домовая прислуга, общедомовая прислуга, прислуга в государственных и общественных учреждениях, общественная прислуга. Каждый раздел показывает, что первые процессы формирования социальной защиты затрагивали и этот слой населения. Еще одна глава ставит задачу осмыслить функционирование прислуги с точки зрения национальных и культурных традиций. Завершающая восьмая глава показывает, что в начале XX века борьба работающего населения за свои права уже была делом не только трудящихся на промышленных предприятиях, но и других социальных слоев, в данном случае прислуги по найму.

Исследование опирается на солидную базу. Представлена весьма разнообразная палитра источников: кроме традиционных нормативно-правовых и делопроизводственных материалов, периодики, данных статистики исследователи привлекли учебники и методические рекомендации по ведению домашнего хозяйства начала XX века, публицистику и художественную литературу. Безусловная заслуга авторов состоит в выявлении большого пласта мемуарных источников, некоторые из которых обнаружены в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Они привлекли личные фонды В.М. Лазаревского, О.В. Синакевича, А.Ф. Гильфердинг и др. Кроме того, использовались материалы тех учреждений и служб, которые наблюдали и контролировали процесс миграции, переход жителей на заработки из деревни в город: Департамент полиции Министерства внутренних дел (МВД) (Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)), Третье отделение Собственной Его Императорского Величества

Канцелярии (ГА РФ), Департамент общих дел МВД (Российский государственный исторический архив (РГИА)), Департамент полиции исполнительной МВД (РГИА), Хозяйственный департамент МВД. Также весьма перспективным для рассмотрения данной темы является привлечение художественной литературы и популярных пособий по ведению домашнего хозяйства. Использование первой в данном случае в качестве источника весьма оправданно, поскольку в тот момент она выполняла критическую функцию и создавала хоть и обобщенный, но вполне реальный образ действительности, который порой не находил отражения в официальных документах делопроизводства государственных структур. Подобные материалы позволяют установить общественные стандарты, сформированные взгляды на использование труда наемной силы, которые порой имели даже большее значение, чем нормативно-правовые акты. Авторам удалось собрать очень яркий фактический материал. Например, читатели с интересом узнают, что иногда нерасторопность казенной прислуги могла быть причиной крупных неприятностей какого-либо учреждения и даже государственного скандала. Например, редакция «Правительственного вестника» не смогла вовремя опубликовать высочайший приказ императора именно по причине того, что вахтер Семенов получил от курьера Министерства императорского двора пакет, расписался за него, записал в книгу приема, но не передал его дежурному курьеру, а положил на стол вместе с другими материалами (с. 165). Такая палитра фактического материала делает данную монографию доступной и интересной не только для специалиста, но и для обычного читателя, который интересуется отечественной историей.

Российская художественная литература создала хрестоматийный образ бесправного и тяжелого положения домашней прислуги. Всем известны рассказы А.П. Чехова «Ванька» и «Спать хочется». Великий русский писатель почерпнул сюжеты для этих рассказов из собственной жизни. Нянька младших детей в семье Чеховых как раз и была девочкой 12 лет,

спальное место которой было на сундуке в коридоре. Автор лишь усилил трагизм ситуации, придумав финал истории. А большое количество мальчиков на побегушках в торговых лавках купеческого Таганрога было весьма обыденным явлением. Сам Антон Павлович нередко в ущерб учебе оставался в лавке за своего отца. Хотя его положение хозяйского сына было намного лучше, чем у героя его рассказа.

Читатели рецензируемой монографии имеют возможность значительно расширить те представления, которые созданы автором великих рассказов. Данное исследование показывает, что жизнь обычного более или менее состоятельного обывателя была связана с разнообразным миром домашней и общедомовой прислуги: кормилицы, кухарки, горничные, прачки, дворецкие, дворники, старшие дворники. Все они имели свой круг обязанностей и определенную специализацию. И социальный статус таких лиц зависел от многих факторов. Здесь также существовала своя иерархия, свои социальные слои, своя элита. Например, весьма многообразен был слой домашних нянек: от крестьянских девочек, спавших на полу у люльки своих подопечных, до женщин, получивших специальное образование, труд которых хорошо оплачивался и был востребован. В мире дворников также был свой элитарный слой – старшие дворники и т. д.

Одновременно весьма существенным сюжетом в данном повествовании является проблема взаимоотношений между работником и работодателем. Безусловно, самыми уязвимыми в этом отношении были девушки и молодые женщины, поскольку кроме нещадной эксплуатации они становились часто объектом сексуальных домогательств. И как итог – большой процент домашней прислуги, больной сифилисом. Авторы монографии очень убедительно показывают, что в этом плане даже прачки оказывались защищены лучше, хотя их труд был более изматывающим. А горничные, кухарки, постоянно проживавшие в доме и имевшие более «чистый» круг обязанностей, занимали более шаткое положение и были под гораздо большей угрозой нарушения прав и неприкосновенности личности.

В то же время представленный в монографии материал показывает, что в пореформенных условиях нарождающиеся трудовые отношения с домашней прислугой приобретали уже новый и противоречивый характер. С одной стороны, полное бесправие работников. Должностные обязанности каждой категории были не определены, и хозяева пытались использовать их труд в полной мере. С другой, сетования о том, как трудно найти хорошую прислугу, были далеко не просто темой для светской беседы. Порой наемная рабочая сила была нечиста на руку, пыталась уклоняться от выполнения своих обязанностей, злоупотребляла алкоголем. Как отмечают авторы: «Служанку, которая ни разу не приходила с рынка без хозяйской копейки в кармане, отыскать было практически невозможно» (с. 87). Обосновывая этот тезис, они используют уникальный материал, почерпнутый как из мемуаров, так и из наставлений молодым хозяйкам. Например, наставления, распространяемые в пособиях по домоводству, рекомендовали ежедневно бывать на кухне и контролировать кухарку. Очень эмоционально выглядят строчки, привлеченные из дневника О.В. Синакевич, в которых с грустью констатируется, что радостное предвкушение разговения в светлый день Пасхи у автора обрушилось, когда она обнаружила, что прислуга даже не потрудилась приготовить какой-либо праздничный стол без особого на то напоминания (с. 73).

Новаторской является глава монографии, посвященная прислуге в государственных и общественных учреждениях и армии. Как показывает исследование, мир прислуги государственных учреждений был таким же многоликим и разнообразным. В данной главе следует выделить несколько очень ярких моментов. Первое: авторам монографии удалось осуществить анализ численных данных и показать, что государственные учреждения на рубеже XIX–XX веков о себе не забывали и численный штат прислуги порой превышал количество самих государственных служащих в два раза. Хотя ради справедливости следует отметить, что в силу слабого технического прогресса,

большой доли рутинного и неквалифицированного труда система делопроизводства не могла существовать без курьеров, рассыльных, сторожей. Например, оперативная доставка бумаг из одного государственного учреждения в другое осуществлялась в буквальном смысле ногами.

Второй очень важный сюжет – это изменение гендерного состава прислуги государственных и общественных учреждений. Если женская прислуга на кухне в частном доме или в земской больнице в лице сиделок была делом традиционным, то в государственных учреждениях появление женщин еще и на очень специфических должностях (например, надзирательницы в тюрьмах) было в новинку. Хотя одновременно следует отметить, что данный аспект следовало бы глубже связать с развитием тюремной системы, совершенствованием системы дознания и сыска, ростом политических преступлений, в которые все больше и больше втягивались девушки, что, в свою очередь, вызывало рост потребности в женском персонале в тюрьмах и органах дознания.

Третий аспект, который удалось обстоятельно раскрыть авторам, – это повседневные реалии подобной категории прислуги: условия проживания, форменная одежда, снабжение, профессиональные артели. Также как и повествование о домашней прислуге, данная глава наполнена интересными фактами, почерпнутыми из переписки государственных служб. И эта переписка свидетельствует, что руководство различных государственных учреждений было вынуждено разбирать конфликты, возникшие среди жен своего младшего персонала на служебных квартирах. Рецензируемая монография подтверждает, что войны на коммунальной кухне имеют глубокие корни и не являются достоянием только советского общества (с. 168).

Процесс урбанизации стимулировал развитие рынка услуг городской жизни: извозчики, официанты, половые, курьеры, посыльные. Данному вопросу в монографии посвящена отдельная глава. Как отмечают авторы исследования, это была преимущественно сфера мужского труда. Хочется отметить два пла-

ста, которые они выделяют. Первый – условия труда и профессиональные обязанности. Второй – процесс формирования корпоративной культуры. В целом картина условий труда и в этом секторе была удручающей: никаких представлений о нормировании рабочего времени, охране труда не существовало. Авторы используют богатейший материал: художественные произведения, которые живописали условия труда отдельных категорий прислуги; материалы публицистики; жалобы самих тружеников, обращенные к власти. Например, для многих извозчиков обыденным делом были обморожения, а рабочий день официантов длился с 6.00 до 00.30. В то же время появление механизмов регулирования некоторой части рынка услуг говорит о том, что данный сектор стремительно развивался. Власти уже были вынуждены регламентировать нормы и правила работы извозчиков, которые ради получения прибыли и в силу отсутствия элементарной культуры порой создавали немало проблем на улице города и даже угрозу безопасности пассажиров. Нередки были случаи устройства гонок экипажей. В целом многие читатели уловят схожесть проблемы и с нашими днями. Техника передвижения изменилась, кони сегодня уже железные, а проблема формирования культуры вождения актуальна и сейчас. Востребованность курьерской службы приводила к созданию артельной организации посыльных с определенной корпоративной культурой, форменной одеждой.

В целом авторам удалось показать ту грань, на которой находился рынок прислуги на рубеже веков: когда к работникам этой сферы общество уже формулировало определенные требования, формировало представления о том, каков должен быть уровень оказания услуг, но в то же время защита самих тружеников пока находилась в зачаточном состоянии. В соответствующей главе исследователи анализируют процесс зарождения первых профессиональных организаций прислуги. Безусловно, особого интереса заслуживает параграф, в котором рассматриваются первые механизмы профессиональной подготовки. Этот вопрос освещен

в монографии на примере развития кулинарных курсов. Представляется, что авторы лишь только начали рассматривать данную проблему. Практики приготовления и потребления еды всегда находились в тесной взаимосвязи с социальными преобразованиями. Модернизационные процессы меняли представления о способах ведения домашнего хозяйства, культуре потребления пищи, месте женщины в обществе. Как отмечается в монографии, слушательницами курсов были девушки различных социальных слоев. Премудрости кулинарного искусства осваивали не только барышни, которые связывали свое будущее с работой по найму, но и те, кто планировал самостоятельно вести хозяйство. Для некоторых выпускниц подобные курсы стали основой для собственного бизнеса. Все эти социальные процессы нуждаются в более глубоком изучении, что, возможно, будет продолжено в отдельной монографии.

Весьма интересна попытка осуществить анализ процесса взаимодействия прислуги с работодателем через национально-культурные и религиозные традиции. Ряд профессиональных артелей и корпораций в России формировались по национальным признакам. Как показано в монографии, национальный и религиозный аспекты имели большое значение в использовании наемной рабочей силы, сформировали некоторые стереотипы. Ряд случаев даже регулировался государством именно с позиций национального аспекта.

Данная работа вносит существенный вклад в осмысление проблемы становления правового сознания и борьбы прислуги за свои права. Собранные факты ярко свидетельствуют, что уже нередко она пыталась искать защиты от произвола хозяев в судебном порядке. Одновременно прислуга присоединялась к революционным методам борьбы за свои права, проявив себя и в годы Первой русской революции, и в революционной буче 1917 года. Представленный материал важен для осмысления истоков революционной борьбы, понимания особенностей революционного сознания. Эти данные еще раз подтверждают мысль, что специфика

революционной борьбы состояла в том, что каждый социальный слой боролся за свои права в рамках своего сословия [3, с. 51].

Следует отметить еще одно достоинство монографии – отличные иллюстрации. Визуальный ряд, представленный в данном издании, разнообразен. Это уникальные фотографии из фондов Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга. Другой пласт – произведения отечественных художников, которые пытались заострить внимание общества на наиболее злободневных проблемах низших социальных слоев России. Не менее интересны карикатуры, публикуемые в тот период на страницах периодики.

В целом, подводя итог, следует отметить, что рецензируемая монография представляет

собой не просто глубокое всестороннее научное исследование, посвященное определенному социальному слою, но и увлекательное чтение, которое будет интересно не только профессиональным историкам. Мы имеем уникальное сочетание научного и научно-популярного стиля изложения. Несомненно, данное издание будет играть большую роль в формировании исторического сознания, расширять и углублять наши представления о социальной структуре российского общества. Говоря о практическом применении данного исследования, наверное, в первую очередь следует отметить именно процесс формирования общественного сознания, поскольку это позволит избежать идеализации прошлого, глубже понять источники революции в России.

Список литературы

1. Клоц А.Р. Домашняя прислуга как объект исторического исследования в англоязычной историографии второй половины XX в. // Вестн. Перм. ун-та. История. 2011. Вып. 3(17). С. 75–80.
2. Здравомыслова Е., Ткач О. Культурные модели классового неравенства в сфере наемного домашнего труда в России // *Laboratorium: журн. соц. исслед.* 2016. № 3. С. 68–99.
3. Семенникова Л.И. Цивилизационные парадигмы в истории России // *Общественные науки и современность.* 1996. № 6. С. 44–57.

References

1. Klots A.R. Domashnyaya prisluga kak ob'ekt istoricheskogo issledovaniya v angloyazychnoy istoriografii vtoroy poloviny XX v. [Domestic Servants as an Object of Historical Research in English-Language Historiography of the Second Half of the 20th Century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, 2011, no. 3, pp. 75–80.
2. Zdravomyslova E., Tkach O. Kul'turnye modeli klassovogo neravenstva v sfere naemnogo domashnego truda v Rossii [Cultural Patterns of Class Inequality in the Realm of Paid Domestic Work in Russia]. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*, 2016, no. 3, pp. 68–99.
3. Semennikova L.I. Tsivilizatsionnye paradigmy v istorii Rossii [Civilizational Paradigms in the History of Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1996, no. 6, pp. 44–57.

DOI: 10.37482/2687-1505-V243

Ol'ga D. Popova

Ryazan State University named for S.A. Yesenin;
ul. Svobody 46, Ryazan, 390000, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5131-7970> e-mail: od-popova@mail.ru

**MAIDS, BATMEN, WASHERWOMEN AND OTHER SERVANTS
IN RUSSIAN EVERYDAY LIFE AT THE TURN OF THE 20th CENTURY**

Review of the book: Veremenko V.A., Zhukova A.E., Samarina L.A., Semenov A.M., Semenova O.A. *Domestic Servants in the Russian Empire in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries*. St. Peterburg, 2021. 572 p. (in Russ.).

The article reviews a multi-authored monograph titled *Domestic Servants in the Russian Empire in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries*. The book comprehensively investigates the issue of domestic servants in post-reform Russia. It studies a great number of sources, contains interesting factual material and comes to some theoretical conclusions, as well as makes a serious contribution to understanding the social transformations in Russia. The review maintains that the investigated issues are highly relevant, since domestic service is in great demand in today's Russia, though remaining as poorly regulated as it was in the early 20th century.

Keywords: *domestic servants, modernization, social stratum, migration, urbanization, post-reform Russia, everyday life.*

Поступила 10.08.2022
Принята 15.01.2023
Опубликована 14.02.2023

Received 10 August 2022
Accepted 15 January 2023
Published 14 February 2023

For citation: Popova O.D. Maids, Batmen, Washerwomen and Other Servants in Russian Everyday Life at the Turn of the 20th Century. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol 23, no. 1, pp. 99–105. DOI: 10.37482/2687-1505-V243

*ГОЛДИН Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 640 научных публикаций, в т.ч. 30 монографий (4 – в соавт.) и 6 учебных пособий (3 – в соавт.)**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

ВЫСШЕЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА АРХАНГЕЛЬСКОМ СЕВЕРЕ: ВЕХИ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Статья посвящена истории и современности высшего педагогического образования на Архангельском Севере. Раскрываются основные этапы истории Архангельского педагогического института, позднее Поморского университета, развитие его структуры и деятельность по подготовке специалистов с высшим педагогическим образованием, а также работа САФУ имени М.В. Ломоносова в этом направлении.

Ключевые слова: *история образования, исторический опыт, Архангельский городской вечерний педагогический институт, Архангельский государственный педагогический институт, Поморский университет, высшее педагогическое образование на Архангельском Севере.*

В ноябре 2022 года отпраздновали 90-летие высшего педагогического образования на Архангельском Севере. Целью этой статьи является характеристика основных этапов и исторических вех в его развитии. Она продолжает рассмотрение проблематики, начатое ранее на страницах журнала [1].

Важным этапом в деле подготовки педагогических кадров в крае стало создание в Архангельске в 1916 году Учительского института, ко-

торый, однако, согласно своему статусу не давал высшего образования. Весной 1920 года он был преобразован в Институт народного образования с 3-летним сроком обучения, считавшийся одно время даже высшим учебным заведением, но в дальнейшем переименован в Практический институт народного образования и переведен в 1923 году в ранг техникума.

Решение о создании Архангельского педагогического института как высшего учебного

*Адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; e-mail: v.i.goldin@yandex.ru

Для цитирования: Голдин В.И. Высшее педагогическое образование на Архангельском Севере: вехи истории и современность // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 1. С. 106–111. DOI: 10.37482/2687-1505-V231

заведения было принято Народным комиссариатом просвещения Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (Наркомпрос РСФСР) в самом начале первой пятилетки. Его планировалось основать в Архангельске, столице Северного края, объединявшего в своем составе с 1929 по 1936 год Архангельскую и Вологодскую губернии, Коми автономную область и Ненецкий национальный округ, для подготовки учительских кадров высшей квалификации для этого обширного региона страны. Но по непонятным и сегодня причинам, о которых можно только догадываться, педагогический институт в Архангельске тогда не появился.

В докладной записке директора Северного краевого педагогического института Г.Я. Швечкова в отдел кадров Наркомпроса РСФСР в августе 1930 года сообщалось, что «подлежащий к открытию по распоряжению Наркомпроса педагогический институт в г. Архангельске постановлением крайисполкома переведен в Вологду с наименованием Северный краевой педагогический институт и целью подготовки преподавателей для ШКС, ФЗС, ШКМ по обществознанию, литературе, физике, математике и естествознанию, для области Коми – родному языку и математике»¹ [2, с. 156–157]. Первый набор в этот институт, созданный в Вологде, был произведен в октябре 1930 года.

Тем не менее потребность в учреждении педагогического вуза в Архангельске сохранялась, и в октябре 1932 года Северный крайисполком принял решение о создании Архангельского городского вечернего института. С 1 ноября 1932 года начинается набор студентов. Приказом по институту от 13 ноября 1932 года были зачислены 167 студентов на 4 отделения: истории; русского языка и литературы; физики; биологии. В этот же день начались занятия в институте, которому было отведено несколько помещений в здании фабрично-заводской вось-

милетки № 1 (бывшей Ольгинской гимназии) по адресу ул. Пермская, 2 (ныне ул. Суворова). Штат института под руководством директора Е.В. Васильевой составлял первоначально всего 10 человек, а остальные преподаватели работали по совместительству [3, с. 315; 4, с. 431]. Так или иначе, это было начало высшего педагогического образования в Архангельске. В феврале 1937 года первые 57 выпускников вуза получили дипломы.

25 августа 1938 года Совет народных комиссаров РСФСР утвердил приказ о создании Архангельского государственного педагогического института (АГПИ). В его составе были три факультета: физико-математический; истории; русского языка и литературы, а обучение студентов велось на дневном и заочном отделениях. АГПИ разместился в здании по адресу: Петроградский проспект, 4 (ныне проспект Ломоносова). 23 августа 1939 года Всесоюзный комитет по делам высшей школы утвердил Устав АГПИ. В том же году при этом учебном заведении был открыт учительский институт с двухгодичным сроком обучения, готовивший кадровый состав для неполных средних школ. В 1941 году в АГПИ начал работу факультет иностранных языков, первый на Севере.

На тот момент в АГПИ было 12 кафедр. Здесь работали 49 преподавателей, из них только 6 человек имели ученую степень кандидата наук или ученое звание доцента [5, с. 12].

В трудные годы Великой Отечественной войны обучение в вузе не прекращалось, а его студенческий контингент состоял в основном из девушек. В 1943 году естественно-географическое отделение АГПИ было преобразовано в самостоятельный факультет.

В 1948 году в АГПИ создан факультет физического воспитания и спорта, самый северный в стране.

В 1957 году за заслуги в развитии образования на Севере Архангельскому государственному педагогическому институту было присвоено

¹Исполнительный комитет краевого Совета народных депутатов (крайисполком); ШКС – школа коммунальной семилетки; ФЗС – школа фабрично-заводской семилетки; ШКМ – школа колхозной молодежи.

имя нашего выдающегося земляка, ученого-энциклопедиста М.В. Ломоносова. В 1982 году в связи с 50-летием и за заслуги в деле подготовки педагогических кадров институт был награжден орденом «Знак Почета».

На протяжении нескольких десятилетий в составе АГПИ существовали 5 факультетов: историко-филологический (объединивший в 1951 году факультет истории и факультет русского языка и литературы), естественно-географический, физико-математический, иностранных языков, физического воспитания и спорта. В 1986 году первый был разделен на исторический факультет и факультет русского языка и литературы. В начале 1980-х годов в составе историко-филологического факультета было создано отделение для подготовки учителей начальных классов с высшим образованием, преобразованное в дальнейшем в факультет начальных классов.

Качественно новый этап в развитии высшего педагогического образования в Архангельской области начался с 1991 года, когда решением Правительства России АГПУ был преобразован в Поморский государственный педагогический университет имени М.В. Ломоносова (ПГПУ) и таким образом первым получил статус университета на архангельской земле. Кроме того, превратившись в университет, вуз стал головным в сфере высшего педагогического образования на Европейском Севере России. Ранее, с 1932 года, таковым являлся Вологодский педагогический институт.

В 1992 году в составе ПГПУ появилась педагогическая мастерская – экспериментальное учебно-научное подразделение, где впервые в Архангельске начали готовить бакалавров и магистров. В дальнейшем она была преобразована в гуманитарный факультет.

Высокая динамика развития международных связей университета способствовала тому, что в 1993 году по представлению министерств иностранных дел России и Норвегии, поддержанному Министерством образования Российской Федерации, постановлением Правительства страны ПГПУ был преобразован в Поморский международный педагогический

университет (ПМПУ). Это открыло новые возможности для подготовки учительских кадров и повышения квалификации профессорско-преподавательского состава, а также развития международного сотрудничества.

В 1996 году ПМПУ был преобразован в Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ПГУ), иначе говоря, превратился в классический университет. Но развитию педагогического образования и подготовке педагогических кадров в нем по-прежнему уделялось большое внимание. Факультет начальных классов был преобразован в факультет педагогики начального образования и социальной педагогики, где велась подготовка учителей начальных классов, социальных педагогов и учителей музыки. В ПГУ был создан также факультет коррекционной педагогики.

Глубокие перемены в жизни вуза во многом связаны с именем ректора АГПИ – ПГПУ – ПМПУ – ПГУ имени М.В. Ломоносова, профессора В.Н. Булатова, занимавшего эту должность с 1986 по 2007 год. Университет входил в тройку самых динамично развивающихся учебных заведений страны.

По сложившейся традиции неделя с 13 по 19 ноября являлась главным праздником Поморского университета, что было связано, с одной стороны, с днем основания вуза в 1932 году, а с другой – с днем рождения М.В. Ломоносова, чье имя, ставшее своего рода путеводной звездой в его развитии, он носил. В эти дни проводились Ломоносовские чтения как преподавателей, докторантов и аспирантов, так и студентов вуза с изданием материалов конференций, подводились итоги развития университета за минувший год, проходила торжественная церемония посвящения в почетные доктора Поморского университета, организовывалась выставка новой научной и учебной литературы, изданной преподавателями.

Вуз уделял большое внимание изучению своей истории, на фундаменте которой происходило его развитие. Был подготовлен и осуществлен ряд крупных обобщающих изданий, раскрывающих вклад АГПИ – Поморского

университета в развитие науки и высшего образования на Севере, подготовку учительских кадров и иных групп специалистов с высшим образованием [5–8].

Последним крупным юбилеем, торжественно проведенным в ПГУ, стало 75-летие вуза в 2007 году. К 300-летию М.В. Ломоносова была издана серия книг в рамках создаваемой Ломоносовской библиотеки, первая из которых открывалась приветствием председателя Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации С.М. Миронова [9].

В 2011 году структура ПГУ выглядела так: 21 факультет, 66 кафедр, 27 научных центров и лабораторий, 6 диссертационных советов, филиалы в Северодвинске, Корьяжме и Нарьян-Маре. С 1995 по 2011 год более 70 преподавателей Поморского университета защитили докторские диссертации. На начало 2011 года в ПГУ на штатной основе работали около 450 докторов и кандидатов наук и он обладал самым крупным научным и кадровым потенциалом среди вузов Европейского Севера России [10, с. 168]. При этом подготовка педагогических кадров с высшим образованием для школ всегда занимала важное место в деятельности университета. Большинство учителей в Архангельской области были выпускниками АГПИ – Поморского университета.

После вхождения ПГУ в состав Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (САФУ) в 2011 году обязанность по подготовке педагогических кадров с высшим образованием перешла к последнему. Прежняя традиционная факультетская система АГПИ – Поморского университета была ликви-

дирована и заменена сначала системой институтов, затем высших школ. Подготовка педагогических кадров сегодня в той или иной степени ведется в высшей школе педагогики, психологии и физической культуры, высшей школе социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, высшей школе естественных наук и технологий и высшей школе информационных технологий и автоматизированных систем.

За 90 лет в АГПИ, Поморском университете и САФУ были подготовлены несколько десятков тысяч специалистов с высшим педагогическим образованием.

В связи с юбилеем высшего педагогического образования на Архангельском Севере хочется поздравить прежде всего представители тех вузовских специальностей, которые стояли у его истоков и непосредственно связаны с данной юбилейной датой. Это историки, филологи, физики и биологи. С другой стороны, это, конечно, праздник и всех тех, кто трудился в сфере подготовки педагогических кадров в Архангельском педагогическом институте – Поморском университете и продолжает делать это в САФУ, а также тех, кто окончил вуз и трудится сегодня на ниве просвещения. Хочется пожелать всем коллегам новых творческих успехов на поприще науки и образовательной деятельности, а также в подготовке учительских кадров, чему уделяет сегодня большое внимание руководство страны. Повышение качества педагогических кадров и престижа профессии педагога в обществе призвано способствовать реализации цели, поставленной Правительством России к 2030 году – вхождению страны в 10 лучших стран по качеству общего образования².

Список литературы

1. Котцова Е.Е., Попова Л.В., Марьянчик В.А. Из истории кафедры русского языка и речевой культуры САФУ (к 90-летию высшего педагогического образования в Архангельске) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. № 4. С. 134–143. DOI: [10.37482/2687-1505-V196](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V196)
2. Культурное строительство на Севере, 1917–1941 годы: документы и материалы / сост. Л.В. Владимирова и др. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1986. 286 с.

²Концепция подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года: утв. Правительством России 24.06.2022. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

3. Поморская энциклопедия. Т. 1. История Архангельского Севера / гл. ред. Н.В. Булатов; сост. А.А. Куратов. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2001. 481 с.
4. Поморская энциклопедия. Т. 4. Культура Архангельского Севера / гл. ред. Т.С. Буторина. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; САФУ, 2012. 663 с.
5. Макаров Н.А. Поморский университет: история в лицах: документальные очерки. Архангельск: Помор. ун-т, 2007. 609 с.
6. Голдин В.И., Журавлев П.С. Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова на рубеже веков: научно-исследовательская деятельность. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2000. 274 с.
7. Булатов В.Н. Наука на Архангельском Севере: исторический очерк. М.: Изд-во Моск. ун-та; Архангельск: Помор. ун-т, 2007. 278 с.
8. Голдин В.И. Богатству Севера наукой прирастать: научный комплекс Поморского университета и его роль в развитии Европейского Севера: моногр. М.: Изд-во Моск. ун-та. Архангельск: Помор. ун-т, 2007. 534 с.
9. М.В. Ломоносов: личность и научно-образовательная деятельность: сб. / сост. и отв. ред. В.И. Голдин. Архангельск: Помор. ун-т, 2009. 210 с.
10. Голдин В.И. На перекрестках памяти: моногр. Архангельск: Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова; Лоция, 2021. 495 с.

References

1. Kottsova E.E., Popova L.V., Maryanchik V.A. From the History of the Department of the Russian Language and Speech Culture, NArFU (to the 90th Anniversary of Higher Teacher Education in Arkhangelsk). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, no. 4, pp. 134–143. DOI: [10.37482/2687-1505-V196](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V196)
2. Vladimirova L.V. et al. (comps.). *Kul'turnoe stroitel'stvo na Severe, 1917–1941 gody: dokumenty i materialy* [Cultural Development in the North, 1917–1941: Documents and Materials]. Arkhangelsk, 1986. 286 p.
3. Bulatov A.A. (ed.). *Pomorskaya entsiklopediya. T. 1. Istoriya Arkhangel'skogo Severa* [Pomor Encyclopaedia. Vol. 1. History of the Arkhangelsk North]. Arkhangelsk, 2001. 481 p.
4. Butorina T.S. (ed.). *Pomorskaya entsiklopediya. T. 4. Kul'tura Arkhangel'skogo Severa* [Pomor Encyclopaedia. Vol. 4. Culture of the Arkhangelsk North]. Arkhangelsk, 2012. 663 p.
5. Makarov N.A. *Pomorskiy universitet: istoriya v litsakh: dokumental'nye ocherki* [Pomor University: History in Faces: Documentary Essays]. Arkhangelsk, 2007. 609 p.
6. Goldin V.I., Zhuravlev P.S. *Pomorskiy gosudarstvennyy universitet imeni M.V. Lomonosova na rubezhe vekov: nauchno-issledovatel'skaya deyatel'nost'* [Pomor State University Named After M.V. Lomonosov at the Turn of the Century: Research Activities]. Arkhangelsk, 2000. 274 p.
7. Bulatov V.N. *Nauka na Arkhangel'skom Severe: istoricheskiy ocherk* [Scholarship in the Arkhangelsk North: A Historical Essay]. Moscow, 2007. 278 p.
8. Goldin V.I. *Bogatstvu Severa naukoy prirastat': nauchnyy kompleks Pomorskogo universiteta i ego rol' v razvitiy Evropeyskogo Severa* [To Increase the Wealth of the North with Science: The Scientific Complex of Pomor University and Its Role in the Development of the European North]. Moscow, 2007. 534 p.
9. Goldin V.I. (ed.). *M.V. Lomonosov: lichnost' i nauchno-obrazovatel'naya deyatel'nost'* [M.V. Lomonosov: Personality and Scholarly and Educational Activities]. Arkhangelsk, 2009. 210 p.
10. Goldin V.I. *Na perekrestkakh pamyati* [At the Crossroads of Memory]. Arkhangelsk, 2021. 495 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V231

Vladislav I. Goldin

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267> e-mail: v.i.goldin@yandex.ru

HIGHER TEACHER EDUCATION IN THE ARKHANGELSK NORTH: HISTORICAL MILESTONES AND THE PRESENT

This article dwells on the history of and current situation in the higher teacher education in the Arkhangelsk North. It describes the key stages in the history of Arkhangelsk Teacher Training Institute and, later, Pomor University, development of their structure and training of specialists with higher teacher education, as well as the work of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov in this sphere.

Keywords: *history of education, historical experience, Arkhangelsk City Evening Teacher Training Institute, Arkhangelsk State Teacher Training Institute, Pomor University, higher teacher education in the Arkhangelsk North.*

Поступила 24.11.2022
Принята 02.02.2023
Опубликована 07.02.2023

Received 24 November 2022
Accepted 2 February 2023
Published 7 February 2023

For citation: Goldin V.I. Higher Teacher Education in the Arkhangelsk North: Historical Milestones and the Present. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 106–111. DOI: 10.37482/2687-1505-V231

УШЛА ИЗ ЖИЗНИ ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА НИФАНОВА. СЛОВА ПРОЩАНИЯ



С прискорбием сообщаем, что 17 января 2023 ушла из жизни Татьяна Сергеевна Нифанова, уважаемый профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и германского языкознания, позднее – кафедры литературы и русского языка гуманитарного института САФУ.

Татьяна Сергеевна начала профессиональный путь в 1980-е годы в Московском педагогическом государственном университете имени В.И. Ленина с исследования проблем развития английской театральной терминологии. В 1990 году она заявила о себе как о состоявшемся ученом, защитив кандидатскую диссертацию по специальности 10.02.04 «Германские языки». Осознав, что достаточно узкие рамки германистики не позволяют изучить все богатство языковых явлений, Татьяна Сергеевна обратилась к лингвистическому осмыслению шарма и красоты французского и загадкам русского

языка. Следующим этапом научных поисков стал переход к сопоставительным исследованиям. Результатом этой работы явилась защита в 2005 году докторской диссертации на тему «Сопоставительное исследование английской и французской национальной языковой картины мира (на материале денотативных классов из сферы “Природа”)» по специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание». Ею были сформулированы принципы сопоставительного изучения эстетической периферии денотативно связанной лексики английского, французского и русского языков, показаны основные подходы к интерпретации полученных данных.

Своим научным и профессиональным опытом Татьяна Сергеевна активно делилась с молодыми исследователями, которых готовила со студенческой скамьи. Студенты и магистранты, влюбленные в иностранные языки, с увлечением включались в работу научного кружка «Сопоставительное изучение лексических единиц разных языков», научным руководителем которого Татьяна Сергеевна была на протяжении многих лет. Некоторые из ее учеников после окончания вуза остались в альма-матер уже в статусе квалифицированных специалистов. Как истинный ученый и педагог, она отдавала все силы развитию научного потенциала родной кафедры.

Татьяна Сергеевна Нифанова с ее преданностью науке, своему делу, кафедре германской филологии, бесменным и чутким руководителем которой она являлась на протяжении нескольких десятилетий, внесла значимый вклад в воспитание и становление ученых-филологов нашего региона.

Выражаем глубокие соболезнования родным и близким Татьяны Сергеевны, скорбим вместе с ними по поводу невосполнимой утраты дорогого человека.

Коллеги

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Авакова М.Л., кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета;

Баксанский О.Е., доктор философских наук, профессор, профессор отдела аспирантуры Физического института им. П.Н. Лебедева Российской академии наук (Москва);

Буркова Т.А., доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой романо-германского языкознания и зарубежной литературы Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы (г. Уфа);

Бурханов Р.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и права Сургутского государственного университета;

Василенко Ю.В., кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Пермь);

Винокуров В.А., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий;

Гагарин А.С., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры политических наук Уральского федерального университета (г. Екатеринбург);

Гагинский А.М., кандидат философских наук, научный сотрудник сектора философии религии Института философии Российской академии наук (Москва);

Гагкуев Р.Г., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории Российской академии наук (Москва);

Голдин В.И., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Гусева И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва);

Жорж Т.К., доктор филологических наук, доцент, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода и коммуникации Московского педагогического государственного университета;

Инговатов В.Ю., доктор философских наук, профессор, директор Гуманитарного института Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (г. Барнаул);

Канинская Г.Н., доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова;

Катионов О.Н., доктор исторических наук, профессор кафедры «Отечественная и всеобщая история», директор Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета;

Лавренов С.Я., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, академический советник Российской академии ракетных и артиллерийских наук (Москва);

Медова А.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социальных наук Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева (г. Красноярск);

Пархитко Н.П., кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики Российского университета дружбы народов (Москва);

Репневский А.В., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Соколова Ф.Х., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения и международных отношений Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Тагаев М.Д., доктор филологических наук, профессор, директор института русского языка им. А.О. Орусбаева Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента РФ Б.Н. Ельцина (г. Бишкек);

Шендриков Е.А., кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”» содержит публикации по основным направлениям научно-исследовательской работы в области языкознания, философии, а также истории и археологии.

Общие требования

Тексты предоставляются в электронном виде. Для этого необходимо зайти на сайт журнала <https://vestnikgum.ru/> и, нажав на кнопку «Отправить материал», перейти на редакционно-издательскую платформу, куда можно будет после регистрации загрузить статью и сопроводительные документы. Необходимо указать отрасль науки и специальность (шифр и название), по которым выполнено научное исследование.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением *.doc. В имени файла указываются фамилия, инициалы автора.

Параметры страницы

Формат А4. Поля: правое, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ – 10 мм. Межстрочный интервал – полуторный. Порядковые номера страниц проставляются по середине верхнего поля страницы арабскими цифрами.

Шрифт

Times New Roman. Размер кегля (символов) – 14 пт; аннотации, ключевых слов – 12 пт.

Объем статьи

Максимальный объем статей: 10–15 страниц, обзорных статей – до 20 страниц.

Сведения об авторе

Указываются на русском и английском языках фамилия, имя, отчество автора (полностью); ученая степень, звание, должность и место работы (кафедра, институт, университет). Общее количество научных публикаций, в т. ч. отдельно указать количество монографий, учебных пособий; рабочий адрес с почтовым индексом; тел./факсы (служебный, домашний, мобильный), e-mail.

ORCID

В сведениях об авторах также необходимо указать международный авторский идентификатор ORCID в формате интерактивной ссылки <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>. Если у автора нет номера ORCID, его необходимо получить, зарегистрировавшись на ресурсе orcid.org. В профиле обязательно должна быть указана минимальная информация: место работы, ученая степень, должность.

Индекс УДК

Располагается отдельной строкой слева перед заглавием статьи. Индекс УДК (универсальная десятичная классификация) должен соответствовать заявленной теме, проставляется научной библиотекой.

Заглавие	Помещается перед текстом статьи на русском и английском языках. Используется не более 11 слов.
Резюме	Предоставляется на русском и английском языках (кроме статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография»). Резюме должно быть: <ul style="list-style-type: none"> – информативным (не содержать общих фраз); – оригинальным; – содержательным (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); – структурированным (следовать логике описания результатов в статье); – компактным (укладываться в объем от 200 до 250 слов).
Аннотация	Авторы статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография» предоставляют аннотацию (объем 50–100 слов).
Ключевые слова	После резюме (аннотации) указывается до 6–8 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
Примечания и комментарии	Примечания, комментарии, ссылки на нормативные акты, сайты, документальные источники, а также анализируемую литературу (если это не книга, сборник, статья и т. п. в электронном виде) даются в виде подстрочных сносок (внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра (нумерация сквозная).
Библиографические ссылки	Библиографические ссылки на использованную литературу оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 (п. 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»). <ul style="list-style-type: none"> – Подпункт 7.4.1 – ссылка на текст. <i>Например:</i> в тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И.М. Кауфмана [59]; в списке литературы: 59. <i>Кауфман И.М.</i> Терминологические словари: библиография. М., 1961. – Подпункт 7.4.2 – ссылка на фрагмент текста. <i>Например:</i> в тексте: [10, с. 81], [10, с. 106] и т. д.; в списке литературы: 10. <i>Бердяев Н.А.</i> Смысл истории. М., 1990. 175 с.
Рисунки, схемы, диаграммы	Принимается не более 4 рисунков (черно-белых). Рисунки, схемы, диаграммы приводятся в тексте статьи и предоставляются отдельными файлами. Схемы выполняются с использованием штриховой заливки. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах *.tiff, *.tif (Grayscale – Оттенки серого, 300 dpi). Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (<i>рис. 2</i>). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, подпись и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений.

Таблицы

Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах должны также иметь тематические заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12–2011 (касается русских слов), 7.11–2004 (касается слов на иностранных европейских языках). Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

- Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала. Электронные варианты отредактированного текста авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.
- Все статьи отправляются на независимую экспертизу и публикуются только в случае положительной рецензии. Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.
- Статьи публикуются на бесплатной основе.
- Для отправки статьи воспользуйтесь кнопкой «Отправить материал» на сайте нашего журнала <https://vestnikgum.ru/>

Тел.: (8182) 21-61-21; e-mail: vestnik_gum@narfu.ru, vestnik@narfu.ru

- Редакция принимает предварительные заявки на приобретение номеров журнала.

На электронную версию журнала можно подписаться через каталоги:

«Урал-Пресс» http://www.ural-press.ru/catalog/97209/8650495/?sphrase_id=328736

«Пресса по подписке» <https://www.akc.ru/search/>

Свободная цена.